

КУЛЬТУРА
И
ТЕКСТ

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

**№ 1 (19)
2015**

БАРНАУЛ

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ
№ 1(19) 2015

Редакционная коллегия

Главный редактор –

Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные редакторы по разделам

Лингвистика – **Бринев Константин Иванович**

Литературоведение – **Козубовская Галина Петровна**

Культурология – **Ан Светлана Андреевна**

Редакционная коллегия

Бутакова Л.О. (д-р филологических наук, ОмГУ, Омск), Габдуллина В.И. (д-р филологических наук, АлтГПУ, Барнаул), Голев Н.Д. (д-р филологических наук, КемГУ, Кемерово), Голубков С.А. (д-р филологических наук, СамГУ, Самара), Гончарова О.М. (д-р филологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург), Гончаров С.А. (д-р филологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург), Гребнева М.П. (д-р филологических наук, АлтГУ, Барнаул), Дубровская Т.В. (д-р филологических наук, ПГУ, Пенза), Колесов И.Ю. (д-р филологических наук, АлтГПУ, Барнаул), Лебедева Н.Б. (д-р филологических наук, КемГУ, Кемерово), Мирошникова О.В. (д-р филологических наук, ОмГПУ, Омск), Орлицкий Ю.Б. (д-р филологических наук, РГГУ, Москва), Рогачева Н.А. (д-р филологических наук, ТюмГУ, Тюмень), Семькина Р.Н. (д-р филологических наук, ААЭП, Барнаул), Скатов Н.Н. (д-р филологических наук, член-корр. РАН, ИРЛИ, Санкт-Петербург), Строганов М.В. (д-р филологических наук, Москва), Строганова Е.Н. (д-р филологических наук, Москва), Фарыно Ежи (д-р филологических наук, Варшава, Польша), Худенко Е.А. (д-р филологических наук, АлтГПУ, Барнаул), Яковлева Е.А. (д-р филологических наук, БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа)

Учредитель: ГОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 54625 от 01.07. 2013 г.

Адрес редакции: 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. Тел. 8 (3852) 62-35-57. Адрес электронной почты: galina_mifo@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Сажин В.Н.

Л. Добычин. Новые материалы к биографии и творчеству.....	9
---	---

Белоусов А.Ф.

Адденда к статье В.Н. Сажина: Текстологические заметки об автографах, подаренных Добычиным Раковскому.....	34
--	----

Голубева Э.С.

Две фотографии Ольги Добычиной.....	43
-------------------------------------	----

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Голубева Э.С.

«Встречи с Лиз». (Образ и прототип)	48
---	----

Мешков В.А.

Семья Боряевых в Евпаторийском сюжете «Города Эн» и реальность.....	69
---	----

Лощилов И.Е.

«Пляска свих» и открытки на смерть Льва Толстого. Две заметки.....	85
--	----

Белоусов А.Ф.

«Часовенка в память «усекновения главы».....	99
--	----

.....

ПОЭТИКА

Строганов М.В.

Не встречи с Лиз: Об изображении массового человека в рассказах Добычина.....	107
---	-----

Королёв С.И.

Молчание и умолчание у Добычина.....	127
--------------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Королёв С.И.

Библиографический указатель. 2009 – 2013. Дополнения за 1928 – 2008 гг.	138
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий номер отличается от всех предыдущих – это спецвыпуск.

Номер, целиком посвященный одному автору – Л. Добычину, продолжает серию «Добычинских сборников», издававшихся кафедрой русской литературы и культуры Даугавпилсского университета в течение более, чем двадцати лет. Монографический характер номера объясняется очередным «добычинским» юбилеем – выход в свет самого значительного произведения Добычина – романа «Город Эн» (1935).

Материалы, предложенные авторами, уникальны и представляют интерес не только для специалистов по русской прозе XX в., но и для всех, интересующихся русской литературой, вполне органичны для нашего журнала, охватывающего многие грани научных исследований.

В первую очередь это касается богатых архивных разысканий, профессионально прокомментированных специалистами. Авторы статей работают в русле «микропоэтики», декодируя текст, его образный строй, выявляют закономерности и специфику авторской поэтики. Фотографии, открытки и пр. существуют в реконструируемой биографии, биографический контекст поясняет эпизоды биографии как Добычина, так и его окружения.

Завершает номер раздел «Библиография», свидетельствующий о непрерывающейся кропотливой работе по поиску материалов, связанных с Добычиным: сведенные вместе, они существенно изменяют общую картину изучения писателя, демонстрируя в то же время актуальность исследования указанного автора.

Мы и в дальнейшем будем практиковать подобные тематические номера.

Приглашаем к сотрудничеству.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исчезнув весной 1936 г., писатель Л. Добычин надолго выпадает из литературного контекста. Лишь в 1964 г. «Краткая Литературная Энциклопедия» печатает небольшую, но достаточно информативную справку о писателе [КЛЭ, 1964, т. II, с. 725]. Еще через несколько лет Добычина начнут упоминать в своих воспоминаниях его современники. Особую настойчивость проявил Вениамин Каверин, который не только вспоминал о Добычине, но и публиковал его рассказы.

В начале 1980-х гг. добычинская проза привлекает внимание литературоведов, о чем свидетельствует как доклад преподавателя Ленинградского университета А.Р. Петрова «О прозе Леонида Добычина», прочитанный им на научной конференции филологического факультета ЛГУ в марте 1981 г. [Программа, 1981, с. 7], так и опубликованная в том же году в Югославии статья хорватского литератора Дубравки Угрешича «О “Gradu N” Leonida Dobičina» [Ugrešić, 1981]. Однако этим дело в то время и ограничилось.

Интерес к литературному наследию Добычина заметно вырос в эпоху перестройки и гласности, чему способствовали переиздания произведений писателя, которые сделали их гораздо доступнее для читателей, чем это было прежде¹. В первую очередь следует отметить републикацию романа «Город Эн» в очень популярном в те годы рижском журнале «Родник». В послесловии к ней известный литературовед Р.Д. Тименчик подчеркнул: «Романом Леонида Добычина “Город Эн” в высокую прозу вошел Двинск, нынешний Даугавпилс» [Тименчик, 1988, с. 80].

Это обстоятельство вдохновило даугавпилских коллег заняться изучением творчества Добычина. 10-11 декабря 1990 г. в Даугавпилском педагогическом институте состоялись первые «Добычинские чтения», на которых с докладами о поэтике добычинской прозы выступили не только преподаватели ДПИ, но и гости из других городов страны. Материалы «чтений», которые вплоть до последнего времени периодически устраивались в Даугавпилсе,

¹ Вместе с тем следует иметь в виду, что из трех книг Добычина запрещен был только сборник рассказов «Портрет» (см.: [Блум, 2003, с. 78]).

легли в основу «Добычинских сборников», издававшихся кафедрой русской литературы и культуры Даугавпилсского университета. В «Добычинских сборниках» печатались ведущие исследователи прозы Л. Добычина, аккумулируя тем самым творческие достижения добычиноведения. Отмечая 25-летие даугавпилсских «Добычинских чтений», мы вспоминаем и чествуем участников этих конференций. Их работы сыграли важную роль в освоении литературного наследия Добычина, раскрывая глубину и содержательность его необычной прозы.

Настала пора очередных «добычинских» юбилеев. В 2014 г. исполнилось 90 лет первой публикации Добычина – рассказа «Встречи с Лиз». 2015-й год – юбилейный год выхода в свет самого значительного произведения Добычина – романа «Город Эн» (1935), ставшего последней прижизненной публикацией писателя. Мы полагаем, что эти даты необходимо отметить и тем самым продолжить изучение жизненного пути и литературного творчества одного из самых востребованных в настоящее время русских писателей XX в.¹

Дело, начатое в 1990-м г., остается по-прежнему актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блюм, А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями / А.В. Блюм. – СПб., 2003. – 404 с.

Наркевич, А.Ю. Добычин Леонид Иванович / А.Ю. Наркевич // Краткая Литературная Энциклопедия: В 9 т. Т. 2. – М., 1964. – С. 725.

Программа X научной конференции преподавателей и аспирантов филологического факультета «Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии». 17, 18, 19, 20 марта 1981 г. – Л., 1981.

¹ О востребованности писателя свидетельствуют не только два издания его полного собрания сочинений и писем, вышедшие в 1999 и 2013 гг., но и переводы произведений Добычина на десять иностранных языков.

Тименчик, Р.Д. О городе Эн, его изобретателе и о несбывшемся пророчестве / Р.Д. Тименчик // Родник. (Рига). – 1988. – № 11. – С. 80.

Ugrešić, D. О «Gradu N» Leonida Dobičina // Dometi (Rijeka). – 1981. – № 6. – С. 91-100.

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

В.Н. Сажин¹
Санкт-Петербург

Л. ДОБЫЧИН. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВУ

В своей статье В.Н. Сажин обсуждает новые материалы, относящиеся к жизни и творчеству Добычина, которые были найдены им в российских архивах. Среди этих материалов переписка Добычина с редакцией журнала «Русский современник» и его автограф рассказа «Старухи в местечке» (1924); анкета, заполненная Добычиным при вступлении во Всероссийский союз писателей (1930); письма Добычина писателю Леонтию Раковскому с автографами рассказов «Лекпом», «Петров» и «Отец» (1930) из личного архива Раковского, а также спецсообщения агентов госбезопасности с высказываниями советских писателей о творчестве и судьбе Добычина (1936 – 1937), которые содержат новую информацию, существенно дополняющую прежние публикации подобных документов, и некоторые другие архивные находки.

Ключевые слова: Неизвестные автографы Добычина, новые письма и новые редакции рассказов Добычина, информация о писателе в спецсообщениях агентов госбезопасности.

¹ Валерий Николаевич Сажин, кандидат филологических наук, член Союза писателей Санкт-Петербурга

V.N. Sazhin
St. Petersburg

**L. DOBYCHIN: NEW MATERIALS FOR THE WRITER'S
BIOGRAPHY AND LITERARY WORK**

In his article, V.N. Sazhin discusses new materials, related to Dobychin's life and work, that he recently found in several Russian archives. Among these materials are Dobychin's correspondence with the

editors of "Russkij Sovremennik" magazine and his autograph of the short story "Old Women in Small Town" (1924); an application form filled in by Dobychin when joining the Russian Union of Writers (1930); Dobychin's letters to writer Leontiy Rakovsky; the last autographs of the short stories "Paramedic", "Petrov" and "Father" (1930) belonging to Rakovsky's personal archive; special reports of state security agents containing Soviet writers' judgments of Dobychin's work and fate (1936-1937), which significantly contribute new information to the previous publications of similar documents, and several other archival discoveries.

Keywords: Dobychin's newly discovered autographs, newly discovered letters and short stories by Dobychin, information about the writer in the special reports of state security agents.

Недавняя добычинская мистификация [Юрьев, 2012, с. 35-56] засвидетельствовала не только игривость творческого воображения её автора, но и, по-видимому, потребность в отыскании и публикациях подлинных новых архивных материалов, свидетельствующих о жизни и творчестве Л. Добычина.

Некоторое количество таких материалов (а также корректировка нескольких прежних публикаций) представлены в нижеследующей работе.

1.

С письма Добычина от 12 августа 1924 г. в журнал «Русский современник»¹, к которому были приложены его рассказы «Встречи с Лиз» и «Козлова» (См. письмо Добычина К.И. Чуковскому от 12 августа 1925 г. [Добычин, 2013, с. 256]), начались взаимоотношения писателя с этим журналом. Несмотря на полученное около 25 сентября известие от Чуковского, что посланные рассказы будут напечатаны в декабрьском номере (№4) «Русского современника», нетерпеливый автор запрашивал:

«17 октября 1924

В редакцию “Русского Современника”

Прошу сообщить, будут ли напечатаны в “Русском Современнике” посланные мной в августе два рассказа (“Козлова” и “Встречи с Лизой <так! – В.С.² >”).

Брянск,

Губпрофсовет,

Л.И. Добычину.

Вот марки на ответ» [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1246]³.

Над текстом письма редакционная помета: *«Отвечено 22/X – 24 г.»*.

В архиве редакции сохранился отпуск этого ответного письма:

«22 октября 1924 года

Л. Добычину

В ответ на В<аше> письмо от 17-го с<его> м<есяца> Редакция журнала сообщает Вам, что В<аш> рассказ “Встреча <так! – В. С.> с Лиз” – (Редакция несколько изменила заглавие) – будет напечатан в № 4, который уже наполовину набран. В<аш> рассказ “Козлова”, а равно и рассказ, адресованный Вами лично К.И.

¹ Это письмо не обнаружено.

² Об этом см. далее.

³ Благодарю Т.В. Кукушкину за помощь в поиске материалов, относящихся к Добычину, в архивных фондах Рукописного Отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) (РО ИРЛИ).

Чуковскому, вероятно, тоже пойдут в одном из следующих номеров. Кроме того, К.И. Чуковский просил запросить Вас, нет ли у Вас какой-нибудь “большой” вещи, с которой желательно было бы ознакомиться.

Секретарь Редакции <В.В. Богдановская(?)>» [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1953. Л. 136]¹].

Рассказ, *«адресованный... лично К.И. Чуковскому»*, – вероятно, тот, который Добычин (не называя заглавия) послал ему при письме от 10 октября².

В этой переписке обращают на себя внимание трансформации заглавия рассказа «Встречи с Лиз», опубликованного в конце концов в 1924 г. в декабрьском номере «Русского современника» (№ 4). Не располагая автографом названного рассказа,

вряд ли можно быть совершенно уверенным, что Добычин в письме в редакцию назвал свой рассказ иначе (ошибся?), чем он назывался в посланном автографе, и, следовательно, нельзя исключить, что рассказ первоначально так и назывался, как он фигурирует в письме Добычина. Точно так же, не исключено, что ремарка *«Редакция несколько изменила заглавие»* (в письме Добычину из журнала) относится ко всему заглавию, а не к первому заглавному слову (описка?).

Верстка рассказа «Встречи с Лиз» сохранилась в архиве редакции «Русского современника» [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1774]³.

Имя Добычина неоднократно встречается в делопроизводственных документах этого журнала. Так, в сводной

¹ Дата – автограф В.В. Богдановской (?); остальное – машинопись.

² В примечании сказано, что имеется в виду рассказ «Евдокия» [Добычин, 2013, с. 504].

³ Этот рассказ стал заглавием первого авторского сборника Добычина, вышедшего в Ленинграде в 1927 г. Корректурный экземпляр этого издания в 2002 г. был выявлен в Резервном фонде Российской национальной библиотеки и передан на хранение в Отдел рукописей (см.: Добычин Л.И. Встречи с Лиз: Корректурный экземпляр книги // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 10. Без номера). На авантитуле – дата возвращения книги в типографию: 28 июня.

зарплатной и гонорарной ведомости по № 4 «Русского современника», составленной в начале 1925 г., отмечено: «Добычин Л. Минск <так! – В.С.>, Губпрофсовет 21 р.» [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1953. Л. 2]¹. В отпуске письма из редакции «Русского современника» в Гублит (без даты) с уведомлением о содержании ближайших номеров журнала в числе других авторов фигурирует Добычин [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1953. Л. 17]. Редакция планировала напечатать в № 5 рассказ Добычина «Козлова» (почему-то переименованный в «Учительницу»² – под таким заглавием он анонсировался в № 4). Это намерение отражено в черновых планах редакции, датируемых примерно февралем 1925 г. [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1953. Л. 18, 173, 174].

В архиве «Русского современника» сохранился автограф рассказа Добычина «Старухи в местечке» [РО ИРЛИ. Ф. 172. № 1076].

Рукопись представляет собой самодельную тетрадь из сложенных пополам листов в привычный для Добычина формат – четверку; всего по авторской нумерации 25 страниц; первая

(нечисленная) страница – обложка с заглавием; вся рукопись, как обычно у Добычина, написана на лицевых сторонах листов.

Местонахождение автографа этого рассказа позволяет сделать предположение, что, возможно, Добычин осенью 1924 г. переработал рассказ «Евдокия» (входивший в посланный им в мае 1924 г. М. Кузмину сборник «Вечера и старухи»)³ и под наименованием «Старухи в местечке» отослал Чуковскому для публикации в «Русском современнике». Тогда можно полагать, что именно об этом рассказе идет речь в письмах Добычина Чуковскому от 10 октября и 24 и 25 ноября 1924 г. [Добычин, 2013, с. 247-248] и что, несмотря на просьбу Добычина прислать ему обратно рукопись [Добычин, 2013, с. 248], она осталась в архиве редакции журнала, а её публикация действительно

¹ О получении этих денег Добычин извещал М.Л. Слонимского в письме от 23 февраля 1925 г. [Добычин, 2013, с. 268].

² По этому поводу Добычин недоумевал в письме Чуковскому от 20 января [Добычин, 2013, с. 253].

³ Об этом см.: [Добычин, 2013, с. 531].

первоначально планировалась в нем (см. выше письмо Добычину из редакции от 22 октября 1924 г.).

До сих пор рассказ «Старухи в местечке» печатался «по рукописному тексту, находящемуся в архиве В. Каверина»¹. Мы не имели возможности сверить указанную публикацию с автографом, по которому она сделана, но и без того очевидны её дефекты: отсутствует обязательное членение Добычиным своего текста на фрагменты с *отбивкой* между ними; отсутствуют характерные *ударения*, которыми обычно пестрит текст Добычина; явной опечаткой является «съехавшее» внутрь текста обозначение первой подглавки².

Автограф рассказа «Старухи в местечке» из архива «Русского современника», помимо того, что содержит названные выше и иные свойства, которые обычны для графики автографов Добычина, отличается от опубликованного варианта (будем его называть «автографом Каверина») большей близостью к рассказу «Евдокия».

Как там глава 7 начинается со слов: «*Прикладывались. Духовное лицо...*» [Добычин, 2013, с. 347], так здесь теми же словами начинается глава 4 (с соответствующим смещением нумерации; в «автографе Каверина» аналогичное место текста вообще не выделено в качестве начала отдельной главы). В «Евдокии» глава 6 начинается словами: «*В палисаднике у фрау Анны Рабе...*» [Добычин, 2013, с. 345]; в «автографе Каверина» так начинается глава 3, только слово «*Анны*» – опущено [Добычин, 2013, с. 424]; в автографе «Русского современника» глава 3 начинается точно, как в «Евдокии». Текст главы 1 идентичен в автографах Каверина и «Русского

¹ См.: Добычин Л.И. Старухи в местечке // Литературное обозрение. – 1988. – № 3. – С.100 (вся публикация: 100–102; перепечатано в: [Добычин, 2013, с. 421–428]).

² Эта опечатка исправлена в изд.: Расколдованный круг: Сборник повестей и рассказов. – Л., 1990. – С. 501. [Добычин, 2013, с. 421]. К сожалению, обе публикации, воспроизводящие названные свойства публикации «Литературного обозрения», имеют и собственные негативные особенности: в первой сделаны «свои» опечатки, а во второй прямая речь персонажей, у Добычина обычно погруженная внутрь текста, методично выделена абзацами, как в стандартных общепринятых публикациях.

современника», но в последнем автографе, в третьем с конца абзаце, подобно аналогичному фрагменту в «Евдокии» (там это более пространная редакция окончания главки 2 [Добычин, 2013, с. 339]), персонаж назван «*Ксендз Балюль*», тогда как в автографе Каверина оставлено только имя [Добычин, 2013, с. 422].

Таким образом, автограф рассказа «Старухи в местечке» из архива «Русского современника», по нашему предположению, предшествует по времени создания автографу того же рассказа из архива Каверина.

2.

В конце 1929 – начале 1930 г. Добычин находился в Ленинграде. Об этом свидетельствуют нижеследующие документы.

12 декабря 1929 г. Добычин собственноручно заполнил стандартную анкету для вступления в Союз писателей:

*«Всероссийский союз писателей
Анкета для членов Союза*

Фамилия, имя, отчество: Добычин Леонид Иванович¹

Литературный псевдоним: нет

Точный адрес: Ленинград, ул. Красных Зорь, д. 61, кв. 28²

¹ Здесь и далее в тексте анкеты полужирным выделен собственноручный текст Добычина; остальное – типографская печать.

² Ул. Красных Зорь – до 1918 и после 1991 г. Каменноостровский пр.; в 1918–1934 г. ул. Красных Зорь; в 1934–1991 г. Кировский пр. В письме к И.И. Слонимской от 1 июня 1930 г. Добычин сообщает, что, уезжая из Ленинграда, оставил за собой предоставленные ему некоей Шаплыгиной «*ШАМБР ГАРНИ*» (то есть, меблированные комнаты) – см.: [Добычин, 2013, с. 303]. По названному Добычиным в анкете адресу проживала Анна Ивановна Шаплыгина, 1872 г. р.; умерла в марте 1942 г. в Ленинграде; похоронена на Серафимовском кладбище (Возвращенные имена: поиск по книге памяти. Блокада. 1941–1944. Ленинград [Электронный ресурс]. – URL: <http://visz.nlr.ru/blockade/search.html>); на момент смерти Шаплыгина жила в кв. 23).

С какого времени состоите членом Всероссийского Союза Писателей

—
Год и место рождения: **1894, Витебская губ.**

Социальное происхождение: **сын уездного врача**

Образование (домашнее, низшее, среднее, специальное, знание иностранных языков): **Эконом<ическое> Отделение**

Петроградск<ого> политехникума¹

В каком возрасте начали писать:

Где и когда напечатано ваше первое произведение (его заглавие): **В “Русском Современнике” в 1924 г. (“Встречи с Лиз”)**

Перечислите издания, в которых вы участвовали: а) до 1914 г., б) с 1914 г. по 1917 г., в) с 1918 г. по сей день: **до 1918 г. – нет. С 1918 г. – “Русский Современник”, “Ковш”, “Ленинград”**

Были ли перерывы в вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность:

Имеются ли у вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно, по возможности с указанием отзывов критики): **Сборник рассказов “Встречи с Лиз”, изд. “Мысль”**

Переведены ли ваши произведения на иностранные языки: **нет**

Имеются ли у вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов:

Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны:

Ваша литературная специальность (беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.): **беллетристика**

Ваша профессия в прошлом: **статистик**

Какую профессию вы считаете для себя основной: **то же**

Где служите в настоящее время: **не служу**

Состоите ли членом профессионального союза, и какого именно: **совторгслуж<ащих>**

Ваша партийность: **беспарт<ийный>**

Ваше участие в революционном движении и в общественной жизни:

Дополнительные замечания:

¹ Так Добычин называет Петербургский политехнический институт (см.: [Белоусов, 2004, с. 15–20]).

Дата: 12 дек<абр> 1929

Подпись: Л. Добычин» [РО
ИРЛИ. Ф. 291. Оп. 1. № 453. Л.40–40 об.].

На лицевой странице сверху справа карандашом: «на отзыв в секцию прозаиков и драматургов»; слева чернилами: «Президиум Секции Прозаиков и Драм<атургов> считает вступление в ВССП т<оварища> Добычина желательным. 24/XII 29 г. Дм. Четвериков»¹.

27 января 1930 г., находясь по-прежнему в Ленинграде, Добычин обратился с двумя подряд письмами к писателю Леонтию Осиповичу (Иосифовичу) Раковскому (1895/1896 – 1979).

В настоящий момент невозможно привести точные данные о времени их непосредственного знакомства. Вместе с тем необходимо отметить следующие обстоятельства.

Рассказы Добычина «Козлова» и «Савкина» были опубликованы в 1925 г. в журнале «Ленинград» (соответственно: № 9 и №23) как раз в ту пору, когда техническим секретарем в нем работал Раковский; в следующем году рассказы обоих писателей были напечатаны в одном выпуске альманаха «Ковш»² и, если они читали отзывы рецензентов, то могли обратить внимание на то, что нелицеприятная критика объединяла их в одном ряду: «Небольшие рассказы Раковского, Гладилова, Валова и Добычина свидетельствуют об отсутствии четко осознанной идеологической линии у этих, по-видимому, молодых прозаиков»³; «Остальная проза (рассказы Л. Раковского, Гладилова, Валова, Добычина) не представляет ничего интересного»⁴.

По удивительному совпадению, первыми друзьями и покровителями в литературном мире у Раковского и Добычина оказались одни и те же люди, добрые отношения с которыми

¹ Дмитрий (Борис Дмитриевич) Четвериков (1896–1981) – прозаик.

² См.: Раковский Л. Конь // Ковш. Книга четвертая. – М.; Л., 1926. – С. 206-217; Добычин Л. Ерыгин. Лидия. Сорокина // Ковш. Книга четвертая. – М.; Л., 1926. – С. 235-243.

³ <Майзель М.?) <Рец. на альманах «Ковш»> // Звезда. – 1926. – № 4. – С. 236.

⁴ Лежнев А. <Рец. на альманах «Ковш»> // Печать и революция. – 1926. – Кн. 5. – С. 212.

сохранялись у обоих писателей в течение всей их жизни. М.Л. Слонимского (вместе с К.А. Фединым) Раковский называл своим «литературным крестным», выступал и постоянно присутствовал на серапионовских субботах, где сдружился, в том числе, с Кавериным¹; в свою очередь, переписка Добычина и иные данные свидетельствует о важной роли, которую играли те же писатели и в его судьбе.

Наконец, надо учесть и то, что Раковский в начале 1928 г. был избран членом Правления Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей и назначен его секретарем.

Итак, в первом своем письме Добычин обращался к Раковскому:

*«27 января 1930 г.
Ленинград»*

Дорогой Леонтий Осипович. Вот еще одна штучка – в компанию к тем двум. Я её еще никому не показывал, а сам сразу после того, как написано, не могу еще понять, годится ли. Посмотрите, пожалуйста.

Когда мы увидимся? Если у Вас будут какие-нибудь предложения на этот счет, и если Вы дня за два позвоните об этом Коле², то я наверное успею узнать вовремя, потому что вижу его почти каждый вечер.

Не помню, ответил ли я Вам что-нибудь насчет «Женского Журнала». Так вот: пожалуйста, я отношусь к нему со всей надлежащей галантностью.

Ваш Л. Добычин.

Ленинград 22, ул. Кр<асных> Зорь, 61, кв. 28» [ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 719. Л. 1–2].

¹ «С каждой субботой я чувствовал себя в кругу “серапионов” всё более легко и свободно» (Раковский Л.О. «Крестный» // Воспоминания о Константине Федине: Сборник. – М., 1988. – С. 97).

² Над этим именем помета Раковского карандашом и чернилами: «Чуковскому» – т.е. Н.К. Чуковскому.

К письму приложен конверт с написанным рукой Добычина адресом: «Ленинград. 1-ая ул. Деревенской бедноты¹, 21, кв. 20». Судя по почтовому штемпелю, письмо было получено адресатом в день его написания. Вдогонку первому, Добычин сразу написал и отправил второе письмо:

«27 янв<аря 1930 г.
Ленинград>

Дорогой Леонтий Осипович, вот такая штука: оказалось, что в шестом абзаце с конца надо вычеркнуть “я в местком, все билеты проходят через меня”, что и умоляю сделать.

*Ваш Л. Д.
27 янв.*

А в четвертом абзаце с начала нужно: – “Нет, помахал он галантно руками”. Пожалуйста, вставьте “руками”» [ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 719. Л. 3–4].

К этому письму приложен также надписанный Добычиным конверт с тем же адресом. Судя по почтовым штемпелям, письмо отправлено в день написания, а получено 28 января.

Рассмотрим содержание обоих писем.

Очевидно, что в них обсуждается намерение Раковского содействовать публикациям рассказов Добычина.

Скажем сразу, что в упомянутом «Женском журнале» (очевидно, ему Раковский предполагал предложить рассказы Добычина) в 1930 году произведения Добычина не появлялись, а на номере 12 этого года журнал прекратил существование.

Рассказ, посланный с первым письмом и коррективы в который вносит Добычин во втором, безусловно – «Лекпом». Теперь можно утверждать, что его публикация (Ленинград. 1930. № 3) была осуществлена при посредничестве (содействии) Раковского. Напрашивается предположение, что двумя другими рассказами, «в компанию» к которым посылает «Лекпома» Добычин, были

¹ До 1918 г. – Большая Дворянская; с 1935 г. – ул. Куйбышева.

«Хиромантия» и «Пожалуйста», поскольку все три произведения под общим заглавием «Рассказы» были опубликованы в названном третьем номере журнала «Ленинград». Однако воздержимся от этого безапелляционного утверждения – вот, по какой причине. В архиве Раковского действительно присутствует подборка из автографов трех рассказов Добычина, но она выглядит несколько иначе, чем та, что опубликована в «Ленинграде» – это: «Лекпом», «Петров» (его автограф теперь позволяет утверждать, что так первоначально

назывался рассказ «Хиромантия») и «Отец» [ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1456]. Отсутствие у Раковского в комплекте автографов Добычина рассказа «Пожалуйста» и наличие рассказа «Отец» требует пояснений, которые затруднительно дать из-за очевидного отсутствия других писем, которыми обменивались Раковский и Добычин.

В архиве Раковского сохранилось еще одно письмо к нему Добычина:

*«3 <февраля 1930 г.
Ленинград>*

Дорогой Леонтий Осипович. Если позволите, – вот Вам еще номер для коллекции. Устраивать это не нужно, я уже получил за это целковые.

Этот раритет в таком несвежем виде потому, что трепался по серапионовским карманам, и я только вчера вынул его для Вас.

Л. Добычин.

З/П» [ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1457. Л. 30].

Письмо является сопроводительным к автографу рассказа Добычина «Портрет» [ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1457. Л. 1–29], опубликованного 31 марта 1930 г. в журнале «Стройка» (№ 3), – как следует из письма, Добычин получил гонорар за эту публикацию авансом. Важным в содержании этого короткого письма является то, что из него мы узнаём не просто о предшествовавших публикации «Портрета» продолжительных перипетиях («трепался по серапионовским карманам»), но и можем идентифицировать его с тем

произведением Добычина, которое (до сих пор не называвшееся) предназначалось для публикации в не вышедшем альманахе «Ванна Архимеда».

Изложим конспективно некоторые факты, касающиеся истории подготовки этого альманаха и приведем некоторые уже публиковавшиеся документы, сверенные для настоящей работы с оригиналами¹.

Подготовка альманаха была совместной идеей Д.И. Хармса и его друзей-обэриутов, с одной стороны, и круга формалистов, группировавшихся в Институте истории искусств (в том числе Каверина, Л.Я. Гинзбург, Б.М. Эйхенбаума), с другой. Их взаимный интерес прослеживается, начиная, примерно, с середины 1927 г. [Хармс, 2002, 1, с. 145–146, 278–279, 283, 287, 294, 300, 305, 331; кн.2, 2002, с. 167]. План коллективного сборника был составлен в начале мая 1929 г. В него должны были войти стихотворения, проза, критика и пьеса Хармса «Елизавета Бам». Ответственным за отдел прозы назначили Каверина [См.: Хармс, 2002, 1, с. 287]. О том, что уже к 1 мая 1929 г. Каверин не сомневался в участии в «Ванне Архимеда» Добычина наряду с другими прозаиками, следует из его письма из Ленинграда в Москву к Л. Гинзбург²:

«1 мая <1929 г.
Ленинград>

Дорогая Лидия Яковлевна.

*Сборник, о котором Вы знаете (с участием Обэриутов),
составляется. Есть данные предполагать, что он будет напечатан в
Издательстве писателей. Отдел поэзии Вам известен. (Возможен и*

¹ До сих пор история подготовки альманаха к изданию рассматривается по работе: [Блюмбаум. Морев, 1991, с. 263-269]. К сожалению, приводимые в ней документы опубликованы по неисправным копиям, снятым третьими лицами.

² Это письмо неоднократно воспроизводилось по автокопии Л. Гинзбург; приводим его по автографу, выделяя полужирным содержательные отличия от прежних публикаций (мелкие разночтения не акцентируем).

Тихонов). С отделом прозы – хуже, и именно по этому поводу мы и решили побеспокоить Вас. Не можете ли Вы зайти к Олеше и рассказать ему о нашей затее? Было бы очень хорошо, если бы он дал в сборник хотя бы маленькую вещь или даже отрывок из большой. Участвуют в этом деле еще Добычин, Хлебников, я, Хармс и предположительно Тынянов. В отделе критики лица Вам отлично известные. Они (вместе с Вами) думают написать «Обозрение российской словесности за 1929 год». Кроме того, будут участвовать Бор<ис> Мих<айлович Эйхенбаум>, Юр<ий> Ник<олаевич Тынянов> и Виктор Борисович <Шкловский>, к которому за этим делом просим мы Вас обратиться. **И кстати – не может ли он указать на**

хорошего молодого прозаика, которого не печатают, потому что он хороший?

Сердечный привет от всех.

Ваши В. Каверин.

P.S. Разумеется, Виктор <Шкловский> более чем желателен в любом отделе» [ОР РНБ. Ф. 1377. Ед. хр. 98. Л. 1–1об.].

16 мая Добычин сообщал Слонимскому о получении предложения Каверина поучаствовать в сборнике с «новаторами» и намерении выслать для него свое сочинение «до октября». 20 июня «Портрет» еще пишется («стараюсь сочинить наилучшим образом»), через некоторое время после этого Добычин отправил готовый рассказ Каверину, а 17 ноября новый вариант «Портрета» – уже в руках Слонимского, с которым Добычин обсуждает некоторые поправки и просит его заменить этим вариантом каверинский [Добычин, 2013, с. 302–303]¹.

Тем временем, в Издательство писателей в Ленинграде, где предполагался выпуск «Ванны Архимеда», была адресована заявка:

«Ванна Архимеда. Альманах.

Этот альманах состоит из произведений преимущественно молодых писателей и собирается под знаком литературного

¹ В связи с этим, по нашему мнению, письмо Добычина К. Чуковскому от 19 октября, в котором, как справедливо говорится в примечании к публикации, речь идет о рассказе «Портрет», следует датировать 1929 годом. См.: [Добычин, 2013, с. 266 и 511].

изобретательства и экспериментаторства. Его основная задача, объединяющая всех авторов, – это борьба с литературной рутинной и противопоставление ей опытов. **Самое название альманаха, «Ванна Архимеда», выбрано именно с тем, чтобы подчеркнуть его экспериментальный характер: сидя в ванне Архимед открыл новый закон.**

Итак, в отличие от обычных альманахов-сборников, содержащих случайный и ничем не объединенный материал, этот альманах представляет собой результат некоторого литературного объединения и книгу, демонстрирующую опыты новой советской литературы. Потребность в такой книге, представляющей собой выступление литературной группы, а не простое собрание отдельных произведений, давно ощущается. Надо полагать, что такой альманах будет иметь не только литературное влияние, но и коммерческий

успех, так как он конечно будет подвергнут широкому обсуждению в печати.

Альманах делится на 3 отдела: стихи, проза и статьи (заметки). В стихотворном отделе будут стихи Н. Заболоцкого, Д. Хармса, А. Введенского и др. В прозаическом – произведения Шкловского, Тынянова, Ю. Олеши, Каверина, Добычина, Коварского, Владимиров и др. Что касается отдела заметок, то он будет осуществлен совместно целой группой критиков и теоретиков.

9/X <19>29 Б. Эйхенбаум» [ОР РНБ. Ф. 709. Ед. хр. 87]¹.

Однако издание не осуществилось² и вернувшийся к Добычину автограф рассказа «Портрет» 3 февраля 1930 г. автор отправил «для коллекции» Раковскому.

¹ Полужирным выделен фрагмент, пропущенный в предыдущей публикации [Блюмбаум. Морев, 1991, с. 263–269].

² Несколько следов систематических контактов с Хармсом при работе над этим неосуществившимся изданием Каверин оставил в опубликованной в 1931 году в № 5 журнала «Звезда» повести «Художник неизвестен»: один из персонажей носит фамилию Архимедов, его жену зовут Эсфирь (то же, что Эстер, – так звали жену Хармса), «Быт против меня», – произносит однажды Архимедов, а это наименование вышедшего в 1928 году сборника, где в качестве отрицательного персонажа был карикатурно изображен Хармс (см.:

Судьба и творчество Добычина были, безусловно, небезразличны Раковскому: среди памятных для него документов он сохранил пригласительный билет в Дом писателя им. Маяковского на воскресенье 19 января 1936 г., где в 8 часов вечера состоялся, как указано на приглашении, творческий вечер Л.И. Добычина. В программе: чтение и обсуждение новой книги «Город Эн». В обсуждении анонсировалось участие Федина, Слонимского и др. [ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1440. Л. 224]¹.

Добычин фигурирует в качестве одного из персонажей в многочисленных планах будущей мемуарной книги Раковского [См.:

ОР РНБ. Ф. 1203 Нева. Ед. хр. 173. Л. 19, 23], однако она, вероятно, не была написана².

Далее в связи с Добычиным мы еще раз встретимся с именем Раковского (и именами других их коллег по Союзу писателей).

3.

25 марта 1936 г. в Ленинградском отделении Союза советских писателей открылась дискуссия на тему «О борьбе с формализмом и натурализмом». Длившаяся несколько дней, она многократно запечатлена в литературе о Добычине, поскольку критика «Города Эн» в открывшем дискуссию выступлении Е.С. Добина и в выступлении Н.Я. Берковского послужила толчком к роковому решению Добычина, по-видимому, покончить с собой (через несколько дней он исчез и это стало предметом обсуждения в кулуарах всё еще продолжавшейся

[Богданович, Рысс, Воеводин, 1928, с. 16]) и т.д. Впоследствии Каверин забыл обстоятельства подготовки сборника «Ванна Архимеда» и пытался сфантазировать мотивы его создания (см.: [Каверин, 1988, с. 152–157].

¹ Отчет см.: БЭЭР <Б. Рест> «Город Эн»: Первый вечер дискуссионного клуба прозаиков // Литературный Ленинград. – 1936. – №5. – 26 января. – С. 4.

² Впрочем, есть надежда отыскать эти и другие материалы Добычина и о Добычине в неразобранной пока части архива Раковского, хранящейся в РО ИРЛИ.

дискуссии). В отсутствие полного текста стенограммы¹ важным источником сведений о происходившем стали спецсообщения сотрудников Управления государственной безопасности, составленные на основании информации секретных сотрудников-осведомителей, и направлявшиеся в Управление и местному руководству ВКП(б). Они опубликованы, но, к сожалению, с многочисленными неточностями и не отмеченными пропусками фрагментов текстов².

Ниже приводятся такие фрагменты, относящиеся к Добычину.

«Ряд писателей заявляют о том, что выступающие с критикой формализма и натурализма не задевают крупных носителей формалистических влияний, в результате чего вся критика сосредотачивается на второстепенных фигурах»³.

Критик МЕДВЕДЕВ П.Н.⁴ в беседах говорил:

Дискуссия идет на низком уровне, скверно и вяло. <...> Говорить правду боятся. Отыгрались на Добычине, нашли тоже фигуру. Его уже до дискуссии разгромили⁵. Нашли маленького дурачка и разрешили вопрос о формализме»⁶.

¹ Дискуссия продолжалась с перерывами несколько дней. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранились только стенограммы заседаний за 31 марта и 3 апреля [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. № 34, 35]; благодарю А.В. Крусанова за эти сведения). Фрагменты заседания 3 апреля с выступлениями Хармса и Н.М. Олейникова опубликованы в [Кобринский, 1996 (1998), с. 328–352].

² См.: [Блюм, 1996, с. 218–227].

³ До этого места фрагмент опубликован, далее – неопубликованный текст.

⁴ Павел Николаевич Медведев (1891–1938) – литературовед, критик; арестован в 1938 г., расстрелян.

⁵ Имеются в виду, в частности, рецензии на «Город Эн» – Островский Ю. «Город Эн» // Литературная газета. – 1936. – № 4. – 20 января; Штейнман З. Исторический импрессионизм // Литературный Ленинград. – 1936. – № 9. – 20 февраля.

⁶ Спецсообщение № 124603 от 28 марта 1936 г. // Центральный государственный архив историко-партийных документов (ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1837. Л.76.

«Говоря о критике ДОБЫЧИНА БАРШЕВ¹ заявил н<ашему> источнику:

“ФЕДИН должен защищать ДОБЫЧИНА, он хвалил книжку ДОБЫЧИНА² и выдвигал его”³.

«Писатели Гурвич⁴, Перльман <так! – В.С.>⁵, Молчанов⁶ и другие в частных беседах заявляли:

“Единственным козлом отпущения на дискуссии был ДОБЫЧИН, который отнюдь не является ведущим и единственным формалистом, как это получилось в докладе ДОБИНА”⁷.

(ДОБЫЧИН, как уже сообщалось, из Ленинграда скрылся).

<...> РАКОВСКИЙ:

“Дискуссия, может быть, и не бесполезна, но самое главное – нужно писать.

¹ Николай Валерьянович Баршев (1888–1938) – писатель; арестован в 1937 г., осужден на 7 лет, умер в лагере.

² Константин Александрович Федин (1892–1977) – с основания Союза писателей член его Правления, жил в Ленинграде по 1937 г. включительно. Имеется в виду, что Федин одобрительно отзывался о романе «Город Эн» (но и критиковал его) на творческом вечере Добычина 19 января 1936 г. [БЭЭР <Б. Рест> «Город Эн»: Первый вечер дискуссионного клуба прозаиков // Литературный Ленинград. – 1936. – №5. – 26 января. – С. 4].

³ Спецсообщение № 124612 от 28 марта 1936 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д.1837. Л. 85.

⁴ Среди ленинградских писателей этого времени не обнаружен; возможно, это московский театральный критик и литературовед (известный также, как шахматный композитор) Абрам Соломонович Гурвич (1897–1962), «ославленный» в 1949 г. в период борьбы с космополитизмом.

⁵ Анатолий Ефимович Горелов (наст. фамилия Перельман; 1904–1991) – литературовед, первый секретарь Ленинградского отделения Союза писателей (1934–1937); арестован в 1937 г., осужден на 10 лет (в 1940 г. срок сокращен до 5 лет).

⁶ Николай Степанович Молчанов (1909–1942) – литературовед, журналист.

⁷ Ефим Семенович Добин (1901–1977) – литературовед, председатель секции критиков и литературоведов ленинградской писательской организации (1934–1936).

Но вот жаль ДОБЫЧИНА – это очень талантливый и искренний человек. Он задумал книгу совсем иначе, а сейчас он не понимает, что получилось не то, что он хотел. Б<u>ить его за это совершенно бесполезно”.

Писатель ДЕДОВ¹:

“Я заготовил ДОБЫЧИНУ речь, уговорил его выступить, а он выступил и всё перепутал”.

Писатель МАМИН Н. И.² (антисоветчик):

“После таких выступлений против книжки ДОБЫЧИНА его, вероятно, отдали бы под суд.

Не дай бог, если он покончит с собой. Но если бы это случилось, это было бы просто замечательно. Мы все на этом деле страшно выиграли бы.

Тогда сразу прекратилась бы компания, когда разрешают печатать<с> 10–15 писателям и ни одним больше”³.

«Писательница ТАГЕР Е. М.⁴ заявила:

“Если бы это был не ДОБЫЧИН, то я могла бы поверить в серьезность намерения⁵. Но так как у ДОБЫЧИНА есть целый ряд

¹ Георгий Андрианович Дедов (1898 –1944) – прозаик.

² Николай Иванович Мамин (1906–1968) – прозаик; арестован в 1936 г., осужден на 10 лет лагерей, повторно арестован в 1949 г., осужден на 10 лет ссылки, освобожден в 1956 г.

³ Спецсообщение № 124642 от 31 марта 1936 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д.1837. Л. 96, 98.

⁴ Елена Михайловна Тагер (1895, по другим сведениям, 1896–1964) – писательница, переводчица; была лично знакома с Добычиным и упоминается в его письмах («тагерия»); арестовывалась в 1919, 1922, 1938, 1951 гг.; 5 сентября 1936 года тогдашний секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) А.А. Кузнецов в докладной записке о положении в Ленинградском отделении Союза писателей секретарю горкома А.И. Угарову так характеризовал Тагер: «Бывшая эсерка. Сидела в заключении при советской власти. В союзе писателей рассматривается как склочница, интриганка и инсинуатор. Антисоветски настроена» (Кузнецов А.А. Докладная записка А.И. Угарову // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2050. Л. 21).

⁵ Имеется в виду обсуждавшаяся версия самоубийства Добычина.

странностей, то я не верю в то, что он может покончить с собой”»¹.

«В связи с явно неудовлетворительным ходом дискуссии на тему “О формализме и натурализме в литературе” I/IV с. г. было создано закрытое заседание Правления Ленинградского Отделения Союза Советских Писателей. <...>

На том же заседании член правления Союза В. Саянов² выступил с резкой критикой выступления литературоведа БЕРКОВСКОГО³, “громившего” ДОБЫЧИНА.

САЯНОВ обвинил БЕРКОВСКОГО в том, что он забыл о своей собственной формалистической путанице, которую он вносил в литературу, и недопустимо выступал против ДОБЫЧИНА, назвав его книгу “Город Эн” – “профилем смерти”. Книжка ДОБЫЧИНА действительно идейно враждебна, – заявил САЯНОВ, – но ее не надо было делать центром дискуссии, а тем более БЕРКОВСКОМУ»⁴.

«Выступивший сразу же по окончании речи ТОЛСТОГО⁵ СЛОНИМСКИЙ М. <Л.>⁶ говорил примерно следующее:

“ТОЛСТОЙ позволил себе бросить обвинение в предательстве некоторым писателям, имена которых он не назвал. Эти имена опубликованы в “Литературном Ленинграде” – в отчете об обсуждении книги ДОБЫЧИНА⁷. Это ФЕДИН, СЛОНИМСКИЙ, Н.

¹ Спецсообщение № 124642 от 1 <апреля> 1936 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1837. Л. 102.

² Виссарион Михайлович Саянов (наст. фамилия Махлин; 1903–1959) – писатель.

³ Наум Яковлевич Берковский (1901–1972) – литературовед.

⁴ Спецсообщение № 124655 от 3 апреля 1936 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1837. Л. 104, 106.

⁵ Имеется в виду речь Алексея Николаевича Толстого (1883–1945) в последний день дискуссии 5 апреля 1936 г.; см. [Толстой, 1996, с. 20–24].

⁶ Михаил Леонидович Слонимский (1897–1972) – писатель, ближайший ленинградский друг и покровитель Добычина (письма Добычина к Слонимскому и его жене Иде Исааковне см.: [Добычин, 2013, с. 267–320]).

⁷ См.: БЭЭР <Б. Рест> «Город Эн»: Первый вечер дискуссионного клуба прозаиков // Литературный Ленинград. – 1936. – №5. – 26 января. – С. 4.

ЧУКОВСКИЙ¹. От имени этих писателей заявляю, что концепция, обоснованная в выступлении ТОЛСТОГО о ДОБЫЧИНЕ, абсолютно ложная, ибо критика, данная этими писателями книге ДОБЫЧИНА, была суровая. Указывалось, что эта книга – тупик, но вместе с тем критика была доброжелательная по отношению к ДОБЫЧИНУ, который является одаренным писателем и которому нужно показать настоящий путь для работы. Я считаю неправильным, когда бросается обвинение в предательстве и не называются имена и факты”.

<...>Речь ТОЛСТОГО А.Н. вызвала оживленные беседы между писателями <...>. Нами зарегистрированы следующие высказывания писателей:

<...>”Все-таки без скандалчика не обошлось. И скандалчик типичный – сначала хвалили, потом спрятались в кусты и никто не имеет мужества поддержать ДОБЫЧИНА” (ГРАБАРЬ²).

”ТОЛСТОЙ говорит, что книга ДОБЫЧИНА скучная и плохая, а между тем, этой книги нигде не купишь <...>” (Писатель ГОР Г. С.³).

”ТОЛСТОЙ не прав в одном: книга ДОБЫЧИНА талантлива, а не скучна и плоха. Но насчет предательства он прав, такие, как ЧУКОВСКИЙ, как СЛОНИМСКИЙ, конечно, никогда не посмеют иметь собственное мнение. И как бы они ни отпирались, все знают об этом”. (Писательница ТАГЕР Е.М.)⁴.

Еще одно высказывание Тагер о Добычине через год обнаруживается в спецсообщении о мнениях ленинградских писателей по поводу прошедшего в Москве в феврале-марте 1937 г. IV пленума

¹ Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965) – писатель, ленинградский друг Добычина.

² Леонид Юрьевич Грабарь (наст. фамилия Шполянский; 1896, по другим данным 1901 – 1937) – писатель; арестован в 1936 г., осужден на 10 лет, отправлен в Соловецкий лагерь, расстрелян.

³ Геннадий (Гдалий) Самойлович Гор (1907–1981) – писатель, один из ленинградский друзей Добычина; его воспоминания, в том числе, о Добычине см. – Гор Г.С. На канале Грибоедова, 9 // Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. С.212-215.

⁴ Спецсообщение № 124697а от 10 апреля 1936 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1837. Л. 123–124.

Правления Союза писателей, посвященного годовщине гибели Пушкина, но в большой степени сосредоточившегося на критике

творчества Б.Л. Пастернака и И.Л. Сельвинского: «<...>Когда я читала речь СЕЛЬВИНСКОГО¹ и его слова о травле², мне стало жутко и я вспомнила ДОБЫЧИНА (лен<инградский> писатель, подвергшийся резкой критике за свою формалистическую книгу “Город Эн”, затем скрывшийся из Ленинграда. <Примеч. сост. документа. – В.С.>). Конечно СЕЛЬВИНСКИЙ не сделает того, что сделал ДОБЫЧИН. У СЕЛЬВИНСКОГО другой характер, у него хорошая квартира, жена и две хорошенькие девочки. У ДОБЫЧИНА была лишь комната в коммунальной квартире и ничего, кроме литературы. Но таких как ДОБЫЧИН много, и мы все устали от любви БЕЗЫМЕНСКОГО³ и БЕЗЫМЕНСКИХ, от любви, выражающейся в побоях»⁴.

Осенью 1936 года Добычин еще числился членом Союза писателей – в таком статусе его характеризовал А.А. Кузнецов в цитировавшейся докладной записке [Кузнецов, ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2050. Л. 21]: «ДОБЫЧИН Леонид – Абсолютно замкнут. Чуждающийся литературной общественности человек. За последнее время не печатается, ибо его произведения мало пригодны для советской печати. Характерен заумностью своих литературных экспериментов. В настоящее время исчез из города»⁵.

17-18 марта 1937 г., впервые после учредительного съезда Союза советских писателей (1934 г.), состоялось первое отчетное

¹ Илья (Илья-Карл) Львович Сельвинский (1899–1968) – поэт.

² Тагер, вероятно, читала пересказ фрагмента речи Сельвинского: «Сельвинский взял неверную ноту, говоря о себе как о некоей “жертве” многолетней “травли”» (Я.З. На IV пленуме правления ССП. Прения по докладу тов. Ставского // Литературная газета. – 1937. – № 12. – 5 марта).

³ Александр Ильич Безыменский (1898–1973) – поэт; имеется в виду, что в речи на пленуме Безыменский, грубо критикуя Сельвинского, одновременно говорил о дружеской творческой помощи, которая тому оказывалась.

⁴ Спецсообщение № 2489 от 15 марта 1937 г. // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. № 2489. Л. 84.

⁵ Кузнецов А.А. Докладная записка А.И. Угарову // ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2050. Л. 21.

общее собрание его Ленинградского отделения. На этом собрании Каверин напомнил собравшимся о судьбе Добычина¹: «<...> В прошлом году развернулась дискуссия о формализме. Она была проведена разнообразно, но довольно плохо. Книга одного писателя

разбиралась на этой дискуссии, и эта книга была осуждена. Я не вдаюсь сейчас в вопрос о том, правильно ли было то, что она была осуждена. Речь идет о писателе Добычине. Я уже сказал о том, что я присоединяюсь к критике работы правления, но я сам был свидетелем того, как велико было влияние Беспямятнова² и <пропуск в стенограмме. – В.С.> на те дела, участие в которых должен был обязательно принимать каждый член Союза.

Трагический случай с Добычиным обеспокоил ряд писателей. Федин, Слонимский, Н. Чуковский и я были у Беспямятнова³. Мы знали, что этот человек на обсуждении повести Добычина высказывался о ней в положительном смысле⁴. Мы знали потому, что это было перед глазами всех присутствующих здесь, что на общем собрании Беспямятнов, хотя он лично не выступал, из осторожности, без сомнения, всячески поддерживал резко отрицательную точку зрения на книгу Добычина⁵. Нельзя иначе квалифицировать это, как двурушничество, и нельзя не сожалеть о том, что в результате этого трагического случая мы лишились одного из наших товарищей. Я считаю, что и мы в этом виноваты.

КОЗАКОВ⁶. – А он в Москве, между прочим, его видели, Вениамин Александрович, в Гослитиздате⁷.

КАВЕРИН. – Я очень рад в таком случае.

¹ Благодарю М.Н. Золотоносова за указание на этот материал.

² Виктор Васильевич Беспямятнов (1903–1938) – 2-й секретарь правления Ленинградского отд.-ния Союза писателей, секретарь партгруппы правления; арестован в 1937 г., расстрелян.

³ Это посещение, но с другим составом участников, упомянуто Кавериним в позднейших воспоминаниях [Каверин, 2006, с. 216].

⁴ Имеется в виду творческий вечер Добычина 19 января 1936 г.

⁵ Здесь речь идет о дискуссии «О борьбе с формализмом...» марта–апреля 1936 г.

⁶ Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954) – писатель.

⁷ Одна из легенд, сопровождавших исчезновение Добычина.

Я присоединяюсь к тому, что говорил Толстой¹ о вине целого ряда писателей в том, что книга Добычина не была обсуждена более внимательно, более детально. <...>².

Можно полагать, что дальнейшее изучение архивов даст еще немало интересных материалов, свидетельствующих о творчестве и обстоятельствах жизни Л. Добычина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусов, А.Ф. Студенческое дело Л. Добычина / А.Ф. Белоусов // Добычинский сборник-4. – Даугавпилс: Даугавпилсский пед. ун-т, 2004. – С. 15-20.

Блюм, А.В. Искусство идет впереди, конвой идет сзади: Дискуссия о формализме 1936 г. глазами и ушами стукачей. (По секретным донесениям агентов госбезопасности) / А.В. Блюм // Звезда. – 1996. – № 8. – С. 218-227.

Блюмбаум, А.Г., Морев, Г.А. «Ванна Архимеда»: К истории несостоявшегося издания / А.Г. Блюмбаум, Г.А. Морев // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. – № 28. – S. 263-269.

Богданович, В. Быт против меня / В. Богданович, Е. Рысс, В. Воеводин, И. Сегаль; предисл. П. Чагина. – Л.: Красная газета, 1928. – 32 с.

Воспоминания о Константине Федине: Сборник / сост. Н.К. Федина. – М.: Советский писатель, 1988. – 512 с.

Гор, Г.С. На канале Грибоедова, 9 / Г.С. Гор // Воспоминания о Михаиле Зощенко. – СПб., 1995. – С. 212-215.

Добычин, Л.И. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е, испр., доп. / Л.И. Добычин. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журн. «Звезда», 2013. – 540 с.

Добычин, Л.И. Старухи в местечке / Л.И. Добычин // Литературное обозрение. – 1988. – № 3. – С.100–102.

¹ 5 апреля 1936 г. на дискуссии «О формализме...» 5 апреля 1936 г. на дискуссии «О формализме...» (см. [Толстой, 1996, с. 20-24].

² Стенографический отчет общего собрания Ленинградского отд. Союза писателей 17–18 марта 1937 г. // ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 8. Д. 413. Л. 231–232.

Каверин, В.А. Эпилог / В.А. Каверин. – М.: Вагриус, 2006. – 568 с. (серия «Мой 20 век»).

Каверин, В.А. Литератор. Дневники и письма / В.А. Каверин. – М.: Советский писатель 1988. – 308 с.

Кобринский, АА. Даниил Хармс и Николай Олейников на дискуссии о формализме 1936 года / А.А. Кобринский // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. – Т. II. – №4. – 1996 (1998). – С. 328–352.

Ковш. Литературно-художественный альманах. Книга четвертая. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 243 с.

Писатель Леонид Добычин. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост., предисл., коммент. В. С. Бахтина. – СПб.: «Журнал “Звезда”». – 1996. – 304 с.

Хармс, Д. Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Д. Хармс. Кн.1. – СПб.: Академический проект, 2002. – 480 с.; Кн.2. – СПб.: Академический проект, 2002. – 416 с.

Юрьев, О. Неизвестное письмо писателя Л. Добычина Корнею Ивановичу Чуковскому / О. Юрьев // Звезда. – 2012. – № 7. – С. 35-56.

А.Ф. Белоусов¹
Санкт-Петербург

**АДДЕНДА К СТАТЬЕ В.Н. САЖИНА:
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ОБ АВТОГРАФАХ, ПОДАРЕННЫХ ДОБЫЧИНЫМ
РАКОВСКОМУ**

Автографы рассказов, подаренных Добычиным писателю Леонтию Раковскому, помогают понять историю создания этих текстов. Изменения в текстах иногда сводятся к замене отдельных слов и предложений, как это характерно для рукописей рассказов «Лекпом» и «Хиромантия» (первоначально называвшегося «Петров»), но могут быть столь серьёзными, что представляют собой раннюю редакцию текста (рассказ «Отец»). Особый случай – рукопись рассказа «Портрет», которая является источником его первой публикации.

Ключевые слова: Автограф, вариант, редакция, исправление, публикация.

A.F. Belousov
St. Petersburg

**ADDENDA TO V. SAZHIN'S ARTICLE:
TEXTOLOGICAL NOTES ON THE AUTOGRAPHS DONATED BY
DOBYCHIN TO RAKOVSKY**

Autographs of the short stories that Dobychin donated to writer Leontiy Rakovsky, advance our understanding the origin of these texts. Thus, our understanding of these issues is furthered by the new insights on the singular corrections in the short stories "Paramedic" and "Palmistry" (the latter was initially titled "Petrov"), the full text of the early revision of

¹ Александр Федорович Белоусов, кандидат филологических наук

the short story “Father,” and the recently discovered source of the first publication of the short story “The Portrait.”

Keywords: Autograph, version, redaction, correction, publication.

Обнаруженные В.Н. Сажиним в архивном фонде писателя Леонтия Раковского автографы нескольких рассказов Добычина дополняют наши представления о тонкой и тщательной работе писателя со словом. Вместе с тем они помогают лучше понять творческую историю этих произведений. Остановимся на каждом из них в том порядке, как рассказы Добычина упомянуты в статье В.Н. Сажина¹.

1. «Лекпом»

27 января 1930 года Добычин послал Раковскому рассказ «Лекпом». При этом он указывал, что *«еще никому»* его *«не показывал, а сам сразу после того, как написано»*, не может *«еще понять, годится ли»*. О том, что не всё в рассказе «годится», Добычин понял в тот же день. Он снова пишет Раковскому и просит того внести в рассказ две правки.

Одна из них касалась следующего абзаца:

Пили чай и тихонько говорили про город. – Интересная жизнь, – восхищался лекпом. – Я в месткоме, все билеты проходят через меня. – Мери Пикфорд играет прекрасно.

«Оказалось, – писал Добычин, – что <...> надо вычеркнуть “я в месткоме, все билеты проходят через меня”, что и умоляю сделать».

Едва ли Добычин подумал о цензуре: изображать членов месткома, хваставшихся своей властью и своими возможностями,

¹ Автографы рассказов «Лекпом», «Хиромантия и «Отец» – см.: ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1456; автограф рассказа «Портрет» – см.: ОР РНБ. Ф. 1203. Ед. хр. 1457.

кажется, не запрещалось. Дело в другом. Эта деталь отдаляет лекнома от телеграфистки и усугубляет разницу между ними. Оставляя ее «за кадром», Добычин ограничивается чисто психологической проблематикой.

Исключительно «на предмет улучшения «слога»», как выразился бы в данном случае Добычин [Ср.: Добычин, 2013, с. 269], направлена вторая правка, согласно которой Раковский должен был вставить слово «руками» в один из предыдущих абзацев рассказа:

*В комнатке было тепло. Мать дышала за ширмой. – Разбудить? – заглянув туда, вышла на цыпочках телеграфистка. – Нет, – помахал он галантно **руками** <выделено нами. – А.Б.>: – До поезда долго, пусть спит. – Оборачиваясь, она выкралась в кухню и стала греметь самоваром.*

Этими исправлениями дело не ограничилось.

При публикации рассказа «Лекпом» в журнале «Ленинград» настала очередь двух последних абзацев рассказа, которые в рукописи выглядели следующим образом:

– Вас знобит, – присмотрелся лекпом. – Вы простудились. Весна подкузьмила вас. – Нет, я здорова, – сказала она и застучала зубами: – Может быть, форточка. – Он оглянулся и повертел головой: – Закрыта. Наденьте пальто. Я вам дам потогонное. Надо беречь себя, одеваться как следует, после обеда лежать.

Она встала и начала мыть посуду, стучая о полоскательницу. Лекпом поднялся прошелся на цыпочках, взял со столика ноты, посмотрел на название и замурлыкал романс. Мать проснулась.

Изменения, происшедшие с «Лекпомом» в журнале «Ленинград», отчасти касаются деления его на абзацы. Отметим и исправления, которые внесены в него, по всей видимости, тоже «на предмет улучшения «слога»:

– Вас знобит, – присмотрелся лекпом. – Вы простудились. Весна подкузьмила вас.

– Нет, я здорова, – сказала она и застучала зубами.

– *Может быть, форточка. – Он оглянулся и повертел головой: – закрыта. Наденьте пальто. Я вам дам потогонное. Надо беречь себя, одеваться как следует, **перед выходом из дому – есть** <здесь и далее выделено нами. – А.Б.>.*

*Она встала и начала мыть посуду, **стуча** о полоскательницу. Лекпом поднялся, прошелся на цыпочках, взял со столика ноты и замурлыкал романс. Мать проснулась [Добычин, 1930, с. 96]¹.*

2. «Хиромантия»

Еще проще оказывается творческая история рассказа, известного под названием «Хиромантия».

От автографа текст, опубликованный в журнале «Ленинград», отличает, по сути дела, только одна серьезная правка. Она касается разговора между героем и матерью героини. В рукописи мать вдруг говорит:

– Я насадила сало, – подняла она и показала мышеловку: – Уж теперь поймается.

Ее высказывание не связано с предшествующим разговором и потому кажется случайным и бессмысленным. Это характерно для добычинской прозы, имитировавшей «живую речь»¹. Однако в данном случае текст в журнальном варианте был дополнен и стал связнее и понятнее:

*– **Мышь одолела, – занимала его мать беседой: – Я на крюк в ловушке** <выделено нами. – А.Б. > насадила сало: уж теперь поймается [Добычин, 1930, с. 95].*

Вместе с тем главная особенность автографа рассказа заключается в другом.

Выясняется, что поначалу рассказ назывался «Петров». Это – фамилия его героя. В первом сборнике Добычина «Встречи с Лиз»

¹ См.: [Каргашин, 1998, с. 383-384].

пять из девяти рассказов названы фамилиями главных героев («Ерыгин», «Козлова», «Конопатчикова», «Савкина», «Сорокина»). Однако ко времени публикации рассказа «Петров» Добычин, как видно, начинает отказываться от привычной для него манеры называть свои произведения. Вслед за «Петровым», переименованным в «Хиромантию», придет очередь «Сорокиной». В сборнике «Портрет»

рассказ будет назван «Дориан Грэй». Любопытно, что вместо фамилий героев используются названия книг, играющих важную роль в их жизни.

3. «Отец»

Из рукописей, подаренных Л. Раковскому, этот автограф, безусловно, является самым неожиданным и наиболее интересным.

Он принадлежит к той особой и, по всей видимости, первоначальной редакции рассказа «Отец», которая известна по тексту, напечатанному в приложениях к основному корпусу Полного собрания сочинений и писем писателя [Добычин, 2013, с. 433]. Лишь в двух местах этот текст отступает от него, приближаясь к поздней редакции рассказа: так, в третьем абзаце – вместо «заторопил отец» – стоит «заспешил отец»; а в начале пятого деепричастный оборот «срывая куртки» заменен синонимичным ему «сбрасывая куртки».

Основное же отличие автографа от указанного печатного текста заключается в его полноте. Он на треть длиннее варианта, опубликованного В.С. Бахтиным в Полном собрании сочинений и писем Добычина. Архив покойного исследователя недоступен, поэтому мы не можем судить о причинах ошибки В.С. Бахтина, посчитавшего дефектный текст законченным вариантом рассказа «Отец»¹.

Благодаря подаренному Раковскому автографу мы теперь точно знаем, что добычинский рассказ не завершался фразой «Огоньки зажглись у станции и переливались». Кончилась строка, но не абзац и уж тем более не рассказ, записанный на семи четвертушках писчего листа.

Вот его продолжение:

¹ См.: Бахтин В.С. Примечания [Добычин, 2013, с. 533].

Солнце село. Звезд еще не видно было. Ангел над калиткой стоял темный.

– Вы подождите здесь, – сказал отец у липы. – Я приду. – Они уселись, сняв картузики, и взялись за руки. Жужжал комар.

Кусты сливались, черные. Верхи крестов высывались. Хмель светлелся. Здесь отец остановился и снял шапку. Он зашел по поводу Любовь Ивановны и мялся. Как и что сказать?

А мальчуганам было страшно. Мертвые лежали под землей. А в церкви – они видели, когда ходили с матерью, – сидел деревянный бог, румяный, в настоящем бархатном халате с галуном и с настоящей бородой. – Стук, стук, – вдруг застучат по каменному полу деревянные шаги, и деревянная рука просунется в окно без стекол. Стало хорошо, когда пришел отец.

Приятно было идти улицами, мягкими от пыли. Фонари горели кое-где. Ларьки светились. Балалайки тренькали. Футбольщики кричали, возвращаясь с поля. – Что для вас? – внушительно спросил ларечник. – Дайте нам по прянику, – велел ему отец.

Между этим отрывком и текстом, опубликованным в сборнике «Портрет», есть целый ряд разночтений:

<i>Ангел над калиткой стоял темный. →</i>	<i>Ангел над калиткой потемнел</i>
<i>Жужжал комар. Верхи крестов высывались.</i>	<i>→ Пицал комар. Верхи крестов высывались из них</i>
<i>и снял шапку. и мялся. Как и что сказать?</i>	<i>и стоял без шапки. и мялся: как и что сказать?</i>

Однако самым существенным, безусловно, является удаление детских воспоминаний о деревянной культовой скульптуре,

находившейся в действовавшей кладбищенской церкви. Вместо возникшего на их основе зловещего образа «деревянного бога» (что, вероятно, и помешало публикации ранней редакции рассказа «Отец»), осталось лишь ощущение опасности, исходящей от некоего, весьма неопределенного устрашителя: *«В разбитое окошко церкви кто-нибудь мог выглянуть, рука могла оттуда протянуться»* [Добычин, 1931, с. 76].

Изменения коснулись и последнего абзаца рассказа:

<i>Балалайки Футбольщики кричали, возвращаясь с поля. – Что для вас? – внушительно спросил ларечник. – Дайте нам по прянику, – велел ему отец.</i>	<i>Во дворах хозяйки разговаривали с чинными коровами, пришедшими из стада. В городском саду пожарные отхватывали вальс</i> <i>Отец купил сигару и два пряника Молчали, наслаждаясь.</i> [Добычин, 1931, с. 76].
---	---

Ограничимся лишь указанием на образующийся повтор. Дело в том, что о коровах уже упоминалось, причем во всех вариантах рассказа: их, идущих *«по берегу, отсвечиваясь в речке»*, видят герои, возвращающиеся с купания домой. Выстраивается еще один мотивный ряд: параллельный фабульному, он расширяет семантическую перспективу текста, способствуя «символическим и даже аллегорическим прочтениям» рассказа¹.

4. «Портрет»

Автограф рассказа «Портрет», на первый взгляд, не представляет особого интереса. Он почти повторяет текст первой публикации рассказа в журнале «Стройка» [Добычин, 1930, с. 7-8]. Изменений всего лишь одно:

¹ См.: [Маслов, 2007, с. 5].

– Пушкин, – разговаривали впереди. → – Пушкин, – похохатывая, разговаривали впереди.

Гораздо серьезнее изменился внешний вид текста. В журнальной публикации отсутствуют ударения, характерные для добычинской прозы, зато появляется разрядка, с помощью которой выделяются песенные тексты (в том числе и фрагмент церковного песнопения), некоторые объявления и, наконец, топоним «у л и ц а М о с к в ы».

«Идея этой улицы та, что она была просто Московская, но ее переименовали по случаю революции», – писал Добычин 17 ноября 1929 г. М.Л. Слонимскому, советуясь, как подчеркнуть необычность ее

названия [Добычин, 2013, с. 300-301]. В журнале «Стройка» для этого воспользуются разрядкой.

Однако в тексте, подаренном Раковскому, топоним никак не выделен.

Не потому ли, что автограф относится ко времени, когда писатель еще не придавал этому особого значения?

Из уже цитировавшегося письма Добычина Слонимскому от 17 ноября 1929 г. следует, что рассказ «Портрет» существовал в двух вариантах. Один из них, более ранний, был послан В.А. Каверину. О другом, законченном к середине ноября, Добычин сообщал Слонимскому и просил того заменить им «каверинский» экземпляр, который называет «неокончательным», потому что «в нем есть плохие места» [Добычин, 2013, с. 301].

Отсылая автограф «Портрета» Раковскому, Добычин пишет: *«Этот раритет в таком несвежем виде потому, что трепался по серапионовским карманам, и я только вчера выручил его для Вас».* Это подтверждает, что перед нами более ранний, «неокончательный» вариант рассказа.

В таком случае встает другой вопрос: почему «Портрет» был напечатан не по «окончательному» тексту, хотя и с выделением «у л и ц ы М о с к в ы»? Возможно, что это произошло потому, что у Слонимского, который был членом редколлегии «Стройки» и, по-

видимому, пристраивал рассказ в журнал, под рукой был «каверинский» экземпляр. Из переписки с Добычиным Слонимский помнил о проблеме «у л и ц ы М о с к в ы», поэтому и постарался выделить этот топоним.

Обращаясь к дальнейшей истории рассказа, отметим, что его следующая публикация [Добычин, 1931, с. 95-109] содержит свыше десяти исправлений и дополнений. Можно предположить, что при подготовке данной публикации использовался более поздний, «окончательный» вариант рукописного текста.

Если наша догадка верна, то из этого в свою очередь следует, что история печатного текста не продолжает, а как бы дублирует историю рукописного текста рассказа «Портрет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добычин, Л.И. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е, испр., доп. / Л.И. Добычин. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журн. «Звезда», 2013. – 540 с.

Добычин, Л.И. Рассказы: Пожалуйста. Хиромантия. Лекпом / Л.И. Добычин // Ленинград: Ежемес. лит.-худож. журнал. – 1930. – № 3. – С. 93–96. [Пожалуйста. – С. 93–94; Хиромантия. – С. 94–95; Лекпом. – С. 95–96].

Добычин, Л. Портрет: Рассказ / Л. Добычин // Стройка. – 1930. – 31 марта (№ 3). – С. 7–8.

Добычин, Л. Портрет: Рассказы / Л. Добычин. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. Обложка М. Кирнарского, 1931. – 110 с.

Каргашин, И.А. Тынянов и Добычин (к истории одной пародии) / И.А. Каргашин // Тыняновский сборник. Вып.10. Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. – М., 1998. – С. 383-384.

Маслов, Б.П. О двух типах письма в рассказах Л. Добычина / Б.П. Маслов // Добычинский сборник – 5. – Даугавпилс, 2007. – С. 5–23.

Э.С. Голубева¹
Брянск

ДВЕ ФОТОГРАФИИ ОЛЬГИ ДОБЫЧИНОЙ

Воспроизводятся фотографии сестры писателя Ольги Добычиной (1897 -- ?). Они были сделаны во время ее учебы в Московской Сиротском Институте имени Императора Николая I. Лаконизм и точность надписи на поздней фотографии Ольги и ее подпись напоминают стиль и графику Добычина.

Ключевые слова: Ольга Добычина, институтка, надпись, стиль, семейное сходство.

E.S. Golubeva
Bryansk

TWO OLGA DOBYCHIN'S PHOTOGRAPHS

The article presents two photo portraits of the writer's sister Olga Dobychin (1897 -- ?). They were taken during her studies at Emperor

Nicolas I Orphan Institute in Moscow. Terseness and precision of the inscription on Olga's later photo and her signature remind of style and graphic art of Leonid Dobychin.

Keywords: Olga Dobychin, graduate of a state boardinghouse, inscription, style, family resemblance.

Неуловимый образ старшей из сестер Л.И. Добычина наконец обозначился. Это произошло благодаря снимкам из обширной фотоколлекции Романа Смирнова, связанной с женскими учебными заведениями дореволюционной России. Кто этот подвижник: собиратель, фотограф, эксперт, к сожалению, не знаю. Но среди размещенных им на сайте personalhistory.ru снимков девичьих лиц есть

¹ Эльвира Степановна Голубева, историк, искусствовед, член Союза композиторов России, член Союза театральных деятелей России

и лицо нашей героини, о чем мне любезно сообщила музыкант и краевед Т. Майданова.

Две фотографии Ольги (род. 10(22).07.1897, Двинск [ГАБО. Ф.1762. Оп.1. Д.18. Л.16]) относятся ко времени ее пребывания (1907-1917¹) в Московском сиротском Институте им. Николая I. Одна из них, на которой запечатлена девочка в возрасте 14-ти лет, датирована 21 октября 1911 г. (*«Электрич. фотографія «ПИТЕР» Поварская, «МАРС» Тверская, Москва»*).

В эту пору Оля занималась в 3-ем из четырех классов младшего отделения Института, которое соответствовало прогимназии. На другой – она в возрасте 19-ти лет. Дата съемки – 6 апреля 1916 г. (*«Фот. А. Пекинъ, быв. И.С. Афанасьева, Москва»*). Через какой-то месяц

¹ Первые два года связаны с подготовительным «малолетним» отделением (ЦИАМ. Ф.215. Оп.2. Д.440. Л.2).

О. Добычина закончит последний 3-ий «гимназический» класс старшего отделения, получит «аттестат на звание Домашней Наставницы» [ЦИАМ. Ф.215. Оп.1. Д.86. Л.79; Д.167. Лл.14-15 об.]¹, золотую медаль, 90 руб. [ЦИАМ. Ф.215. Д.86. Л.63, 79 об.] Затем подаст заявление на прием в дополнительный педагогический класс Института (словесное отделение) [ЦИАМ. Ф.215. Д.86. Л.98; Д.97. Л.3]. Но, завершив в 1917-ом первый учебный год [ЦИАМ. Ф.215. Д.97. Л.18] и лишившись возможности оплачивать обучение, она расстанется с Alma mater. В Брянске ждет мать, покинувшая Двинск².

Первое, что отмечаешь при знакомстве с фотографиями, несмотря на возрастной контраст (девочка-подросток и вызревающая женщина), это – внутренняя сосредоточенность и покой, быть может, даже закрытость сильной натуры. Трогательная белая пелерина повседневной форменной одежды воспитанниц Института, в которую облачена Ольга, создает ощущение чистоты.

Надписи на оборотной стороне обеих фотографий адресованы соученице Ольги – Нине Игнатьевой. Скорее всего, они, как и другие послания «институткам» Нине, они попали на сайт из ее альбома.

¹ Первые два года связаны с подготовительным «малолетним» отделением (ЦИАМ. Ф.215. Оп.2. Д.440. Л.2).

² Более полные сведения об О.И. Добычиной см.: Голубева Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск. – Брянск, 2005. – С. 28, 29, 32, 39, 42, 48, 62.

(«Отъ Ольги Добычиной Нины Игнатьевой. 21 октября 1911 года.»)

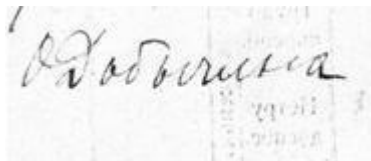

(«Дорогой Ниночке отъ любящей ея Оли Добычиной. Не смотря ни на что, знай, что я тебя люблю. 6 апреля 1916 г. Институтъ»)

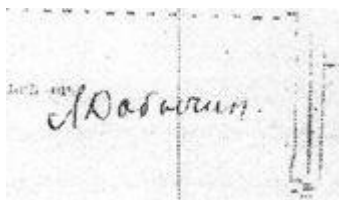
Тексты «посвящений» полны уверений в любви. Есть они и у Оли. (В условиях женских институтов – «питомников» это было своеобразной игрой «в любовь».) Но некоторые строки на снимках 1915-1918 гг. полны тревоги («Если в этом году удастся кончить институт...», «Встретимся ли мы когда-нибудь...»). Часто многословные, порой манерные, они невольно создают фон, на котором привычная краткость и точность формулировок Ольги, знакомая нам по ее «заявлениям» брянского периода, воспринимается как часть характера.

Таков же и ее «семейный» добычинский почерк: четкий, устремленный. По-моему, не надо быть графологом, чтобы уловить,

например, сходство почерка, манеры росписи в чем-то очень близких друг другу Ольги

и Леонида.

АРХИВЫ

Государственный архив Брянской области (в дальнейшем – ГАБО).
ГАБО. Ф.1762. Оп.1. Д.18.

Центральный исторический архив Москвы (в дальнейшем – ЦИАМ)
ЦИАМ. Ф.215. Оп.1. Д.86.

ЦИАМ. Ф.215. Оп.1. Д.97.

ЦИАМ. Ф.215. Оп.1. Д.167.

ЦИАМ. Ф.215. Оп.2. Д.440.

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Э.С. Голубева
Брянск

«ВСТРЕЧИ С ЛИЗ» (Образ и прототип)

Многие персонажи Добычина соотносятся с реальными людьми, которые жили в реальном городе Брянске 1900-1920-х гг. Самая женственная героиня рассказа Добычина «Встречи с Лиз» имеет свой прототип – жену коллеги писателя Ольгу Пояркову. Многие черты их внешности, мысли и биографии действительно совпадают. Это же характерно и для других героинь рассказа – Фишкиной, Золотухиной. В связи с этим процитированные в эпиграфе к статье слова В.С. Бахтина об отсутствии конкретных лиц за персонажами рассказа представляются нам несправедливыми.

Ключевые слова: персонаж, прототип, Лиз Курицына, Елизавета Пояркова, Фишкина, Фрумкина, Брянск.

E.S. Golubeva
Bryansk

“ENCOUNTERS WITH LIZ” (The Character and Her Prototype)

Many of L. Dobychin's characters refer to real people who lived in a real town of Bryansk of the 1900-1920s. The most feminine character from Dobychin's short story "Encounters with Liz" had her prototype, the wife of the writer's colleague, Olga Poyarkov. They in fact share many features in their looks, ideas and biography facts. The same can be applied to other characters in the short story, such as Fishkina, Zolotukhina. In this respect, epigraphic words by V. Bakhtin stating lack of prototypes to the characters do not seem quite true.

Keywords: character, prototype, Liz Kuritsyna, Elisaveta Poyarkova, Fishkina, Frumkina, Bryansk.

«Брянские исследователи <...> нашли бы немало «брянских» деталей 20-х годов. <...> Однако в рассказах за образами Ерыгина, Лиз Курицыной, Кукина, Фишкиной и всех остальных вряд ли стоят конкретные лица».

В.С. Бахтин.

Под игом добрых начальников:
Судьба и книги писателя Л. Добычина¹.

Текст первого опубликованного рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» вряд ли приоткроет завесу над тайной прообраза Лиз Курицыной. Два года спустя это сделает сам автор в письме М.Слонимскому.

Оно приходится на время, когда, уволившись в конце 1925 года из Губстатбюро и побывав в Ленинграде, Леонид Иванович вернулся в Брянск. 4 февраля 1926 года, как следует из письма К. Чуковскому, он устроился в некий «отдел местного хозяйства» [Добычин, 1999, с. 261] на «временную работу» [Добычин, 1999, с. 263]. 25 февраля она «превратилась в бессрочную» (Добычин, 1999, 263). «Служба» называлась «Райуполтоп», что означало «Районный уполномоченный по топливу», и находилась по адресу: Завальская, 47 [ГАБО. Ф. Р-56. Оп.2. Л.13].

26 мая 1926 года Добычин расстался с «Райуполтопом» и вновь оказался в Губстатбюро. В декабре следующего года, когда в соседнем доме (№ 49) на общей территории, некогда принадлежавшей купцу Г.М. Добычину, уже проживала семья писателя, Завальскую переименовали «в Октябрьскую, а 49 в 47» [Добычин, 1999, с. 296]. Со временем утвердился общий номер домов: 47а и 47б [Голубева, 2005, с. 115].

Письма этого периода особенно пространны и «сообщают» кое-что о жизни города и самого Леонида Ивановича.

¹ Бахтин В.С. Под игом добрых начальников: Судьба и книги писателя Л. Добычина [Добычин, 1999, с. 30].

В пяти из них, написанных с конца января-начала февраля по 21 марта, возникает имя брянской любительницы «изящной словесности» – Ольги Поярковой [Добычин, 1999, с. 280-281, 283, 285, 288]. Следует предположить, что она – библиотекарь. Книги от нее (по

крайней мере, в середине августа) попадают к Леониду Ивановичу через его сестер [Добычин, 1999, с. 283]. Как и «Цукерманша», Пояркова причислена писателем к тем, среди которых он «славится». Свидетельства налицо: *«выпросила <...> портрет с усами и бородой»; «сказала, что была бы очень польщена, если бы к ней зашел<...> я <...>»* [Добычин, 1999, с. 280]. Да и последний зафиксированный в корреспонденции визит Поярковой 21 марта к Добычину в «Райуполтоп» (после размолвки, вызванной *«очень грубым»* обращением с ней [Добычин, 1999, с. 283]), скорее всего, связан с появлением в Брянске второго номера «Новой России» с долгожданной «Сиделкой». Кому, как ни библиотекарше, знать об этом первой. (Первым, все же оказался сам автор. – Утром до работы он купил журнал на станции [Добычин, 1999, с. 287]).

Эта «библиотекарша», в отличие от Е.И. Цукерман, параллельно цитируемой в письмах, не задает вопросов: «Какие в Ленинграде лозунги» и «Кто считается Восходящей Звездой». Она высказывается сама. И эти «литературные беседы» становятся для Добычина источником скрытого или явного раздражения. В случае с М. Зощенко, к которому, как известно, Леонид Иванович относился сложно, восторги *«главной любительницы»* сатирика в Брянске (так отрекомендована Пояркова Слонимскому) вызывают ревнические чувства «уездного сочинителя» к популярности ленинградского коллеги. Их выдают ремарки к тексту приглашения в гости, приведенному выше: *«...к ней зашел (даже!) я (на безрыбьи и рак рыба)»* <выделено мною. – Э.Г.> К другой информации: «

» [Добычин, 1999, с. 285], – комментариев нет. Однако неверно составленные ударения (над первыми слогами французских имен) делают их очевидными. *«Неправильность речи, даже разговорной, – вспоминала М.Н. Чуковская, – болезненно коробили его...»* [Чуковская, 1996, с. 10]. Возникает вопрос, считал ли писатель свою поклонницу (как Кукин Лиз в рассказе) *«девушкой с образованием»*?

Однажды, как бы невзначай Добычин роняет: «*Ольга Пояркова – желтоволосая*» [Добычин, 1999, с. 283]. Не рыжая, русая или, скажем, блондинка, а именно желтоволосая – то есть того неестественного цвета, который природой не предусмотрен. Не подсказка ли это? Ведь именно Лиз – единственная из его героинь – предстает «*с желтой лентой в выкрашенных перекисью водорода волосах*» [Добычин, 1999, с. 59], как следует понимать, тоже желтых. В ту пору такой способ окраски был самым доступным.

И все же, кто она, Ольга Пояркова? Прежде всего, – жена Евгения Дмитриевича Пояркова, коллеги Добычина по службе в Губстатбюро (с 1923 по 1929 год). Впрочем, тень мужа за образом, вводимым в письма, не витает, отчего интерес Поярковой к Добычину может восприниматься и как женский. Штрихи характеристики этой «библиотекарши» в письмах в большей степени соотносятся с литературным образом, нежели с возможным прообразом.

Знакомство двух статистиков было продолжительным, ибо их жизненные пути неоднократно пересекались.

Обратимся к хронике жизни супругов Поярковых:

Поярков, Евгений Дмитриевич (род. **19.01 (1.02).1893**, в семье священника с. Фошня, Фошнянской вол. Брянского у., Орловской губ. (ныне Жуковского р-на, Брянской обл.) – ум. **25.10.1969**, Брянск).

1913. Окончил. Орловскую духовную семинарию; поступил на Экономическое отделение Петербургского, с августа 1914 – Петроградского политехнического института им. Петра Великого.

1916-1918. Служащий Отдела минерального топлива при Петроградском городском управлении.

1918-1919, февр. «Школьный работник» села Фошни.

1919, февр.- 1923, июн. Служба в Красной Армии (санитар перевязочного отряда, учитель красноармейской школы, школьный инспектор и заведующий политпросветом 19-й стрелковой и 15-й кавалерийской дивизий). В составе 3-й конной армии Г.Гая, попавшей в 1920 г. в польский «котел», оказался в числе интернированных в Германию, откуда возвращен на родину.

1923, 15 июн.- 1929. Заведующий секцией промышленной статистики в Брянском Губстатбюро.

1929-1933. Работал в управлении стройкой БРЭС в Белых Берегах; после завершения строительства (1931) – в Брянском Энергокомбинате, созданном на основе БРЭС.

1933-1941, авг. Экономист, с ноября 1940 г. – начальник бюро экономического планирования Мехартзавода (позже «Дормаш», ныне «Арсенал»).

1941, авг. – 1945, нояб. В эвакуации с заводом в городе Усть-Катав Челябинской области.

1945, 13 дек. Возвратился в Брянск, продолжил работу на заводе: заместитель начальника производственно-планового, начальник планово-экономического отдела.

1946, 30 июн. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

1956, 13 дек. Вышел на пенсию.

1969. 25 окт. Умер в Брянске¹.

Почти ровесники (ЛД – моложе на год) оба поступили (ЛД – в 1911, ЕП – в 1913) на Экономическое отделение Петербургского политехнического института им. Петра Великого; оба не закончили его, вынужденные зарабатывать на жизнь в трудные военные и революционные годы. В 1918 г. оба оказались на Брянщине (ЛД в Брянске, ЕП – в с. Фошня Брянского уезда, где он родился и где жили его родители). С 1923 г. (после демобилизации ЕП из рядов Красной армии) и до 1934-го (года отъезда ЛД в Ленинград) оба служили в Брянском Губстатбюро, затем на «Мехартзаводе». Даже поиски работы на строительстве Брянской электростанции (БРЭС) в Белых Берегах предприняли одновременно. Важной их совместной работой стала подготовка к изданию сборника Брянского губернского статистического отдела «Промышленность Брянской губернии. Материалы по статистике промышленности и труда» (Брянск, 1928).

¹ Основные источники: Личный архив семьи Поярковых; ГАБО. Ф.85. Оп. сгр. Д.92. Лл.129-129об.; Ф.85. Оп.1. Д.1493. Л.295; Ф.85. Оп.2. Д.26. Л.77; ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.13. Д.93. Лл.91об.-92; Ф. 478. Оп.26. Д.99. Л. 14 об-15. Автор благодарит А.Ф. Белоусова за помощь в уточнении сведений об учебе Е.Д. Пояркова в Политехническом институте.

Ольга Семеновна Пояркова (урожденная Комягинская), в 1923 г., став женой Евгения Дмитриевича, переехала из Фошни в Брянск. В ту пору ей было 22 года, мужу – 30 лет.

Супруги О.С. и Е.Д. Поярковы. Фотография 1930-х гг.
(Хранится в семейном архиве Поярковых)

*Пояркова, Ольга Семеновна (ур. Комягинская) (род. **11 (24).07. 1901 г.** в с. Жирновец, Кромского у., Орловской губ. в семье сельского священника – ум. **09.04. 1986 г.**, Брянск).*

1906. Переехала с семьей в село Фошню.

1918. Окончила Орловское епархиальное женское училище с 7-ым дополнительным педагогическим классом, дававшим право преподавания в начальной школе.

1918-1923, сент. Учительствовала в системе Брянского УОНО в деревне Старые Ковали и селе Фошня, Фошнянской вол., Брянского уезда.

1923-1941. Преподаватель младших классов в школах Брянска («Октябрьской революции», «Ш Интернационала», «Советской школе

№1» и др.); в разные годы – «групповод», библиотекарь, заместитель директора детского сада, заведующая начальной школы и т.д.

1928.11.08. Родилась дочь Валерия; в **1931.18.01.** – сын Николай.

1941-1944. В эвакуации работала учительницей в городе Усть-Катав Челябинской обл.

1944-1960 – учительница (с 1949 – завуч) начальной школы №3 города Брянска. Удостоена правительственных наград: медали «За победу на

Германией», ордена Трудового Красного Знамени (1949, 8 апр.), ордена Ленина (1952, 24 сент.) Была отличником Народного просвещения, заслуженным учителем РСФСР.

1960.16.09 – вышла на пенсию.

1986. 09.04 – умерла. Похоронена на Центральном кладбище Брянска в одной ограде с мужем и многочисленными родственниками¹.

Молодожены знали друг друга с детства. Их многое объединяло: родились в семьях сельских священнослужителей; ранние годы и отрочество провели в с. Фошне Брянского у. Орловской губ. (ныне Жуковского р-на, Брянской обл.), где закончили церковно-приходскую школу. В дальнейшем получили духовное образование в Орле: Евгений – в семинарии (окончил в 1913). Ольга – в епархиальном училище с 7-ым дополнительным классом (1918), дававшим право на педагогическую деятельность [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д.646. Л.6]².

Время, предшествовавшее знакомству писателя с Ольгой Семеновной, включало два года ее учительства в деревне Старые Ковали и три – в селе Фошня Брянского уезда. Именно тогда проявились незаурядные энергия и целеустремленность выпускницы епархиального училища.

Это подтверждают автобиографии, написанные в разные годы и хранящиеся в личном архиве семьи Поярковых: «До 1918 г. школы в деревне <Старые Ковали – Э.Г.> не было, и в мою задачу входила ее организация <...> на пустом месте, так как кроме назначения на работу и 30 шт. тетрадей ВОЛЮНО в то время мне ничего не мог дать.

¹ Основные источники: Личный архив семьи Поярковых; ГАБО. Ф.84. Оп.1. Д. 646.

² Оригинал документа хранится также в семье Поярковых.

Вот так началось испытание моих организационно-хозяйственных и педагогических способностей <...> Начала я занятия с 50 учениками в трех группах во временном помещении. К началу же нового учебного года мне удалось добиться от Брянского ГУБОНО отпуска средств на переоборудование национализированного помещения под школу. С помощью, главным образом, местного Комбеда помещение для школы было относительно приспособлено и оборудовано. В этой школе я проработала два года с 1918 по 1920». В селе Фошне Ольга Семеновна учительствовала в школах I и II ступеней, которые соответствовали начальному и среднему этапам образования. «Одновременно в эти

годы (1918-1923), – читаем дальше, – вела и внешкольную культмассовую работу, участвовала в проведение различного рода общественно-политических кампаний, в с/х переписи, в организации библиотек, драмкружков, красных уголков». (В документах по переписи сельского населения Брянской губернии за авг.- дек. 1920 г. среди переписчиков находим имена сестер О.С. и Н.С.Комягинских, священника М.М.Синягина – позже мужа Нины Комягинской. Перепись проводил Брянский Губстатотдел, в котором в это время работал Л.И. Добычин) [ГАБО. Ф. 102. Оп. спр. Д.8. Лл.1об.-2, 8об.-9, 27об.-28].

В сентябре 1923 г., к диплому епархиального педкласса Ольги Поярковой, где кроме двух «хорошо», все остальные «отлично», присоединяется удостоверение о прохождении 2-х месячных курсов по переподготовке работников просвещения. В нем помимо специальных предметов, адаптированных к новым условиям, значатся «политэкономика, истмат, история революционного движения в России и на Западе, экономическая география и политика, электрификация Р.С.Ф.С.Р., конституция С.С.С.Р., кооперация, Р.К.С.М. и школа, религия и наука, организация и методы политпросветработы» [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д. 646. Л.5].

Можно сказать, что работу в брянской «Советской школе им. Октябрьской революции», которая находилась по улице Советской, д. 5 (ныне – проспект Гагарина, здание не сохранилось) [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д.646. Л.2], Ольга Семеновна начинает в полном осознании своей профессиональной подготовленности и уже накопленного опыта.

Какой была Ольга той поры? Прежде всего, очаровательной молодой женщиной (об этом свидетельствуют сохранившиеся фотографии более позднего периода). Епархиальное училище, приоткрыло ей – девочке из многодетной семьи сельского священника (8 сестер и брат) – мир литературы, музыки, познакомило с французским языком, знанием которого она, судя по всему, гордилась. По воспоминаниям родственников, хорошо пела, обладала феноменальной памятью. – Могла цитировать или пересказывать прочитанное в юности. Предпочтение отдавалось русской и французской литературе. (Любопытно, что первой книгой в послевоенной домашней библиотеке Поярковых стал роман Флобера «Мадам Бовари». Впрочем, сын иронично замечал, что Флоберу она все же предпочитала В. Гюго).

Из испытаний первых послереволюционных лет Ольга вынесла ощущение собственной значимости. Тогда ее социальное происхождение, равно как и диплом епархиального училища, еще не создавали проблем. Но уже в 1925 г. Губоно предупреждает Пояркову об увольнении, несомненно, связанном с ее социальным происхождением. Тем не менее (возможно, посредством ходатайств) прежнее место работы сохраняется за ней вплоть до 1927 г. Именно к этому периоду относятся письма ЛД о контактах с ОП. Как большинство коллег, она работала по совместительству, что подтверждают выписки из личных дел за 1927-1928 гг. Сведений за 1925-26 гг. не найдено. В какой из библиотек города работала молодая учительница, не известно. Библиотек в городе было много: при учреждениях, учебных заведениях, воинских частях и т.д. Судя по упоминаемым в ее беседе с писателем сочинениям Анатоля Франса и Анри де Ренье [Добычин, 1999, с. 269], это была библиотека, которая располагала возможностью приобретения новых изданий. К их числу можно отнести, например, библиотеку «Нарпита». Она находилась недалеко от мест работы и Поярковой, и Добычина.

Учитывая значение, которое писатель придавал перемещениям персонажей в городском пространстве, можно с уверенностью сказать, что «поход» Лиз в баню совпадал с привычным маршрутом Ольги Поярковой от места проживания до места следования: будь то школа, где она работала, или баня, которую посещала. Итак, *«Лиз Курицына свернула из улицы Германской революции в улицу Третьего*

интернационала» [Добычин, 1999, с. 56]. На последней (до революции – Московской, ныне – им. Калинина), ближе к Десне находилась знаменитая в Брянске «Арсенальная баня». Ею, по воспоминаниям сына Ольги Семеновны, семья пользовалась долгие годы. Улицей «Германской революции» автор обозначил круто спускающуюся от Троицкого подворья на Петровской горе к бывшей центральной магистрали города улицу Карла Либкнехта – одного из основателей Коммунистической партии Германии. (Сегодня это – улица Арсенальная.)

В 1923-1927 гг. адрес супругов Поярковых (он встречается в различных документах) – «ул. Фокина, 39 на Петровской горе» [ГАБО. Ф. 84. Оп.1. Д.646. Л.2, 3 об. и др.]. Переименование бывшей Петро-Павловской улицы произошло после смерти в 1919 г. первого председателя Брянского губисполкома Игната Фокина. (С 1966 г. это – проспект Ленина). В ту пору улица из-за отсутствия мостов,

разделялась глубокими, трудно преодолеваемыми оврагами. Часть ее – от Петро-Павловского монастыря до оврага Верхний Судок – находилась на Петровской горе, что и объясняет дополнение к адресу. Место это, включая соседствующую Покровскую гору, по количеству храмов можно было бы назвать Брянской Храмовой горой. Сложность переходов через овраги делало маршрут героини, обозначенный писателем, наиболее вероятным.

(В 1922-1923 гг. на Петровской горе в так называемой «Рабочей слободке», образовавшейся в результате передачи келий бывшего женского монастыря для проживания рабочих Мехартзавода, некоторое время обитали сестры Леонида Ивановича. Об этом свидетельствует анкета по учету и реквизиции музыкальных инструментов, заполненная Ольгой Добычиной [ГАБО. Ф.1596. Оп.2. Д.171. Л.306]. Не исключено, что контакты Ольги Поярковой с сестрами писателя складывались уже в это время.)

Фамилия Курицына появляется в рассказе всего два раза – в начале и в конце. В брянском же именовании она встречается часто. Есть даже с совпадающим инициалом имени. (Например, рассыльная Губземотдела начала 20-х годов Е.В. Курицына [ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 2170. Л.66 об.]). Однако ключ к прообразу – не в фамилии, а в имени героини древнееврейского происхождения. Елизавета в переводе

означает «почитающая Бога» [Электронный ресурс, URL: www.listname.ru>name_elizaveta.html и др.]. Союз же офранцузенного варианта имени «Лиз» и приземленной фамилии «Курицына» («курица – не птица») вызывает ассоциации с аналогичным соотношением личного и фамильного имени родовитой красавицы Элен Безуховой в «Войне и мире» Л. Толстого. В таком контексте, насыщенном выразительными нюансами характеристики (*«шевеля на ходу плечами, высоко подняв голову, с победоносной улыбкой на лиловом от пудры лице»* [Добычин, 1999, с. 56]; *«размахивая под музыку руками, маршировала и вертела поясицей»* [Добычин, 1999, с. 58] и т.д.), – наиболее эротичная героиня Л. Добычина воспринимается как «сниженный вариант «женщины-мечты» [Шеховцова, 2009, с. 77].

И все же именно с нее автором «написан» самый живописный из добычинских «портретов»: *«Лиз, лиловая, с лиловым зонтиком, с желтой лентой в выкрашенных перекисью водорода волосах, смотрела»* [Добычин, 1999, с. 59].

Ассоциативно обозначившиеся строки «пастели» Саши Черного *«Лиловый лиф и желтый бант у бюста...»* [Черный, 1991, с.

27] к пошлости, о которой он пишет, отношения не имеют. Более того, «портрет» изыскан. Он воспринимается как реминисценция образа Одетты Сван из сцены ее прогулки (роман Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету») в сиреновом платье под сиреновым зонтиком, с волосами, окрашенными в белокурый тон [Шеховцова, 2009, с. 223]. Однако романтические тона г-жи Сван (сиреневый с белокурым) заменены интенсивным, даже драматичным сочетанием лилового и желтого – любимых цветов эпохи декаданса. Исследователи определяют их как цвета Лиз. Причем, лиловые не только платье и зонтик. Лилова сама героиня. Вспомним ее *«лиловое от пудры лицо»* в экспозиции образа. Фрагмент этой характеристики неожиданно возникает у Кукина, повстречавшего по дороге свою «лиловую» грезу. *«Запахло пудрой: на крыльце у святого Евпла толпился свадьба – какое предзнаменование!»* [Добычин, 1999, с. 59]. Запах пудры, непривычный для церкви, физиологически связан у Кукина с Лиз. Но есть и другая линия, объединяющая героиню с этим храмом. – Туда несут отпевать утонувшую Лиз. Это ее храм, что подчеркнуто автором посредством желтого тона в связи с высказыванием Золотухиной: «Я

люблю эту церковь, – показала она на желтого Евпла с белыми столбами <... >» [Добычин, 1999, с. 60].

Храма святого Евпла не было в Брянске. «Добрый плаватель» (так переводится имя этого христианского мученика) не стал покровителем Лиз, «заплывшей за поворот» [Добычин, 1999, с. 60]. Но одна деталь уточняет, какую из многочисленных брянских церквей имел в виду писатель. На недавно опубликованной фотографии 1920 г. возникает облик ныне не существующей церкви в честь Рождества Христова с портиком и колоннами [Реброва, Соловьев, 2011, с. 176-177]. Она находилась на Рождественской горе чуть выше школы им. Октябрьской революции по улице Советской, где работала Ольга Пояркова.

Церковь Рождества Христова в Брянске. Первоймай 1920 г.
(Хранится в ГАБО).

Вряд ли, наличие этого храма в судьбе героини призвано лишь расставить вешки географического «пространства» прототипа. Церковный мир – часть мира Лиз-Поярковой. Подтверждение этому – последующая жизнь Ольги Семеновны: служение профессии, забота о престарелых родителях, детях, внуках, сестрах, мужа которых были репрессированы: один – потому что был священнослужителем; другой – сыном городского; третий – член РКП(б) с дореволюционным стажем – потому что во время конфискации церковного имущества «вышел из доверия партии»¹. Похоронив на центральном кладбище Брянска умершего в 1934 году отца-священника, Ольга Семеновна поместила на памятнике (по-видимому, уже после войны) его фотографию в рясе с наперсным крестом на груди. Даже сегодня поступок дочери обращает на себя внимание.

Добычин, скорее всего, не был посвящен в перипетии жизни Поярковой тех лет. Хотя о ее социальном происхождении, несомненно, знал. Сколько анкет с бесконечными вопросами (в том

числе на эту тему) приходилось заполнять и Добычину, и Поярковым в те годы. Не случайно уже в экспозиции «Встреч ...» возникает знак церковного мира Лиз: *«С каждым шагом поворачивая туловище то направо, то налево, она размахивала, как кадилом, плетеным веревочным мешком, в который был втиснут голубой таз с желтыми цветами»* [Добычин, 1999, с. 56]. В новом контексте обретает новое звучание и уже определившаяся колористическая пара. Желтый (который может прочитываться как золотой) и лиловый – символические цвета Спасения и Крестных страданий, Воскресения и Смерти. В праздники, связанные с Христом, православные священники облачаются в золотые (радость, торжество) или фиолетово-лиловые (покаяние, скорбь) облачения. Примечательно, что в одной ограде с Христо-Рождественской церковью была церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Обе в форме креста. Причем, один из трех приделов Введенской был «в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня»² ii. В любом из двух

¹ Записи бесед с Н.Е.Поярковым. Брянск. Февр.- март 2010 г.

² См.: Монахиня *Сергия (Ежикова)*. Разрушенные храмы и часовни Брянского благочиния // I Тихановские чтения: Материалы краеведческой научно-практической конференции. 14-15 ноября 2006 г. Брянск, 2007. С. 98.

храмов Христо-Рождественского прихода могли отпевать «Почитающую Бога» – Елизавету.

Еще один штрих характеристики Лиз восходит к прототипу. Реноме «*девушки с образованием*» [Добычин, 1999, с. 60] поддерживает ее письмо в газету, озаглавленное «Наши бани» [Добычин, 1999, с. 57]. Тема, вызванная неудобством и антисанитарией брянских бань, – вечная для жителей города. Подписывались псевдонимами, инициалами, фамилиями без инициалов. Искать среди них имя Поярковой не стоит. Скорее всего, письмо Лиз-Поярковой – остроумная выдумка Добычина. Но мы знаем, что, обладая живым и выразительным языком (свидетельство тому – приведенные выше биографические заметки Ольги Семеновны 20-х годов), она могла бы быть автором письма. И писала. Сохранилась заметка 50-х годов о питомцах учительницы и их судьбах¹.

И все же дело не в этом. «Публикация» Лиз как бы уравнивает ее с литературным визави – Фишкиной, между которыми слоняется Кукин. В газете, по сообщению Ривы Голубушкиной, есть «*статья Фишкиной “Не злоупотребляйте портретами вождей”*» [Добычин,

1999, с. 57]. Статья под таким названием действительно была опубликована в «Брянском рабочем» от 24 мая 1924 года. Только ее автор – И. Сенин. Однако у прообраза Фишкиной – Фриды Соломоновны Фрумкиной (в замужестве Соколовой) были другие статьи, тоже политического содержания, связанные с профсоюзной сферой. Две из них («Очередные задачи работников профсоюзов» и «Из практики культработы по Брянской губернии») появились в органе Брянского Губпрофсовета – журнале «Жизнь профсоюзов» в 1922 и 1923 годах². Причем, первая воспринимается как акт подготовки к назначению члена РКП(б) Фрумкиной–Соколовой (в делопроизводстве использовались как указанный вариант, так и каждая из фамилий в отдельности) «зав. культотделом Г<убернского>

¹ Брянский рабочий. – 1955. 4 янв. – С. 4.

² Ф.С. Очередные задачи работников профсоюзов // Жизнь профсоюзов (Брянск). – 1922. – №1. – С. 8-10; Ф.С. Из практики культработы по Брянской губернии // Жизнь профсоюзов. – 1923. – №5-6. – С.10-12.

С<овета> П<рофессиональных> С<оюзов>» [ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.36. Л.105]. Это произошло в марте 1922 г. 25 апреля 1925 г. ФС была введена в состав Президиума ГСПС и утверждена председателем Губотдела работников просвещения [ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.43. Л.1]ⁱⁱⁱ. В январе же 1926 г. на заседании Президиума было заслушано «Личное заявление предгуботдела Работпрос т. Соколовой о том, что ей необходим переезд в Москву по семейным делам» [ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.605. Л.8 об]. В апреле, отчитавшись «по культработе < в Работпросе? – Э.Г.> 6 съезду профсоюзов», Фрида Соломоновна отбыла в Москву [ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.755. Л.4]. Многие моменты ее «служебного движения» вызывают вопросы. Но не будем останавливаться на них.

Ф.С. Фрумкина-Соколова (вторая слева) среди организаторов Брянского Губпрофсовета. 20.02.1925 г. (Хранится в ГАБО).

Отъезд Фрумкиной, как и ее появление, перемещения в брянском ГСПС во многом объяснимы карьерным ростом мужа. Им, по косвенным данным, был известный деятель революционного движения на Брянщине Михаил Филиппович Соколов (1892-1938). В интересующие нас годы – ответственный секретарь Бежицкого уездного комитета РКП(б) Брянской губернии (1922-1923), Брянского губернского комитета РКП(б)- ВКП(б) (1923-1925). В 1926-1927 годах – слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) в Москве,

после окончания которых был направлен на работу секретарем Севастопольского горкома¹.

Добычин, который в эти годы служил в Губстатбюро при ГСПС, стал невольным свидетелем «эпохи Фрумкиной-Соколовой» и явно заинтересовался ее персоной. Не случайно он срифмовал фамилии руководительниц-евреек из своих рассказов Малкиной («Конопатчикова») и Фишкиной («Встречи...») с Фрумкиной. Причем, фамилия Фишкина несет важную смысловую характеристику. «Фишка» в одном из значений слова – «небольшая фигурка, передвигаемая по доске в настольной игре» [Ефремова, 2000, с. 907]. Это говорит о незначительности и несамостоятельности личности ее владелицы. Но есть и характерная личностная черта Фишкиной –

презрительность, которая присутствует в каждом ее появлении: *«Стояла, взглядываясь в тучи, коротенькая, черная, прямая и презрительная»* [Добычин, 1999, с. 57]; *«Фишкина презрительно посмотрела направо и налево: – «Фу, сколько обывательщины!»* [Добычин, 1999, с. 58], *«По улице презрительно поглядывая, черненькая, крепенькая, в короткой чесучовой юбке и голубой кофте с белыми полосками, шла Фишкина»* [Добычин, 1999, с. 60]. В эпизоде с Малкиной слово «презрительная» отсутствует, но ощущение особенности ее положения ощутимо: *«Звенел бубенчик: женоотделка Малкина, поглядывая на прохожих, ехала в командировку»* [Добычин, 1999, с. 73]. Свидетельств о пришедших в революцию представителях еврейской национальности много. Сошлемся на запись 1919-го г. в дневнике В.Г. Короленко: «Среди большевиков – много евреев и евреек. И черта их – крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает»².

Мы не знаем реальной биографии Фрумкиной и даже места ее рождения³ – (Добычин мог знать.) Не исключено, что это был Брянск или какой-либо из крупных населенных пунктов Мальцовского

¹ Соколов Михаил Филиппович [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org>. (дата обращения 10.12.2014)

² См.: [Негретов, 1990, с. 97].

³ В одной из анкет М.Ф.Соколова 1922 г. содержится сведение о семье, без указания имени супруги: «Женат. Жене 25 лет, сын 2 л. <...> Место проживания семьи в Людиново». ГАБО. Ф. П-1. Оп.1. Д.476. Л.1.

промышленного округа, где эта фамилия достаточно распространена. В Брянске Фрумкины – и до революции, и в годы НЭПа, о которых идет речь, были преимущественно торговцами. В рассказе «Савкина», написанном в 1924 г., в общей городской «массовке» обращает внимание «дуэт»: *«Гуляли чванные богачки Фрумкина и Фрадкина»* [Добычин, 1999, с. 64]. Характеристика «чванные» вновь рождает ощущение связи с образом Фишкиной, ибо «чванство» заключает в себе чувство превосходства: в данном случае благодаря богатству, в другом – благодаря положению и т.п. Не исключен намек на родство с Соколовой–Фрумкиной.

«Фирменный знак» Фишкиной (в рассказе она «пролетарски» представлена только фамилией), – это «сад Карла Маркса и Фридриха Энгельса» [Добычин, 1999, с. 59]. Дважды для свидания с «культотдельшей» зазывает туда Кукина доверенная Фишкиной Рива Голубушкина. Место выбрано автором не случайно. В 1924 г., когда Добычин работает над своим рассказом, Фрумкина становится председателем правления «временного Бюро Межсоюзного

клуба им. К.Маркса» [ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.496. Лл. 13, 15, 17, 77]. При клубе (до революции – Общественном собрании) был сад, название которого определялось его владельцем. В 1920-е годы сад принадлежал Совету профессиональных союзов, отчего в рассказе он воспринимается как вотчина Фрумкиной. Постоянный аргумент Голубушкиной: *«она вас будет продвигать», «она вас продвинет»* [Добычин, 1999, с. 57, 59] соотносится с репликой посвященной в ситуацию Лиз: *«В Губсоюз принимают исключительно по протекции...»* [Добычин, 1999, с. 58].

Среди лиц, которым покровительствовала «зав. культотдела», вызывает интерес некая Адель Соломоновна Мармор. Она «секретарствовала» при нашей героине в Инструкторско-информационном отделе ГСПС. В декабре 1922 г. А.С. Мармор получила «семейную» рекомендацию в партию от Ф.С. Фрумкиной-Соколовой (партстаж с 1918 г.) и М.Ф.Соколова (партстаж с 1911 г.) [ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.654. Лл. 86-87]. Не исключено, что Адель Соломоновна могла быть и прообразом Ривы Голубушкиной. Однако это требует дополнительных доказательств.

Адрес места действия, связанного в рассказе с Фишкиной, на сей раз совпал с рабочим адресом писателя и был указан в конце

рукописи, которую Л. Добычин отослал К. Чуковскому в Ленинград. Получив 24 декабря 1924 г. ответ, благодарил: *«Хорошо, что Вы выбросили «Брянск, Губпрофсовет», – не только ради Фишкиной<...>»* [Добычин, 1999, с. 251]. (Все же не хотелось, чтобы эта героиня была узнаваема.) Однако через месяц, ознакомившись с публикацией, не смог сдержаться: *«Знаете, чего мне больше всего жаль из пропущенного текста («Встречи с Лиз»), – про «никакого марксистского подхода». Половина Фишкиной с этим отскочила»* [Добычин, 1999, с. 253]. По-видимому, даже в устах «друзья» Фишкиной эта формула оставалась характерной для самой Фрумкиной.

К сожалению, о прототипах других персонажей судить труднее. Кукин, несмотря на отчетливость его психологического портрета, скорее всего, придуман, как и коллизия с героинями. Носителей этой фамилии в Брянске было много. Какие-то сюжетно-образные штрихи (студенческие годы в Петербурге – Петрограде, привычка к черным *«галстучкам»*, прическа *«ежик»* из светлых волос) могли быть позаимствованы и у Е.Д. Пояркова. Свидетельство тому – источники, в том числе фотографические. Но все это, как и служебные

контакты Евгения Дмитриевича с главной «культуртрегершей» Брянска, не дают достаточных оснований для его идентификации с героем рассказа.

Среди Золотухиных привлекает внимание бухгалтер Губфинотдела Лариса Ефимовна, чье дореволюционное прошлое соответствует образу дамы *«в гипюровом воротнике, заколотом серебряной розой»* [Добычин, 1999, с. 59]. В 1921 г. финотдел «мобилизовал» ее для работы по переписи населения в Статуправление, где в это время служил Добычин [ГАБО. Ф.102. Оп. спр. Д.7. Л. 338]. Год спустя фамилия Золотухиной возникает среди наследников умершего отца, дома которого (№№56 и 58 по улице Ш Интернационала), территориально связанные с событиями рассказа, были муниципализированы [ГАБО. Ф. 85. Оп.1. Д.524. Лл. 290, 294; Д.2170. Л.54]. Флигель первого из них «Постановлением комиссии при Губкоммунотделе от 13 июня 1922 г.» [ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.524. Л.294] был оставлен Ларисе Ефимовне для проживания. Так что основания для воспоминаний о жизни бывлой (Петербург, *«Моды де-*

Ноткиной») в сочетании с надеждами на «перемену режима» и необходимостью вписываться в новый быт («Идемте, идемте <...> Долой Румынию») у нее были.

Тему «образ-прототип» на материале «Встреч с Лиз» можно было бы продолжить. В том числе и в связи с Брянском как прообразом города из этого рассказа. Его многочисленные сады, в том числе яблоневые, известные еще с XVIII века, задавали тему «райского сада» и моченых плодов из него, сцену эротических грез героя... Где-то в переулке рядом с домом Кукина располагался «штрафной батальон» – образ значимый в структуре рассказа. По улицам города, в частности Советской (свидетельство тому – фотография с церковью Рождества Христова), пролегали маршруты демонстрантов. С нагорной части они спускались к главной улице – III Интернационала с собором на центральной площади...

* * *

Нельзя не согласиться с мнением Г.В. Петровой в связи с ее исследованием сюжетной модели «Встречи с Лиз»: «Здесь живут (именно так, что показательно, относился к своим персонажам сам Добычин) реальные люди, вполне определенные нравственно-психологически, со своим социальным статусом и живым

эмпирическим опытом. Таковы и главные герои рассказа «Встречи с Лиз» – Лиз Курицына, Жорж Кукин, его мать, Рива Голубушкина, Фишкина, Золотухина и др.» [Петрова, 2001, с. 87]. Отсюда полшага до наличия прототипов или характерных особенностей тех или иных людей из окружающей писателя среды, что убедительно подтверждено работами А.Ф. Белоусова по материалам романа «Город Эн».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубева, Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск / Э.С. Голубева. – Брянск: Автограф, 2005. – 134 с.

Добычин, Л.И. Полное собрание сочинений и писем / Сост., предисл., коммент. В.С. Бахтина / Л.И. Добычин. – СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. – 544 с.

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1536 с.

Негретов, П.И. В.Г.Короленко. Летопись жизни и творчества: 1917-1921 / П.И. Негретов. – М.: Книга, 1990. – 291 с.

Петрова, Г.В. Принцип «антисюжета» в поэтике рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» / Г.В. Петрова // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2001. – С. 84–90.

Писатель Леонид Добычин. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост., предисл., коммент. В.С. Бахтина. – СПб.: «Журнал “Звезда”». – 1996. – 304 с.

Реброва, Н., Соловьев, Ю. Старый город. Новый Брянск; Очерки о событиях тысячелетней истории и современном развитии города Брянска / Н. Реброва, Ю. Соловьев. – Брянск: Город32, 2011. – 320 с.

Черный, Саша. Стихотворения / Саша Черный. – М.: Художественная литература, 1991. – 414 с.

Шеховцова, Т.А. Проза Добычина. Маргиналии русского модернизма / Т.А. Шеховцова. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. – 312 с.

АРХИВЫ

Личный архив семьи Поярковых.

Государственный архив Брянской области (в дальнейшем – ГАБО).

ГАБО. Ф.84. Оп.1. Д.646.

ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.524.

ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.1493.

ГАБО. Ф.85. Оп.1. Д.2170.

ГАБО. Ф.85. Оп.2. Д.26.

ГАБО. Ф.85. Оп. спр. Д.92.

ГАБО. Ф.102. Оп. спр. Д.7.

ГАБО. Ф.102. Оп. спр. Д.8.

ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.496.

ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.605.

ГАБО. Ф.731. Оп.1. Д.755.

ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.36.

ГАБО. Ф.731. Оп. спр. Д.43.

ГАБО. Ф.1596. Оп.2. Д.171.

ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.476.

ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.654.

ГАБО. Ф.Р-56. Оп.2.

Центральный государственный архив С.-Петербурга (в дальнейшем –
ЦГИА СПб)

ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.13. Д.93.

ЦГИА СПб. Ф.478. Оп.26. Д.99.

В.А. Мешков¹
Евпатория

**СЕМЬЯ БОРЯЕВЫХ
В ЕВПАТОРИЙСКОМ СЮЖЕТЕ «ГОРОДА ЭН»
И РЕАЛЬНОСТЬ**

Евпаторийская сюжетная линия «Города Эн», связанная с семьей инженера Карманова, находит подтверждение в архивных документах об их прототипах Боряевых. Статья основана на реальных сведениях о евпаторийском контексте романа, которые демонстрируют достоверность «Города Эн», его хронологизм и поразительную историческую точность.

Ключевые слова: Кармановы, инженер Боряев, покупка дачи, документы, реалии, хронологизм.

V.A. Meshkoff
Yevpatoriya

**THE BORIAEV FAMILY IN THE YEVPATORIYA PLOTLINE OF
«THE TOWN OF N» AND REALITY**

Yevpatoriya plotline of «The Town of N», connected with the family of engineer Karmanov, must be cognized on the basis on archival documents of the novel's prototypes: engineer Boriaev, his widow and son. The article offers a historical confirmation of the fascinating chronologism and factuality of the Yevpatoriya plotline, as well as of the entire Dobychin's novel.

Keywords: the Karmanovs, engineer Boriaev, summer cottage purchase, documents, realia, chronologism.

¹ Валерий Алексеевич Мешков, кандидат технических наук, член редколлегии газеты «Обозрение крымских дел», член Союза журналистов России и Украины, член ВОИР, патентовед

Двинские реалии в романе «Город Эн», как и брянские реалии в рассказах Добычина, изучены в настоящее время вполне обстоятельно [Белоусов, 2007; Голубева, 2005]. Проработан большой архивный материал, достоверно определены прототипы многих героев и действующих лиц прозы писателя. Евпаторийская сюжетная линия «Города Эн» тоже рассматривалась с общих литературных и историко-краеведческих позиций [Мешков, 2007; Заскока, Мешков, 2008]. Был сделан достоверный вывод, что евпаторийские реалии в романе тоже «нарисованы с натуры», по воспоминаниям очевидца – самого автора.

Вместе с тем представляет интерес сопоставление событий романа с архивными документами, выяснение вопроса, насколько они соответствуют реальности. Ведь роман является художественным произведением, и автор не связан какими-либо ограничениями в смысле точности отображения событий и хронологии.

Конечно, ожидать обнаружения документов о поездке Добычина-подростка в Евпаторию не приходится, но поиск следов семьи Боряевых, прототипа семьи Кармановых из «Города Эн», в Государственном архиве Автономной Республики Крым в Симферополе (ГААРК) был довольно успешным.

Вспомним, с чего начинается евпаторийская сюжетная линия в романе. Рассказчик ездит к своему другу Сержу в Шавские Дрожки, куда на лето переехали Кармановы. Там возникает эпизодический персонаж – «нотариусиха Конрадиха фон-Сасапарель», с ней как со

знакомой раскланивается Серж. В свой последний приезд в Шавские Дрожки, уже осенью, рассказчик снова встречает «нотариусиху» вместе с Кармановыми:

«Представительная, она опиралась на посох. На нем были рожки и надпись „Кримé“. Инженерша подсела к ней, и они говорили, что следует поскорее сбыть с рук Самоквасово, и что вообще хорошо бы распродать всё и выехать» [Добычин, 2007, с. 44-45].

Эти события легко датируются летом и началом осени 1904 года, благодаря упоминанию в тексте романа убийства Плеве [Добычин, 2007, с. 5], произошедшему в том же году.

Прототипичность «нотариусихи» исследовалась (Белоусов, 2007, с. 137-138), и было установлено ее происхождение от выходцев

из Германии¹. Один из членов семьи проживал в Симферополе (что может объяснить надпись «Кримé» на посохе). Не исключено, что этот персонаж собирательный, потому что в тот период в Крыму, и в частности в Евпатории, проживали многие выходцы из Германии, имевшие в том числе и связи с прибалтийскими немцами. Например, по данным справочной книги [Пьянков, 1913. с. 7], в Евпатории немецкое население составляло 141 человек.

В крымском архиве можно найти сведения о жителях Прибалтики, приобретавших дачные участки в Евпатории. Так,

имеется «Договор рижской мещанки Ольги Эдуардовны Пфейфер от 25 сент<ября>. 1900 г. Четвертая Продольная улица, квартал 271, на городском плане №31» [ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.239. Л.105]. Этот участок находился очень близко от того, что позже был приобретен инженером Боряевым², прототипом Карманова.

¹ По сведениям А.Ф. Белоусова (здесь и далее они приводятся по его сообщениям от 24.01.2013 и 20.01.2014), крымский след «нотариусихи» (урожденной Баук-Гааге) следующий:

«Семейство Баук-Гааге – не из прибалтийских немцев. Врач Густав Баук-Гааге (отец «нотариусихи») – выходец из Германии. Брат «нотариусихи» – Баук-Гааге Эдвин Густавович (род. 26.04.1863) – почтово-телеграфный чиновник Симферопольской П<очтово>тел<еграфной> Конторы (начало XX в.). Его сын Леонид (19.05.1896 - ?) в 1916 г. поступил на Экономическое Отделение Петроградского Политехнического института как сын коллежского асессора (ЦГИА СПб. Ф.536. Оп.6. Д.6679). Могли быть знакомы с Добычинным, а могли и нет».

Фамилия Гааге встречается и в Евпатории. Среди удостоверений «на звание шофера», выданных Евпаторийской Городской Управой 19 августа 1916 г., одно из них было получено Иоганном Фридриховичем Гааге, для вождения собственного автомобиля. В архиве осталась и его фотография: это человек 45-50 лет с усами и бородкой. Профессия и род занятий не документированы (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.646. Л.26).

² По сведениям А.Ф. Белоусова, в формуляре Н.П. Боряева указывается: «Л.183-183об. Хронический суставный ревматизм. Лечился грязями на Южном берегу Крыма». Это могло быть одной из причин предстоящего переезда в Евпаторию, в которой имелась грязелечебница и свои грязи с озера Мойнаки. На Южном берегу таких условий не было, там могли лечить только привозной грязью.

Местоположение участков относилось к дачному району Евпатории, который начал интенсивно осваиваться с 1900 года. Он находился в западной части города и продвигался в сторону озера Мойнаки. Почва участков была не самая лучшая: либо каменистая (ракушечник), либо песчаная. Вначале с желающими приобрести участок Городская Управа заключала договор аренды. После «освоения участка» его можно было выкупить у города в частную собственность. Участок Боряевых находился недалеко от моря (600-700 метров) и озера Мойнаки, где была грязелечебница (1 верста). До центра города было больше трех верст¹.

Сделки купли-продажи участков оформлялись с помощью нотариусов, они же имели информацию о спросе и предложении в этой сфере. Судя по всему, «нотариусиха» появляется в романе в качестве источника подобных сведений для Кармановых. При этом

покупателям обычно и не было нужды выезжать для совершения сделки по месту нахождения участка. Все необходимые действия выполнялись нотариусами Двинска и Евпатории и доверенными лицами.

По этому поводу в романе сказано:

¹ По сравнению с расстояниями, указанными ранее по сведениям первого соавтора (ср.: Заскока, Мешков, 2008, с. 40), автором проведены уточнения по плану города 1916 г. (см. Приложение) и с помощью «выхода на место». Расстояние до ближайшего берега озера еще меньше, чем до моря, и составляет 350-400 метров. До здания грязелечебницы прямой дороги нет, и чтобы до него добраться, требовалось проехать расстояние около версты (1 верста = 500 саженям = 1,067 км). Кроме того, после грязевых процедур необходимо было возвращаться в помещение для отдыха.

Добычин точно отразил все эти обстоятельства: *«Караат начинал возить дачников к грязям и в город. Караманова, стоя в пенсне у ворот, отмечала в блокнотике, кто куда едет»*. Потому что Караат был «запряженный в линейку», на которой могло ехать несколько человек. Серж со своими гостями шел к морю пешком: *«Во двор, томно глядя, выходил Александр Халкиопов, студент. Мы здоровались с ним и отправлялись с ним к морю»* [Добычин, 2007, с. 57].

«Они <Кармановы. – В.М.> не уехали. Им подвернулось недорого место вблизи Евпатории, и они собирались построить там доходную дачу» [Добычин, 2007, с. 46].

Сохранившиеся архивные документы позволяют получить детальное представление о том, как происходило приобретение участка. Вновь поражает хронологическая точность Добычина в романе «Город Эн» – эти события действительно в основном относятся к 1904 году!

До этого участок принадлежал евпаторийскому жителю Курт Ягья Байрам оглу, имевшему Договор «с городом об аренде сроком на 24 года с 1 янв<аря>. 1901 года по 1 янв<аря>. 1925 г<ода>. с арендной платой 15 р. 5 коп. от 23 сент<ября>. 1900 г<ода>.» (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.239. Лл.33, .51).

5 августа 1903 года был заключен договор Курт Ягья с Боряевым о продаже участка, но при этом покупатель приобретал только право аренды и обязанности по обустройству участка, который ранее арендовал продавец. Об этом имеется запись на Договоре^{1 iv},

удостоверенная в нотариальной конторе о передаче всех прав Боряеву. За продавца также действовал доверенный, а на его доверенности нотариус Иван Алексеевич Коптев удостоверял, что за неграмотного

¹ На обратной стороне Договора Курт Ягья с Евпаторией имеются записи: *«Все права и обязанности верителя моего по сему договору передаются в полную собственность инженеру Путей Сообщения Коллежскому Советнику Николаю Павловичу Боряеву, от которого полное удовлетворение для своего верителя получил.*

По <доверенности? – нрзб.> Евпаторийского мещанина Курт Ягья Байрам оглу, живущего в Евпатории <татарская подпись> Асан Аджи Умер оглу. Перевел мещанин Бекир Караманов <подпись>. Подпись переводчика Бекира Караманова удостоверяю. И.д. нотариуса И.А. Генс <подпись>

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись сделана собственноручно в присутствии моем Ивана Августовича Генс, исправляющего должность Евпаторийского нотариуса Ивана Константиновича Колоколова, в конторе его по Фонтанной улице в доме №15 – Евпаторийским мещанином Асаном Аджи Умер оглу, действующим на основании подлинной доверенности <...>».

Курт Ягья подписался другой татарин. Доверенным лицом Боряева в Евпатории являлся Василий Петрович Радомовов. В архиве сохранилась только копия доверенности, высланной ему Боряевым из Двинска 10 февраля 1904 года, на «приобретение от города Евпатории в собственность участка земли» (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.239. Л.32).

Но для того, чтобы участок перешел в полную частную собственность, арендатору надо было выполнить ряд условий, главным из которых являлось разведение сада и постройка дома. При площади участка в одну десятину (2400 кв. сажен) под сад за 5 лет надо было освоить 1800 кв. сажен, посадить 600 деревьев. Также надо было огородить участок каменным забором, произвести постройки «по типу не уступающие проекту, утвержденному Думой», и еще выполнить ряд условий (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.239. Л.4).

Оценку производила специальная комиссия, и в случае невыполнения всех требований участок изымался и отдавался в аренду другому претенденту. Судя по всему, предшественник Боряева не мог выполнить требований или уже уехал из Евпатории, поэтому и решил продать участок.

Вскоре доверенный Боряева делает дальнейшие шаги, направленные на приобретение участка, о чем свидетельствует архивный документ:

*«Журнал 1904 года Марта 3 дня
на основании 99 ст<атьи>. Городского положения издания
1896 года*

*в коллегиальном заседании Евпаторийской Городской Управы,
в котором присутствовали:*

*Председатель Городской Голова граф Н.А. Мамуна,
Члены Управы С.Э. Дуван, В.М. Пашуров,
находился секретарь Г.П. Софроньев.*

СЛУШАЛИ: заявление Коллежского Советника Николая Павловича Боряева о желании его приобрести в собственность участок городской земли, находящейся в городе Евпатории на Третьей Продольной улице, в квартале 264 и обозначенной на городском плане под № 37 размерами в длину с востока на запад пятьдесят одна сажень и в ширину с севера на юг сорок шесть

саж<ень>. в границах: с востока 46 саж<ень>. участок за №35, принадлежащий жене Коллежского Советника Евгении Валериановне Бендеберы¹, с юга 51 саж<ень>. улица, с запада 46 саж<ень>. участок городской земли за №39, состоящий в арендном пользовании Андрея Гавриловича Кирилина и с севера 51 саж<ень>. участок городской земли за № 42, состоящий в арендном пользовании Эрнеста Адамовича Руктешеля.

<...> приняв во внимание, что следуемая за означенный выше участок выкупная плата согласно расценке, установленной Евпаторийской Городской Думою 21 января 1900 года, и утвержденной Губернатором 17 марта того же года за № 1435 в сумме 200 руб. внесена в городскую кассу 1²⁰ сего марта, а также возмещен расход города в 200 руб., произведенный им на планировку и регулировку, и всего внесено в городскую кассу четыреста руб., которые записаны по приходному журналу Управы за текущий год № 347, – Евпаторийская Городская Управа определила: Продать в полную <собственность> <далее обрыв документа. – В.М.> <...> выдать ему, Николаю Боряеву, копию настоящего журнала, для совершения на его, Боряева, расходах крепостного акта, причем Городское Общественное Управление принимает на себя очистку продажного участка от выкупищиков и споров» (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.239. Лл.31, 53).

Уже в августе 1904 года на запрос Таврического Губернатора из Евпатории подается «Список дворян, владеющих недвижимым имуществом», где под номером 9 указан Н.П. Боряев с приобретенным участком (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.269. Л. 52).

Из этих документов можно понять, что решение о строительстве «доходной дачи» пришло к Боряевым не сразу после приобретения участка в аренду, а примерно через полгода. Они посчитали разумным сначала приобрести участок у города в «полную собственность», поскольку имели необходимые средства. Оформление всех документов и получение «крепостного акта» занимало несколько месяцев, поэтому во второй половине 1904 года, ближе к осени, Боряевы действительно

¹ Е.В. Бендеберы приобрела участок 13 сентября 1903 года, т.е. после того, как ее соседями стали Боряевы.

могли принять окончательное решение о строительстве дачи. После этого они могли объявить об этом намерении и своим знакомым.

Самым удивительным является то, что Добычин, писавший свой роман через тридцать лет после этих событий, с такой точностью воспроизвел их хронологию, и именно с точки зрения того, что мог знать ребенок, друг Сержа Карманова¹.

Интересным обстоятельством является и то, что Боряеву участок разрешили приобрести в частную собственность без предоставления акта комиссии о выполнении условий договора аренды. В то же время Ольге Пфейфер такой привилегии не было предоставлено, и в архиве имеется ее заявление в Евпаторийскую Городскую Управу от 19 августа 1904 года о выполнении условий аренды и с просьбой о выезде к ней приемной комиссии (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.239. Лл. 97, 104-107). Только после положительного заключения комиссии О. Пфейфер 16 ноября 1904 года подала заявление о приобретении в собственность арендуемого ею участка, которое и было удовлетворено. Ей, как и Боряеву, это стоило 400 рублей.

Чтобы приобрести участок в собственность, О. Пфейфер требовалось построить дачу и другие строения, а Боряев, как следует из романа и подтверждается архивными документами, начал строить дачу после такого приобретения. Причины, по которым для него было сделано исключение, в документах не указаны. Возможно, учли его положение в обществе и принадлежность к дворянскому сословию. Но есть и другое объяснение.

После постройки в 1875 году железной дороги, соединившей Севастополь с российскими городами вплоть до Петербурга, Севастополь стал быстро развиваться и «цивилизироваться». Это явилось предметом зависти в Евпатории, которая раньше по всем показателям превосходила Севастополь.

В первой книге-путеводителе по Евпатории по этому поводу сказано:

¹ Фамилия «Карманов» всего одной буквой отличается от упомянутой выше (прим. 3) фамилии «Караманов». Впоследствии лицо с такой фамилией занималось в Крыму масштабной продажей земельных участков.

«Евпатории еще многого недостает в смысле благоустройства. Она как старшая сестра младшего брата своего Севастополя, с завистью взирает на чудо-богатыря, удивляясь его воскресению из мертвых, быстрому развитию его славы и богатства, устройству железного пути и другим прогрессивным учреждениям. Она с нетерпением ждет к себе прибытия мужа мудрого и

энергичного, который разбудил бы ее от „азиатской спячки“, вдохнул бы в нее жизнь преисполненную кипучей деятельности на пользу родного городского общества и на славу матушки России. А что она скоро дождется такого сильного гражданина – это верно: ведь не даром же в гербе города изображена „змея, пьющая из чаши“ как эмблема исцеления, быть может, от „азиатской спячки“» [Пьянков, 1886, с. 31].

С тех пор несколько раз составлялись планы постройки железной дороги к Евпатории, подавались на самые «верхи», но осуществились они только в 1915 году, когда во время войны в Евпатории действовал госпиталь под патронатом императрицы Александры Федоровны. В 1904 году шла война с Японией, и идея создания подобного госпиталя и железной дороги, видимо, тоже «вitala в воздухе». Поэтому городские власти были заинтересованы в привлечении к таким планам новоявленного жителя, влиятельного инженера железнодорожного ведомства.

Но как сообщается в романе: *«Лето пришло наконец. Мы расстались с Кармановыми, уехавшими строить дачу...»* [Добычин, 2007, с. 48]. А это уже лето 1905 года, война вскоре закончилась, и мечты евпаторийцев о железной дороге отсрочились на десять лет, до следующей войны.

Вероятно, дача Боряевых-Кармановых в основном была тем летом и построена, т.к. из романа мы узнаем об их возвращении: *«Серж давал мне смотреть „модель дачи“ – деревянную, с настоящими стеклами в окнах»* (49). Как владелец недвижимости в Евпатории Н.П. Боряев приобретал в городе избирательные права.

Подтверждение этому находим в «Списке лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборах Гласных Евпаторийской Городской Думы на 4-х летие с 1906 года», составленном 27 сентября 1905 г. В нем под номером 81 находим Боряева с оценкой его

недвижимости в 300 руб. Объявления со списком были обнародованы избирателям 20 ноября 1905 г., а выборы были назначены на 3 марта 1906 г.

Об этом имеется повестка Городского Головы со списком лиц, направленная Евпаторийской Городской Управой в Двинское Городское Полицейское Управление 15 февраля 1906 года для вручения «проживающему в г. Двинске по Шоссейной улице в д. Моля Николаю Павловичу Боряеву». На обратной стороне имеется запись:

«За смертью инж. Боряева 18 минувшего января переписка с приложением возвращена в Городскую Управу. Февраля 21 дня 1906 года» (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.288. Лл.55, 142).

Дату этого события по роману определить трудно: *«В один светлый вечер <...> в Карманова по дороге из конторы домой кто-то выстрелил и он умер через четверть часа»* [Добычин, 2007, с. 51]. Здесь Добычиным допущены явные неточности: факты свидетельствуют, что ранен Боряев был утром 16 января, и через два дня скончался [Белоусов, 2007, с. 135]. Но в контексте романа эти неточности несущественны.

После смерти Боряева его вдова и сын должны были вступить в наследство имуществом. Судя по документам, имеющимся в крымском архиве, инженер завещания не оставил¹. Через своего

¹ Сведения о наследовании имущества Боряева найдены А.Ф. Белоусовым и в других архивных источниках: «О наследстве кол. сов. Н.П. Боряева и о вводе во владение Екатерины Дмитриевны Боряевой и малолетнего Дмитрия Николаевича Боряева наследственным недвижимым имуществом» (Латвийский Государственный Исторический Архив (Рига). Ф.710. Оп.1. Д. 2286 (начато 10.04.1906 – кончено 25.04.1906): «поч<етный> Мир<овой> Суд<ья> А.Ф. Князев удостоверил, что Николай Павлович Боряев был женат только раз и остался только один сын.

Имущество: Евпатория. Дом в два этажа по III Продольной улице, №37. Участок в 2346 кв. саженей с выстроенной на нем дачей. Стоимость – 12 тысяч рублей. Страховка – 11 тысяч рублей. Приобретено по купчей крепости. Покупка утверждена 17.03.1904 г. 27 тысяч рублей долгу по закладной крепости, совершенной у Смоленского нотариуса Тимошинина 21.09.1902 и утвержденной 12.10.1902 от Управления Липецких минеральных вод.

поверенного, Осипа Эдуардовича Стачунского, живущего в 1-й части г. Двинска по Шильдеровской ул. в доме Ожинского, Екатерина Дмитриевна Боряева обратилась с заявлением в Евпаторийскую

Городскую Управу (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.233. Л.31). Она просила выслать «удостоверение в том, во сколько оценено имущество ныне покойного инженера, коллежского советника» Боряева. Поверенный сообщал, что удостоверение необходимо «для представления в Витебский Окружной Суд по делу об утверждении моих верителей в правах наследства к имуществу покойного...». Копия удостоверения сохранилась. В нем сообщалось:

«по раскладочной ведомости о недвижимом имуществе г. Евпатории за 1905 год под № 380 значится за умершим <...> дом в два этажа, находящийся на III Продольной ул. под № 37, каковое имущество оценено для взимания налога, земского и городского сборов в триста /300/ рублей. Недоимок на означенное имущество не числится» (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.233. Л.32).

Приложена доверенность, выданная Е.Д. Боряевой поверенному Стачунскому:

«Тысяча девятьсот шестого года февраля седьмого дня доверенность эта явлена у меня Василия Игнатьевича Алещенко, Двинского Нотариуса, в конторе моей находящейся во 2 части, по Офицерской улице в доме №19 вдовую <...> лично за себя и в качестве опекунии над личностью и имуществом малолетнего сына умершего

11.07.1906 дворянка Елена Павловна Боряева из Пошехонья спрашивает, что с наследством (л.12). 8.08.1906 просит прислать копию с духовного завещания брата. Духовное завещание не предъявлено. Его не было (л.17об). Наследование – по закону».

Судя по всему, дача была приобретена на «закладные деньги» за другую недвижимость Боряева (Самоковасово?). Какая сумма была уплачена Боряевым прежнему владельцу участка неизвестно, эти сведения в нотариальные документы не вносились. Из архивных данных следует, что Е.Д. Боряева получила 1/7 недвижимого и ¼ движимого имущества мужа. Остальное – сын Д.Н. Боряев. Сестра Боряева не получила ничего.

инженера <...> Дмитрия, представившего Указ Двинского Сиротского Суда от 6 сего февраля за №125 о назначении ее опекуницей над вышеозначенным малолетним Дмитрием...» (ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.233. Л.33).

Таким образом, вдова с сыном незамедлительно вступили в права наследства. Судя по роману, они после окончания учебного года уехали в Москву. Потом побывали в Двинске только через год, забрав героя-рассказчика в Евпаторию на лето [Добычин, 2007, с. 56-57]. «Евпаторийской главой» романа в основном и заканчивается сюжетная линия, связанная с Крымом и Евпаторией.

Архивных документов о жизни Боряевых в Евпатории после смерти инженера до революции долгое время найти не удавалось. Их фамилия отсутствует в различных списках налогоплательщиков, а также в избирательных списках. Последнее можно объяснить тем, что женщины не имели избирательного права, а Дмитрий Боряев не достиг

совершеннолетия. Но в деле «Об оценке недвижимых имуществ для платежа государственного налога, городского и земского сборов на 1906 год» присутствуют все видные жители города вплоть до городского головы, а Боряевых нет [ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.364. Лл.7-63]. Такая же картина часто наблюдается и в последующие годы. Автор даже предполагал, что их освободили от уплаты налогов в связи с тем, что Боряев погиб на государственной службе. Все же одно упоминание о «наследниках Боряева» было найдено в деле «Об оценке недвижимости для уплаты государственного налога, городских и земских сборов на 1911 год» [ГААРК: Ф. 681. Оп.2. Д.462. Л.107]. В списке под №418 участок в квартале 264 дом 37 оценивался в 600 рублей, т.е. его официальная цена возросла в два раза. Кроме того, имеется хорошо читаемая запись карандашом: «Дом в два эт<ажа> 10 к<омнат> Флигель 4 к<омнаты> Сторожка Доходность 800 <рублей>».

Обращаясь к евпаторийской главе романа, обнаруживаем, что конюшни действительно не было, а конь Караат «взят был на лето напрокат у татар». Сторожка, как видно, предназначалась для многофункционального наемного работника, для Караата – «*возница – на „даче“ он был управляющий, кучер, садовник и сторож...*». Что касается хозяйки, то с утра «*Карманова <...> принималась снова между „флигелем“, в котором мы жили, и „дачей“*» [Добычин, 2007,

с. 57]. Следует заметить, что слово «дача» здесь Добычин, как и мы в быту, использует в двух значениях: как дачный участок со строениями на нем и как собственно двухэтажный дом Кармановых на этом участке. Кроме того, и в этом случае обнаруживается феноменальная документальная точность Добычина-очевидца.

Упоминание о самом инженере Боряеве обнаружилось в материалах заседаний Электро-Трамвайной Комиссии от 13 мая 1911 года. В связи с вопросом о приобретении городом Евпатория электростанции, находившейся в частном владении, рассматривалась и задача скорейшего осуществления трамвайного движения. При этом вспомнили, что 6 лет назад этот вопрос был разработан и даже был проект:

«Выясняется, что все дело по сооружению трамвая находилось у инженера Боряева, который умер и дело, вероятно, находится у его наследников. К розыску его приняты меры» [ГААРК: Ф.681. Оп.2. Д.459. Л.105].

Дальнейших сведений о судьбе этих поисков не найдено, вероятно, наследники ничего не сохранили, так как вскоре оценочный проект представил другой инженер, и разработки Боряева нигде не фигурировали. Однако становится понятно, что Боряев действительно уже в 1905 году был привлечен к важному делу развития новых для Евпатории видов транспорта. Видимо, на него возлагались определенные надежды не только по постройке железной дороги, как предполагалось выше, но и в трамвайном деле. С его смертью это дело остановилось, и о нем вспомнили только через шесть лет.

Судьба его вдовы и сына не прослеживается в документах Крымского архива ни в период 1917-1920 годов, ни в советское время. По сведениям А.Ф. Белоусова, сын инженера Дмитрий Боряев в 1922 году еще владел дачей в Евпатории¹. Действительно, в начале 1923

¹ РГАЭ. Ф.4039. Оп.3. Д.1702 (личное дело Баряева (<так!> Д.Н.). Согласно анкете, заполненной 27.07.1922 г. работником Государственной экспортно-импортной торговой конторы «Госторг» при Народном

года Коммунальный отдел Евпаторийского Окрисполкома объявил «Список имуществ, подлежащих муниципализации по городу Евпатории» [ГААРК: Ф.Р-163. Оп.1. Д.151. Лл.7-63], в котором дача Боряева отсутствовала.

Однако на этом кампании по «муниципализации», т.е. передаче имуществ от их владельцев в собственность города, не окончились. Когда у Боряева-сына была изъята дача, установить не удалось, но был обнаружен «Список муниципальных дачевладений на 25 января 1926 года», в котором фигурирует и дача Боряева, площадью 315 кв. метров, «выделенная в курортный фонд ОКХ» [ГААРК: Ф. Р-1036. Оп.2. Д.128. Л.282]. Далее эта дача упоминается в другом списке «дачам, находящимся в аренде». Там указано, что она сдана Еврейскому обществу медиков с 19 ноября 24 по 19 ноября 34 за сумму 400 рублей в год [ГААРК: Ф.Р-1036. Оп.2. Д.128. Л.284]. Таким образом, Дмитрий Боряев был «раскулачен», или сам отказался от дачи, в период 1923-1924 гг.

К сожалению, полученные в крымском архиве сведения ничего не говорят о дальнейшей судьбе вдовы Боряева и его сына. Никаких заметных следов в истории города Евпатории они не оставили. Что касается дачи, то, судя по всему, она была разрушена в годы Отечественной войны. Участок Боряевых теперь относится к

территории детского санатория им. Шевченко и никакой памяти о них в Евпатории найти не удалось.

Тем не менее, имеющиеся архивные документы дореволюционного периода еще раз подтвердили удивительную хронологичность и фактологичность евпаторийской сюжетной линии, как и всего романа Леонида Добычина «Город Эн».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусов, А.Ф. Комментарий; Примечания / А.Ф. Белоусов // Добычин, Л. Город Эн / Л. Добычин. – Даугавпилс: Saule, 2007. – 304 с.

Голубева, Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск / Э.С. Голубева. – Брянск: Автограф, 2005. – 134 с.

Комиссариате Внешней Торговли Д.Н. Боряевым, он владел дачей стоимостью 3600 рублей.

Заскока, В.М., Мешков, В.А. По добычинским местам Евпатории / В.М. Заскока, В.А. Мешков // Добычинский сборник – 6. – Даугавпилс, 2008. – С.38-50.

Мешков, В.А. «Город Эн» Леонида Добычина и город Евпатория / В.А. Мешков // Литературный Крым (Симферополь). – 2007. – 30 авг. (№ 31–32). – С. 3, С. 7; 13 сент. (№ 33–34). – С. 2; 27 сент. (№ 35–36). – С. 2; 11 окт. (№ 37–38). – С. 6; 25 окт. (№ 39–40). – С. 7.

Пьянков, В.Г. Вся Евпатория. Адрес-Календарь-Справочник за 1913 год. С приложением плана города Евпатории / При участии проф. В.А. Гемилиана / В.Г. Пьянков. – Евпатория. 1913. – 76 с.

Пьянков, В.Г. Крым-Евпатория. Мойнакское лимано-лечебное заведении, состоящее в заведывании докторов С.П. Цеценевского и С.И. Ходжаша / В.Г. Пьянков. – Евпатория. 1886. – 58 с.

АРХИВЫ

Государственный архив Автономной республики Крым (в дальнейшем – ГААРК)

ГААРК. Ф.681. Оп.2. Д.646.

Латвийский государственный исторический архив (Рига) (в дальнейшем – ЛГИА).

ЛГИА. Ф.710. Оп.1. Д. 2286

Российский государственный архив экономики (в дальнейшем – РГАЭ).

РГАЭ. Ф.4039. Оп.3. Д.1702

ПРИЛОЖЕНИЕ

И.Е. Лощилов¹

*Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный
педагогический университет*

**«ПЛЯСКА СВАХ» И ОТКРЫТКИ НА СМЕРТЬ ЛЬВА
ТОЛСТОГО
*Две заметки²***

Статья указывает на визуальные истоки двух образов в прозе Добычина. Открытки, посвященные смерти Льва Толстого в романе «Город Эн» (1935), являются репродукциями двух картин польского художника Яна Стыки (1858 – 1925): «На дороге в бесконечность» и «Отлученный». Открытки были напечатаны в Париже после 1910 года. Картина «Пляска свих», которая упоминается в рассказе «Конопатчиков» (1926), принадлежит художнику Константину Юону (1875 – 1958) и действительно была напечатана в журнале «Нива» в 1913 году. Указание на эти оригинальные изображения служат дополнением к представлениям о художественном методе и о поэтике прозы Добычина.

Ключевые слова: Леонид Добычин, Лев Толстой, визуальность, открытки, репродукции, Константин Юон, Ян Стыка, историзм

¹ Игорь Евгеньевич Лощилов, кандидат филологических наук, PhD (Russian Language), старший научный сотрудник Сектора литературоведения Института Филологии СО РАН, доцент кафедры русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВПО НГПУ, Институт филологии, массовой информации и психологии.

² Работа подготовлена в рамках интеграционного проекта СО – УрО РАН «Х.106.53. Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

I.E. Loshchilov
*Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk*

**«THE MATCHMAKERS' DANCE» AND THE POSTCARDS
DEDICATED TO LEO TOLSTOY'S DEATH
(Two Notes)**

The article indicates the visual origin of two images in Dobychin's prose. The postcards, dedicated to Leo Tolstoy's death, mentioned in Dobychin's novel «The Town of N» (1935), are, in fact, reproductions of the two paintings by a Polish painter Jan Styka (1858 – 1925): «On the Road to Infinity» and «The Excommunicated». These postcards were printed in Paris after 1910. The painting «The Matchmakers' Dance» mentioned in the short story «Konopatchikova» (1926), was made by artist Konstantin Yuon (1875 – 1958); it was reproduced in the «Niva» magazine in 1913. Identification of these original images is an important contribution to our understanding of the artistic method of Dobychin's prose and its poetics.

Keywords: Leonid Dobychin, Leo Tolstoy, visuality, postcards, reproductions, Konstantin Yuon, Jan Styka, historicism

В первом издании «Полного собрания сочинений и писем» Добычина, в преамбуле к комментариям, о писателе было сказано: «Практически каждая его строка документальна. Постоянно упоминаются книги, статьи, газетные новости, фильмы, театральные постановки тех лет. Поражает своей точностью и вещное окружение

героев. Если Добычин пишет: “Как в “Ниве” на картинке “Пляска свах”...”, то можно быть уверенным, что такая картинка существовала на самом деле» [Добычин, 1999, с. 455].

Предлагаемые заметки призваны внести два уточнения в комментарии к будущим изданиям сочинений писателя.

I

В последних абзацах главы 32 безымянный герой романа «Город Эн» узнает о смерти Льва Толстого:

Утром мутного, с низкими тучами и мелкими брызгами в воздухе, дня мы узнали, что умер Толстой. В этот день я решился попробовать: – Умер, – сказал я Ершову, подсев к нему. Он посмотрел на меня, и мне вспомнился Рихтер, который говорил мне, что жалко, что Пушкин убит.

В этот день маман вечером заходила к Сиу. С уважением рассказала она, что сначала господина Сиу долго не было дома, а потом он пришел и принес две открытки: «Толстой убегает из дома, с котомкой и палкою» и «Толстой прилетает на небо, а Христос обнимает его и целует» [Добычин, 1999, с. 179].

Прежде всего, – такие открытки действительно были.

Две картины, точные описания фигуративного плана которых даны в романе, принадлежат кисти известного польского художника, корреспондента Толстого, Яна Стыки (Jan Styka; 1858 – 1925).

Известны две версии открыток с репродукциями этих картин – цветная и черно-белая. Цветная была отпечатана в Париже, где в 1910 году жил Ян Стыка (приблизительно тогда же живописец переехал на Капри, в Италию), в издательстве Ивана Сергеевича Лапина, типография которого славилась высоким качеством цветной печати. Черно-белые открытки также вышли в Париже, фирма называлась «Neurdein Freres» (N.D. Phot.).

Когда именно были выпущены эти открытки – выяснить с точностью, к сожалению, пока не удалось. Совершенно неправдоподобным, однако, представляется, что они могли появиться в Двинске в первые дни после смерти Толстого. Художник должен был написать две картины, типография напечатать тираж, какое-то время должна была занять и доставка в другую страну...

Смерть Толстого была отмечена Блоком в «Предисловии» к поэме «Возмездие» среди событий, создающих «единый музыкальный напор», как знак приближения катастрофы, слома эпох: «1910 год – это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. <...> С Толстым умерла человеческая нежность – мудрая человечность» [Блок, 1999, т. 5, с. 48]. В книге Добычина – это еще и знак-предвестие приближающегося финала: до конца романа остается две главки...

Смерть Толстого и ее отражение на плоскости почтовой открытки – «ячейка» на пересечении нескольких мотивных линий романа.

Одна из них связана с фигурой великого писателя, его личностью, судьбой, учением и творчеством¹, а также с рядом явлений, прямо или косвенно связанных с зашифрованным этимолоном имени автора (Леонид – ‘подобный льву’): от Александры *Львовны* Лей² до застешки с «двумя *львиными* головами»³. Две открытки с портретными изображениями *Льва* Толстого (не называемого, впрочем, по имени) – это и два *Льва*, и две легко узнаваемые головы *Льва* <Толстого>, что предвосхищает появление *двух львиных голов* в почти точно соответствующем участке последней главы.

На уровне метаописания уход всемирно известного писателя из лоно семьи и из Ясной Поляны, его встреча с начальником станции Астапово Иваном Озолиным и скоропостижная смерть в определенном смысле синонимичны покупке безвестным героем пенсне, которая влечет за собой «прояснение оптики»⁴, и одновременно, – катастрофический обрыв повествования, насыщенный пушкинскими реминисценциями («...жалко, что Пушкин убит»): «Но Натали далеко была. Лето она в этом году проводила в Одессе» [Добычин, 1999, с. 184].

Тот факт, что открыток именно *две*, поддерживает мотив *парности*. Кроме того, вторая из них сама содержит *парный* образ, образ приятия и воссоединения, как бы преодолевающий одиночество фигуры уходящего писателя на первой картине.

Вторая из открыток, кроме того, парадоксально инвертирует отношения между Отцом и Сыном: облик Толстого – бородатого старца, стоящего на облаке – ассоциируется с образом Бога-Отца (как в известном богоборческом стихотворении Маяковского «Еще Петербург» 1914 года), однако писатель предстает в роли заблудшего сына Церкви, вернувшегося в лоно Христа. Отец и Сын в одном из

¹ См.: [Василькова, 2011].

² См.: [Белоусов, 2004].

³ См.: [Лоцилов, 2011].

⁴ «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13: 12).

семантических планов этого изображения как бы поменялись местами.

Патриархальность образа Толстого перекликается с мотивом *бороды*: в финале симметричной в общей композиции романа главы 3 о гостях как раз говорится: «Бородатые, как в “Священной истории”, они сели за карты. Отец между ними казался молоденьким» [Добычин, 1999, с. 116].

Открытки, как и игральные карты, относятся к сфере миниатюрных двухмерных изображений, «картинок»¹ – сфере, богато представленной в романе, от картинки с изображением ангела до присланной Горшковой открытки с зайчиком и облачками, вслед за беглым описанием которой в финале главы 6 снова упомянуты *гости* и их колючие *бороды*, а отец героя поет по-польски: «– Пан Христус з мартвэх вста» [Добычин, 1999, с. 123].

Вторая открытка поддерживает ряд изображений, мизансценическое действие которых разворачивается *на небесах*: уже упомянутая картинка с ангелом, «Сикстинская мадонна», икона Святой Троицы («Двое и птица»).

Если Добычин не только помнил открытки, но и знал имя художника, – можно предположить связь с *польской темой* в романе. В композиционном центре главы 32 впервые появляется полька с «небесной» фамилией – классная дама Эдёмска в пенсне с черной ленточкой (а на противоположном пассаже о Толстом композиционном полюсе, в начальных абзацах, наряду с Ершовым, упомянуты Чехов, и, косвенно, Достоевский и Руссо).

Самое существенное видится, однако, даже не в этих ассоциативных перекличках словесной и иконической, визуальной реальности, построенных с исключительной тонкостью и филигранно-скромной точностью – в романе, как в статистических таблицах.

Обе открытки носят аллегорические названия. Подписи на французском и на русском языках гласят: «En route vers l’Infini» / «На дороге в бесконечность» и «L’Excommuniè» / «Отлученный». Герой романа называет их «Толстой убегает из дома, с котомкой и палкой» и «Толстой прилетает на небо, а Христос обнимает его и целует».

¹ См.: [Дорофеева, 2011].

Г.С. Василькова отметила «бессмысленность столь пространных названий» и невольное уподобление «лубочным картинкам, рассчитанным на непритязательный, “простонародный”

вкус» [Василькова, 2011, с. 126-127]. Подробно и точно описан лишь наличный план изображений, при этом возможность их аллегорического прочтения «отсечена». В слове рассказчика воплощено не то, что значат, что *означают* открытки, а то, что на них видимо в непосредственной данности, подобно тому как евангельская грешница названа «интересной женщиной», Святая Троица – «Двое и птица», а «Мадонна Святого Сикста» вызывает в памяти «краснощекекенькую богородицу тюремной церкви». То, что хорошо видно даже близорукому (и еще не догадывающемуся о пороке своего зренья): рассматривая открытки, их подносят близко к лицу.

В противоположность номинативной тенденции, царящей в первых главах романа («Картинка оказалась – “ангел”»; «...он напоминал картинку “Ницше”»; «Ты читал книгу “Чехов”?»), заключенные в кавычки «названия» открыток тяготеют к тому, чтобы развернуться в две экфрастические микроновеллы, а их последовательность намекает на монтажный принцип организации сюжета («рассказ в картинках»).

Может быть, значима дата смерти Льва Толстого – 7 ноября 1910 года. Автор обладает избытком знания о дальнейшей судьбе изображаемого в романе мира, и читатель, точно помнящий дату, может увидеть и оценить горькую иронию истории: после революции и календарной реформы 1918 года день 7 ноября ассоциируется не со смертью великого писателя, бунтаря и учителя жизни, но с рождением советской государственности, с революцией. В одном из дальних ассоциативных планов присутствует и название ленинской статьи: «Лев Толстой как зеркало русской революции». В начальных абзацах глав 3 (о связях и перекличках которой с тридцать второй уже было сказано) и 7 появляются *зеркала*: «Завитая и необыкновенно причесанная, она прямо стояла у зеркала» [Добычин, 1999, с. 115]; «Золотой зеркальный шар блестел на столбике» [Добычин, 1999, с. 123].

На открытках не указано никаких дат. Видимо, они появились в России все же не в первые дни, а в первые месяцы или

даже годы после ухода писателя из Ясной Поляны и из земной жизни. По воле случая в распоряжении автора этих строк оказался экземпляр цветной открытки «En route vers l'Infini» (I. Lapina – Paris), отправленный, согласно почтовому штемпелю, из Санкт-Петербурга в Стокгольм 24 июля 1914 года. До тех пор, пока не удастся точно

установить время выпуска открыток, следует отнести его к промежутку между 1911 и 1914 годами.

О смерти писателя, прах которого был предан земле 9 ноября, герой романа, как и весь мир, узнал, видимо, в один из первых дней после трагических событий. Таким образом, в одной из последних глав – случайно или намеренно, как один из знаков приближающегося конца? – нарушается принцип правдоподобия реалий и дат, исключительно важный в художественном мире Добычина.

Как уже неоднократно отмечалось исследователями, Добычин, создавая впечатление полной достоверности, синтезирует *точное и неточное, реальное (подлинное) и возможное*.

Другие открытки, посвященные смерти Толстого, появились очень вскоре, и распространение их преследовала власть¹: «В ноябре 1910 года появилась открытка с портретом Толстого. На обороте была напечатана телеграмма, посланная студентами Петербургского университета в Ясную Поляну, в которой Толстой был назван великим борцом за правду и справедливость. Остерегаясь, что такая открытка вызовет среди молодежи “враждебное к правительству и протестующее настроение”, Петербургский комитет по делам печати наложил на нее арест» [Ковалев, Захаров, 1968, с.168].

Открытки на смерть Толстого, таким образом, действительно были, имели хождение уже в ноябре 1910 года, – но это были *другие* открытки. Вместе с тем, *были* и описанные-«озаглавленные» в романе открытки, они существовали, – но несколько позже, чем допускает правдоподобие исторического времени в книге Добычина². Введение их в ткань романа подчеркивает исключительную оперативность, с

¹ См.: Ковалев И.Ф. «Запрещенный» Толстой // Комсомольская правда. 1960. № 273 (10905), 19 нояб.

² См.: [Пера, 1995].

которой «низовая», массовая культура реагирует на события мирового, всемирно-исторического значения: «Утром <...> мы узнали, что умер Толстой», а уже вечером того же дня господин Сиу «пришел и принес две открытки». Профанирует событие и герой, который пробует использовать печальное известие как одну из «приманок» [Добычин, 1999, с. 178] для Ершова.

Отметим в заключение первой из заметок, что история отношений польского живописца Яна Стыки, переписывавшегося с Толстым по-французски и пославшего ему 16 апреля 1909 года

фотографию своей картины «Толстой за работой в саду, окруженный призраками тех бедствий, которые терзают его родину» («Толстой, пишущий “Не могу молчать”» [Л.Н. Толстой и художники, 1978, с. 170]), исключительно занимательна, но выходит, как нам кажется, за пределы, обозначенные связью с романом Добычина. Представление о ней можно составить, обратившись к опубликованным с переводом и комментариями письмам Л. Н. Толстого к Я. Стыке¹.

Об оценке Толстым живописи Стыки свидетельствуют опубликованные в 1920-е годы воспоминания художника И.К. Пархоменко (<1927?>), которые – если допустить специальный интерес Добычина к этому сюжету – могли быть ему известны:

Вечером же, когда мы все собрались в столовой, он вышел к нам с десятком писем и с каким-то свертком в руках.

– Получил письмо от художника Яна Стыки. Это известный художник? – обратился Лев Николаевич ко мне.

– Да. Это – польский. Он написал большую панораму «Голгофа», – ответил я.

– Пишет, что посылает мне снимок со своей картины, на которой изобразил и меня. А это вот самый снимок.

Мы осмотрели снимок, удививший нас прежде всего полнейшим отсутствием сходства между Львом Николаевичем и тем белоголовым стариком на картине, который должен был

¹ См.: Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Письма. Т. 79. Письма 1909 г. (январь-июнь). – М., 1955. – С. 184; Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Письма. Т. 80. Письма 1909 г. (июль-декабрь). – М., 1955. – С. 42-44.

изображать собою Толстого, а затем и намеренным своим сюжетом
[Цит. по: Л.Н. Толстой и художники, 1978, с. 232].

В интонационном рисунке фраз «Мы осмотрели снимок, удививший нас...» и «Да. Это – польский» читатель Добычина без труда услышит нечто «добычинское», но настаивать на том, что это не аберрация настроенного писателем восприятия, было бы рискованным.

II

Наконец, о «Пляске свах», упомянутой в рассказе «Конопатчикова» (1926):

– Благодарю, Марусенька, – учила Полушальчиха и, разводя руками, низко кланялась, как в «Ниве» на картинке «Пляска свах» [Добычин, 1999, с. 77].

Речь идет о картине Константина Федоровича Юона (1875 – 1958) «Пляска свах. Лигачево» (1912; холст, масло; 134 × 200; ныне хранится в частном собрании в Чехии).

Репродукция, разумеется, действительно, – «на самом деле», – была воспроизведена в журнале «Нива», с подписью: «К. Юон. Пляска свах (Свадебный обычай в Московской губ.) Выставка картин Союза Русских Художников 1913 г.»¹.

¹ См.: Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. – 1913. – № 44, 2 ноября. – С. 865.

Кажется, можно не оговаривать, что картина не только поясняет характер жестикуляции Полушальчихи, но и задает важный контекст для проникновения в эстетику добычинских рассказов, в разворачиваемые в них образы — человека, обряда, ландшафта и природы.

Сопроводительные тексты ко всем иллюстративным материалам выпуска («К рисункам») публиковались в «Ниве» тех лет без подписи, на одной из последних страниц журнала. Если

допустить, что Добычин держал в памяти не только визуальный образ картины, но и общий контекст журнала, уместно привести посвященный картине текст, в котором, наряду с похвалой художнику, задана тема деградации национальной культуры:

К. Юон в своей картине «Пляска свах» изображает свадебный обычай в Московской губернии. Нельзя не сознаться, что пляска эта производит довольно незстетическое впечатление, равно как и изображенные художником фигуры подмосковных крестьян, совершенно утративших свой национальный русский облик и похожих на каких-то лакеев и горничных. Изображенная художником сцена поражает своей жизненностью и оригинальностью, а зимний деревенский пейзаж служащий фоном для этой сцены, дает живое

настроение простора, света и зимнего бодрящего холодка [Нива, 1913, с. 880].

В печати 1930–1931 годов Добычина по крайней мере два раза сравнили с Заболоцким. Автору этих заметок, основная стезя которого в филологии связана с этим поэтом, трудно удержаться от параллели – типологической, а не генетической, разумеется.

Заболоцкий включил в стихотворение «Детство Лутони» (1931) текст народной игры «Захарка», почти без изменений позаимствованный в книге И.П. Сахарова – той самой, по которой поют свои песни русалки в стихотворении Велимира Хлебникова «Ночь в Галиции» (1913). Сахаров сопровождает фольклорный текст комментарием, в котором, как и в тексте из «Нивы», соединены почти идиотическое глубокомыслие, недоумение и скепсис:

*Захарка – игра детская, веселит детей и из ума
выживших старушек. Не имея ни одной самобытной идеи, она
зато и не выражает ни одной любопытной черты из семейной
жизни. Кажется, что она родилась в русских селениях, где
зимними вечерами хижины поселян освещаются горящими
лучинами. Может быть, предки имели свою цель, изобретая
эту игру, теперь нам непонятную. Оттого мы в ней теперь
видим какую-то безотчетливость, указывающую прямо на
детские шалости и на неосторожную беззаботность
дряхлающих людей* [Сахаров, 1841, с. 79].

Картина воспроизводилась и в ранние советские годы; так, миниатюрная репродукция «Пляски свах» сопровождала одну из первых публикаций Дира Туманного (Н.Н. Панова) – стихотворения «Красные лилии»¹. Знал ли об этом Добычин, мог ли иметь в виду, сравнивая Полушальчиху с юоновскими свахами? Предпочтем оставить этот вопрос без ответа.

¹ См.: Творчество: Иллюстрированный журнал литературы, искусства, науки и жизни. – 1919. – № 4–5, апрель–май. – С.1.

На одной из соседних с «Пляской свах» страниц журнала воспроизведена значительно более зловещая картина: репродукция исторического полотна А.М. Васнецова (1856 – 1933) «Константиноеленские ворота московского застенка на рубеже XVI и XVII веков» (1912) [Нива, 1913, с. 868]. Если допустить, что для Добычина мог быть значимым общий контекст журнала, можно предположить зашифрованное указание на параллель между Смутным временем, опричниной и «буднями чека». В других рассказах писателя встречаются краткие экфрастические описания шокирующих, травматических сцен («– “Страшный мальчик”, – озаглавил это происшествие отец» [Добычин, 1999, с. 114]: «Закат был красный, и антенны над домами напоминали “кóлья для насаживания черепов” из книжки с путешествиями» («Чай» [Добычин, 1999, с. 107]); «Музей сиял. Прелестные картины, красные от красных фонарей, висели возле входа. Умерла болгарка, лежа на снегу, и полк солдат усыновляет ее дочь. Горилла, раздвигая лозы, подбирается к купающейся деве: “Похищение женщины”» («Хиромантия» [Добычин, 1999, с. 90–91]). Невинные сцены включают указания на страшные события в историческом прошлом, в другом пространстве и времени: «Загремела самоварная труба. – Иди, зови к чаю. – всех коммунаров, – пели за сараями, – он сам привлекал / к жестокой, мучительной казни» («Савкина» [Добычин, 1999, с. 66–67]).

Рассказ «Конопатчикова» начинается так: «Бросая ласковые взгляды, инженер Адольф Адольфович читал доклад: “Ильич и специалисты”» [Добычин, 1999, с. 73]. По воле случая в период обдумывания этих заметок в поле зрения автора попал текст пересказа «Грозы» А.Н. Островского из статьи Д. И. Писарева «Мотивы русской драмы» (1864): «Кабаниха ворчит, Катерина от этого изнывает; Борис Григорьевич *бросает нежные взгляды*, Катерина влюбляется» (<курсив мой – И. Л.>) [Писарев, 2002, с. 362]. Сходство, почти

тождество конструкций налицо, но настаивать на зависимости «младшего» текста от «старшего» было бы рискованным. (Косвенным аргументом в пользу того, что «Конопатчикова» – через голову Писарева – связана с драмой Островского, может, впрочем, служить продуктивность суффикса *-иха* в рассказе; ср.: *Кабаниха* и *Полушальчиха*, *Катитанничиха*.)

Добычин не только дарит комментаторам своих сочинений радость открытия (в несомненных случаях), но и дает повод для продуктивной историко-литературной и теоретической рефлексии о границах поддающегося комментированию, о корректности и «релевантности» параллелей и интерпретаций; в каком-то смысле – о пределах познавательных возможностей человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусов, А.Ф. «Вскоре мы увиделись с Александрой Львовной...» / А.Ф. Белоусов // Добычинский сборник – 4. – Daugavpils, 2004. – С. 249-257.

Блок, А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917 – 1921) / А.А. Блок. – М.: Наука, 1999. – 568 с.

Добычин, Л.И. Полное собрание сочинений и писем / Сост., предисл., коммент. В.С. Бахтина / Л.И. Добычин. – СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. – 544 с.

Василькова, Г.С. Лев Толстой и Фридрих Ницше в «Городе Эн» Леонида Добычина / Г.С. Василькова // Добычинский сборник – 7. – Daugavpils, 2011. – С. 124-141.

Дорофеева, М. «Картинки» в романе Д. Добычина «Город Эн» / М. Дорофеева // Добычинский сборник – 7. – Daugavpils, 2011. – С. 63-83.

Ковалев, И.Ф., Захаров, С.В. Документальные материалы о Льве Толстом (Обзор материалов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СССР) / И.Ф. Ковалев, С.В. Захаров // Русская литература. – 1968. – № 1.

Л.Н. Толстой и художники: Л.Н. Толстой об искусстве. Письма, дневники. Воспоминания // Сост. и вступ. ст. И.А. Бродского. – М.: Искусство, 1978. – 373 с.

Лощилов, И.Е. Застежка Олехновича: предмет как «кафарзис» // Добычинский сборник – 7. – Daugavpils, 2011. – С. 95-118.

Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1913. № 44, 2 ноября.

Пера, П. Добычин: История и «Город Эн» / П. Пера // «Вторая проза»: русская проза 20-х – 30-х годов XX века. Labirinti 18. Collana

del Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche. – Trento, 1995. – С.71-76.

Писарев, Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т.5: Статьи 1863–1864 (январь–март). – М.: Наука, 2002. – 552 с.

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: [В 2 т.]. Т. 1: Кн. 1, 2, 3, 4 / 3-е изд. – СПб., 1841. С.79.

Творчество: Иллюстрированный журнал литературы, искусства, науки и жизни. – 1919. № 4–5, апрель–май.

А.Ф. Белоусов
Санкт-Петербург

ЧАСОВЕНКА В ПАМЯТЬ «УСЕКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ»

Обсуждается вопрос о цели строительства «часовенки» в романе Л. Добычина «Город Эн». Выбор делается в пользу объединения православного населения и отпора католицизму. Отмечается параллель между межконфессиональным конфликтом в романе и событиями в Польше ХУШ века, что свидетельствует о культурно-исторической многослойности «Города Эн».

Ключевые слова: часовня (часовенка), усекновение главы Иоанна Крестителя, поминовение православных воинов, межконфессиональный конфликт, историческая параллель.

A.F. Belousov
St. Petersburg

THE LITTLE CHAPEL IN MEMORY OF ST. JOHN THE BAPTIST' BEHEADING

The article discusses the motives underlying the erection of the little chapel by Widow A.L. Vagel in Leonid Dobychin's novel "The Town of N". It is posited that the idea behind this project is to unite the Russian Orthodox population of the township and confront Catholicism. The author

of the article points out the connection between the cross-confessional

del Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche. – Trento, 1995. – С.71-76.

Писарев, Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т.5: Статьи 1863–1864 (январь–март). – М.: Наука, 2002. – 552 с.

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: [В 2 т.]. Т. 1: Кн. 1, 2, 3, 4 / 3-е изд. – СПб., 1841. С.79.

Творчество: Иллюстрированный журнал литературы, искусства, науки и жизни. – 1919. № 4–5, апрель–май.

А.Ф. Белоусов
Санкт-Петербург

ЧАСОВЕНКА В ПАМЯТЬ «УСЕКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ»

Обсуждается вопрос о цели строительства «часовенки» в романе Л. Добычина «Город Эн». Выбор делается в пользу объединения православного населения и отпора католицизму. Отмечается параллель между межконфессиональным конфликтом в романе и событиями в Польше ХУШ века, что свидетельствует о культурно-исторической многослойности «Города Эн».

Ключевые слова: часовня (часовенка), усекновение главы Иоанна Крестителя, поминовение православных воинов, межконфессиональный конфликт, историческая параллель.

A.F. Belousov
St. Petersburg

THE LITTLE CHAPEL IN MEMORY OF ST. JOHN THE BAPTIST' BEHEADING

The article discusses the motives underlying the erection of the little chapel by Widow A.L. Vagel in Leonid Dobychin's novel "The Town of N". It is posited that the idea behind this project is to unite the Russian Orthodox population of the township and confront Catholicism. The author

of the article points out the connection between the cross-confessional

conflict in the novel and the historical events of the 18th century Poland. Discovering this new parallel helps us realize the historical and cultural complexity of the novel.

Keywords: chapel, St. John the Baptist's beheading, cross-confessional conflict, commemoration of Russian Orthodox warriors, historical parallel.

Акушерка Александра Львовна Лей – один из главных персонажей «Города Эн».

В начале романа Александра Львовна выступает как ближайшая подруга матери добычинского героя. Однако их дружба постепенно слабеет, потому что «маман» предпочитает общаться с более именитыми и значительными по своему положению женщинами. Отдаляется и сама Александра Львовна, которая после возвращения с Русско-японской войны выходит замуж за доктора Вагеля. Ее семейная жизнь длится недолго, но, тем не менее, брак для А.Л. Вагель оказался весьма удачным: по билету покойного мужа она выигрывает двести тысяч в новогоднем тираже государственного займа.

Александра Львовна переселяется в местечко «Свента-Гура». Ей нравился тамошний воздух, и она рассчитывает, что будет жить в приличном обществе. Говоря о «приличном обществе», Александра Львовна имеет в виду владельцев местечка. Однако аристократы не желают знаться с выскочкой: когда «А.Л. посетила “палац”», графиня даже «не согласилась к ней выйти» [Добычин, 2013, с. 158].

Обиженная А.Л. Вагель воспринимает случившееся как оскорбление и унижение всего православного народа. В ответ она «собирается основать в Святой-Гуре <...> православное братство и бороться с католиками» [Добычин, 2013, с. 158], которые являются владельцами местечка. Агитируя «свентогурских чиновников, пенсионеров и дачников, А.Л. кормила их и толковала про “объединение” и про “отпор”» [Добычин, 2013, с. 158].

Одновременно с этим Александра Львовна «строит при въезде в местечко часовенку в память “усекновения главы” Иоанна Крестителя [Добычин, 2013, с. 158].

«Когда это было готово, А.Л. показала нам это. Она посадила нас в автомобиль, и он живо доставил нас. Низенькая, эта

часовня украшена была золоченой “главой” в форме миски для супа. А.Л. научила нас, как рассматривать живопись через кулак. Мы увидели Ирода, перед которым, уперев в бока руки, плясала его толстощекая падчерица. Я подумал, что так, может быть, перед отчимом танцевала когда-то Софи. Голова Иоанна Крестителя лежала на скатерти среди булок и чашек, а тело валялось в углу. Его шея в разрезе была темно-красная с белянкой точкой в середине. Кровь была дугой» [Добычин, 2013, с. 158].

В связи с этой часовенкой встает вопрос, имеет ли ее строительство отношение к межконфессиональному конфликту в Святой-Гуре?

Ответ на него требует выхода за пределы романа.

Начнем с реальной основы «Города Эн».

Александра Львовна Лей имеет прототип. Её образ восходит к уездной акушерке Александре Петровне Хегстрём [Белоусов, 2004]. Однако ко времени, о котором идет речь в данном эпизоде романа, литературная биография героини совсем разошлась с реальной жизнью А.П. Воскресенской (урождённой Хегстрём) и носит уже целиком вымышленный характер. А.П. Воскресенская не переселялась в Креславку, которая в «Городе Эн» именуется «Святой-Гурой», и не строила там часовенку. Мы вообще не располагаем сведениями о существовании в Креславке часовенки в память об усекновении главы Иоанна Крестителя.

Другое дело – литературное творчество Добычина.

Обратимся к его раннему рассказу «Евдокия». В нем изображается некое «местечко», в котором без труда угадывается Креславка. Здесь многое предсказывает свято-гурские эпизоды «Города Эн». Однако главное для нас сейчас – это наличие в «Евдокии» той же часовенки. Вначале она упоминается при изображении места действия:

«Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней – расписная часовня» [Добычин, 2013, с. 336], а затем, уже ближе к концу рассказа дается более подробное ее описание:

«Каждый день она <главная героиня рассказа Катерина Александровна. – А.Б.> после обеда взбиралась на гору, поросшую

твёрдой травой с желтыми цветами, и бродила перед расписной часовней. Ирод закусывал с гостями... перерезанная шея святого Иоанна была внутри красная с белыми кружочками, как колбаса, нарисованная Цыперовичем над трактирной дверью» [Добычин, 2013, с. 346].

Отличия от «Города Эн» бросаются в глаза: в росписи часовни не отмечена «толстошекая падчерица» Ирода, и даже сама часовня располагается не при въезде в местечко, а на горе, позади него. Между тем гораздо важнее, что в рассказе отсутствует какая бы то ни было связь часовни с межконфессиональным конфликтом, который разворачивается по тому же сценарию и даже усугубляется «шкандалом» с доктором Рабе. Характерно, что часовенка не привлекает никакого внимания председателя городского братства святого Александра Невского, который приехал пожелать Катерине Александровне победы в борьбе с иезуитскими происками.

Это произойдет только после переработки рассказа для публикации в «Русском современнике», чем Добычин занимался осенью 1924 года¹:

Шли вдоль реки. Пахло клевером. – Часовня, – обрадовался Горохов, – Иоанн Креститель! Вот вам и название: братство святого Иоанна [Добычин, 2013, с. 425].

Однако Катерину Александровну это уже не интересует. Она лишь замечает: – Оттуда недурной вид [Добычин, 2013, с. 425], – мечтая по-прежнему о дружбе с графиней Анной.

Остальные персонажи рассказа озабочены совсем другой проблемой. Все ждут объявления войны.

В отличие от романа «Город Эн» действие рассказа «Евдокия», получившего после переработки название «Старухи в местечке», приурочено к кануну Первой мировой войны.

¹ См. статью В.Н. Сажина в настоящем сборнике.

Вместе с тем в рассказе есть эпизод, который отступает от фактической хронологии событий местной истории. Это – открытие памятника, построенного, как сказано в «Евдокии», «в воспоминание о посещении города великим князем» [Добычин, 2013, с. 348]. Описывается открытие реального памятника, состоявшееся 30 июля

1913 года¹. Военный парад, в котором были задействованы все полки размещавшейся с 1872 года в Двинске 25-й пехотной дивизии, воспринимается под знаком надвигающейся войны с ее многочисленными жертвами и катастрофическими последствиями.

Отметим, что судьба большинства участников этого парада была печальна. Войска 25-й пехотной дивизии не раз терпели поражения. Самым тяжелым из них стала «жуткая» или «кровавая драма», как называли современники неудачное наступление, предпринятое Западным фронтом в районе белорусского озера Нарочь в марте 1916 года. «Конечно, её <25-ю дивизию. – А.Б.> – вспоминал один из принимавших в нем участие, – вновь восстановили, но в рядах её почти не осталось никого из тех, кого так тепло и в то же время с грустью провожал Двинск в июльские дни 1914 года»².

Изображая открытие памятника, Добычин не только сдвинул его во времени, но и умолчал о том, что памятник должен был напомнить о посещении города императором Николаем II, которого сопровождал великий князь Михаил Александрович³. Его установили на месте лагерного сбора, где 29 октября 1904 года Николай II

¹ Ср.: Открытие памятника, сооруженного на месте пребывания Государя Императора в 1904 г. // Двинский листок. 1913. 1 августа, №174. С.2-3.

² С<авков>ь Н. В потоках крови. Памяти 25-й пехотной дивизии. (Из воспоминаний участника боев // Двинский голос. 1926. 22 марг., №23 (57). С.2-3. О наступлении, предпринятом в районе озера Нарочь в марте 1916 года, см.: Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938.

³ Великий князь Михаил Александрович (1878 – 1918, расстрелян) – младший брат императора Николая II, в пользу которого тот 2 (15) марта 1917 года отрёкся от престола.

произвел смотр войскам Двинского гарнизона и благословил их в поход на Дальний Восток¹.

Важно не столько само присутствие царя, сколько причина его приезда в Двинск. Выявляется тема Русско-японской войны 1904-1905 годов, к которой Добычин вернется в «Городе Эн». Отправившиеся на Дальний Восток войска участвовали в самой кровопролитной битве этой войны – в боях под Мукденом, которые привели к многочисленным жертвам среди солдат и офицеров 25-й пехотной дивизии.

Внимание к потерям, которые нёс Двинский гарнизон в войнах начала XX века объясняется тем, что ко дню Усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, которое отмечается 29 августа (по старому стилю), русская православная церковь приурочивает поминовение воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных». Поминовение было установлено указом императрицы Екатерины II от 17 августа 1769 года.

Если учесть, что в рассказе часовенка упоминается ещё до того, как разгорается межконфессиональный конфликт, то есть все основания полагать, что ее появление связано с поминовением воинов, служивших здесь, о чем свидетельствует памятник на местном кладбище «с портретом старичка в медалях и эполетах» [Добычин, 2013, с. 337]. Это не противоречит и реалиям Креславки, где в конце XIX – начале XX века квартировали различные воинские части.

В то же время для поминовения воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных», вовсе не обязательно было строить часовню по месту их службы. Исходя из этого, можно предположить, что и «часовенка» в «Городе Эн» посвящена памяти доктора Вагеля и других жертв Русско-японской войны.

Однако есть у этой часовенки особенности, которые противоречат нашему предположению.

Во-первых, она изначально была задействована в межконфессиональном конфликте. Дело в том, что в отличие от раннего рассказа Добычина она не возвышается над местечком, а построена при въезде в него. Ее расположение обычно для русской

¹ См.: Пребывание Государя Императора в Двинске // Двинский листок. 1904. 3 ноябр., №472. С.1-2.

деревни, но не для местечка западной российской губернии, принадлежавшего польским магнатам. Освятив часовню, строитель освящал и само место, бросая тем самым вызов его владельцам.

Во-вторых, появление на фреске перед Иродом его пляшущей «толстошекой падчерицы», по требованию которой был обезглавлен Иоанн Креститель, напоминает о существенной разнице между пострадавшим за истину Иоанном Крестителем и воинами, «живот свой за веру и отечество» положившими.

Мы полагаем, что строительство «часовенки» в «Городе Эн», скорее всего, связано с межконфессиональным конфликтом в Свентой-Гуре.

Этот вывод поддерживается и параллелью между борьбой А.Л. Вагель с католиками и событиями XVIII века. Она возникает в связи с присутствием среди гостей, с которыми А.Л. толкует «про

“объединение” и про “отпор”» [Добычин, 2013, с. 159], почтмейстера Репнина. Александр Данилович Репнин (1859 или 1861 – ?), действительно, с 1904 по 1911 год заведовал Двинским городским почтовым отделением, располагавшимся неподалеку от дома, где жили Добычины, и явно был им хорошо знаком. Однако он едва ли бывал в Креславке. Добычину просто понадобилась его фамилия, которую носил и известный деятель Екатерининской эпохи, князь Николай Васильевич Репнин (1734 – 1801), с 1763 по 1769 год бывший послом в Польше, где он энергично отстаивал русские интересы и добился равноправия православных с католиками. Герой Добычина ведет себя, как его однофамилец: « – Гимн, – крикнул почтмейстер Репнин» [Добычин, 2013, с. 159].

Отсылки к литературе, которыми столь богат «Город Эн», далеко не исчерпывают всех его связей с культурой прошлого. Как мы стремились показать, есть основания присмотреться и к историческим параллелям романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусов, А.Ф. «Вскоре мы увиделись и с Александрю Львовной...» / А.Ф. Белоусов // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2004. – С. 249-257.

Добычин, Л.И. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е, испр., доп. / Л.И. Добычин. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журн. «Звезда», 2013. – 540 с.

ПОЭТИКА

М.В. Строганов¹

Тверской государственный университет

НЕВСТРЕЧИ С ЛИЗ: ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ МАССОВОГО ЧЕЛОВЕКА В РАССКАЗАХ ДОБЫЧИНА

Рассказы, предшествующие «Городу Эн», проанализированы как целое с точки зрения отсутствия в них события, которое в классической прозе является главным предметом изображения. В сборнике «Встречи с Лиз» изображается событие несобытия; в сборнике «Портрет» мы видим предсобытие или псевдособытие. Всё, что происходит с героем, он сам именует событием, хорошо понимая отсутствие истинного события в своей жизни и тоскуя по нему. Компенсируют отсутствие в жизни события кинематограф и купание. Время несобытия и жажды события является для героев периодом слепоты; вспышка события становится прозрением героя.

Ключевые слова: сюжет, событие, рекреационное время как замена события.

M.V. STROGANOV
Tver State University

NEVER MEETING LIZ: ON PORTRAYING A MAN FROM THE MASSES IN DOBYCHIN'S SHORT STORIES

Short stories prior to "The City of N" are analyzed as a whole with the main focus on the absence of the event which had been the main object

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета, заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва)

of representation in the classical fiction. The “Encounters with Liz” collection represents the ‘event’ of ‘non-eventfulness’ while in the

“Portrait” collection we come across either the ‘before-event’ or the ‘pseudo-event’. Everything happening to the protagonist he identifies as the event, well aware of the lack of any eventfulness in his own life and yearning about this fact. Movies and swimming make up for the absence of real events in life. The time of non-eventfulness when the characters yearn for the event appears to be the period of blindness for them, and it is the flash of the event that heals their eyesight of the main character.

Keywords: plot, event, recreation as substitute to ‘the event’.

Тема настоящей статьи не вполне нова в том смысле, что некоторые исследователи уже предпринимали попытки интерпретировать рассказы Добычина в близких нам категориях. Г.В. Петрова справедливо увидела за «встречами с Лиз» не встречи героев [Петрова, 2001]. А.Н. Неминуший по поводу рассказа «Лекпом» говорил о «несостоявшемся событии» [Неминуший, 1991, с. 50]. Позднее этот же автор назвал некоторых героев Добычина «обреченными на неудачу» [Неминуший, 2004, с. 154]. Нечто близкое описывал и Б. Рохлин [Рохлин, 2008]. Но каждый из авторов не ставил эту проблему как сущностную для творчества Добычина. Г.В. Петрова перевела разговор на принципы построения сюжета у Добычина, ослабив тем самым потенциал этой темы. А.Н. Неминуший сузил проблему, возведя этот принцип повествования к традиции Чехова, что, возможно, и справедливо¹, но дело не в литературной традиции как таковой. Кроме того, каждый из авторов рассматривает только один рассказ Добычина, в то время как подобным образом построена вся его проза. Позицию же Б. Рохлина, изложенную в жанре эссе, трудно верифицировать в научных категориях.

Учтя опыт своих коллег, я намерен перевести разговор в иное русло. В течение уже более четверти века большой коллектив ученых систематически занимается изучением творчества Добычина. Но до сих пор в трактовке его основных интенций преобладают интеллектуальные и политические: либо критика советской жизни, либо скепсис по отношению к досоветской жизни, и в обоих случаях –

¹ См.: [Сухих, 2004].

критика провинциальности и обывательщины (мещанства). Мы переносим интеллектуальные запросы самого Добычина на его персонажей и ищем у него интеллектуального героя. Это ошибка. Герои Добычина обретаются вне интеллектуальной жизни: и «старые», и «новые», они в равной степени не утруждены духовными поисками.

Даже герой, который стремится к литературному труду, не строит свою жизнь на поиске смысла жизни. По причине отсутствия интеллектуальной жизни героев Добычина можно было бы назвать мещанами, а из него самого сделать второго Зоценко. Но это было бы еще большей ошибкой.

В свое время я уже пытался описать человека Добычина как неинтеллектуального героя, как носителя массового сознания [Строганов, 2007, Строганов, 2008], но это была только половина правды. Вторую же половину правды я начал понимать (как мне кажется) только теперь, и состоит она в следующем. Носитель массового сознания, живущий в мире штампов и слоганов эпохи, человек Добычина отчетливо ощущает несостоятельность своей жизни и страдает и мучается от этого ощущения. Но он переживает свою несостоятельность иначе, чем привычные для нас интеллектуальные герои, и поэтому мы не замечаем этих переживаний. Однако это беда не человека Добычина, это беда тех людей, которые столь старательно исследуют его творчество. Сам герой может быть и не носителем интеллектуального сознания, но его жизненные проблемы могут продуцировать у читателя прозы Добычина большие интеллектуальные запросы.

В настоящей статье я хочу описать это переживание героем Добычина несостоятельности своей жизни и показать, с помощью каких приемов Добычин передает это ощущение. Я очень хорошо понимаю возможность невозможности (очередной неудачи) такого осмысления и прошу посмотреть на предложенное описание именно как на опыт, а не как на окончательное решение. Ставя такой опыт, я исхожу из презумпции (на этот раз вполне сознательной), что рассказы Добычина представляют собой некоторое единое целое. В принципе, исследователи (и автор данной статьи) так и решают этот вопрос, но делают это не вполне сознательно. Сейчас же я предлагаю отразить это явление.

Как известно, Добычин издал при жизни два сборника рассказов: «Встречи с Лиз» (1927) и «Портрет» (1931). В 1923–1924 гг. он составил сборник «Вечера и старухи», в котором только искал свою основную тему, почему рассказы из этого сборника он либо существенно переделывал для позднейших публикаций, либо использовал как материал для позднейших произведений. После «Портрета» Добычин подготовил к печати сборник «Матерьял» (1933). Но в этот сборник вошли только два новых рассказа, и к тому же он

остался в рукописи. При этом каждый последующий сборник: «Встречи с Лиз», «Портрет» и «Матерьял» – не был новым по материалу: он вбирал в себя рассказы предыдущего и только варьировал композицию их. Во многом Добычин делал это по причинам сугубо техническим и коммерческим: рассказы были очень маленькие по объему и не могли составить книгу привычной величины. Но такая недифференцированная подача рассказов позволяет говорить, что принципиально творчество Добычина не эволюционировало и что всё время (вплоть до «Города Эн») он писал об одном и том же. – О чем?

Попробуем ответить на этот вопрос, систематически описывая рассказ за рассказом.

1

Наш анализ следует начать с рассказа «Встречи с Лиз», который дал название и первому сборнику Добычина. Какие же встречи были у героя рассказа с Лиз? – Оказывается, никаких. Кукин, герой этого рассказа, не вполне отдавая себе в этом отчет, прельщен Лиз Курицыной, женщиной совершенно иного социального круга, так что о знакомстве и общении между ними не может быть и речи. Лиз идет в баню, и он следует за ней издали. Лиз сидит дома, подцепив в бане кожную инфекцию, и он нарезает круги вокруг дома. Лиз идет в колонне первомайской демонстрации, и он уже не видит никого другого.

«Лиз, лиловая, с лиловым зонтиком, с желтой лентой в выкрашенных перекисью водорода волосах, смотрела», как «штрафные, ползая на корточках, выводили мелкими кирпичиками по насыпанной вдоль батальона песочной полоске: „Пролетарии всех

стран, соединяйтесь!“». А «Кукин остановился и обдергивал рубашку» [Добычин, 2013, с. 57].

Ясно, что он загляделся на нее, хотя прямо это не сказано. Проводив Лиз до бани, Кукин

«шел обратно через сад, луна была высоко, и под перепутанными ветвями яблонь лежали на снегу тоненькие тени.

– Через три месяца здесь будет бело от осыпавшихся лепестков, – подумал Кукин, и ему представились захватывающие сцены между ним и Лиз, расположившимися на белых лепестках» [Добычин, 2013, с. 54].

Но мечтам этим не дано сбыться, событие не состоится. Лиз тонет в реке во время купания по причине своей любви повернуться перед мужчинами, и это освобождает героя: наконец-то он сможет ответить на знаки внимания, которые проявляет его начальница, и получить продвижение по службе. Итак, встреч с Лиз, обещанных в заглавии рассказа, не было, не было события, которого так жаждал герой.

В рассказе «Козлова» заглавная героиня вспоминает встречи с мосье Пуэнкарэ, который уехал из советской России на родину. Он обещал писать:

«„Кого же и назвать Сивиллой нашего времени, если не мадам де-Тэб“, – напишет он, когда можно будет ждать чего-нибудь такого...» [Добычин, 2013, с. 49].

Но время идет, а он всё не пишет. Событие не происходит, и подсознание Козловой компенсирует эту недостачу:

«Под утро около кровати кто-то кашлянул. Козлова повернулась и увидела святого Кукину – в синей епитрахили, как на иконе. Он подал ей хартию, и она прочла, что там было написано:

„Кого же и назвать Сивиллой нашего времени, если не мадам де-Тэб“» [Добычин, 2013, с. 50].

Ни мосье Пуэнкарэ не напишет, ни прошлое не вернется: события не будет. То же самое происходит и с другой героиней рассказа. Приятельница Козловой «круглощекая Суслова» сообщает свои воспоминания:

«В Петербурге я кого-то видела <...> Не знаю, может быть – саму императрицу: иду мимо дворца, вдруг подъезжает карета, выскакивает дама и – порх в подъезд» [Добычин, 2013, с. 50].

Совершенно ерундовский случай, но на фоне полного отсутствия событий ему приписывается статус события: нечаянная встреча значительного лица.

Заглавная героиня рассказа «Савкина» матримониально озабочена. Она находится в тоске по спутнику жизни и старательно отмечает (не вполне осознанно) маскулинные черты во всех знакомых мужчинах. Она посещает кино:

«На живописных берегах толпились виллы. Пароходы встретились: мисс Май и клобмэн Байбл стояли на палубах... И вот, мисс Май всё опротивело. Ее не радовали выгодные предложения. Жизнь ее не веселила. По временам она откидывала голову и протягивала руки к пароходу, проплывавшему в ее мечтах. Вдруг из

автомобиля выскочил Байбл – в охотничьем костюме и тирольской шляпе.

Савкина была взволнованна. Ей будто показали ее судьбу...» [Добычин, 2013, с. 63].

Да, ей показали, что подобные события в принципе возможны в жизни. Но не в ее: в ее жизни клобмэн Байбл из автомобиля не выскочит.

Мать ее встречает гостей:

«Съешьте плюшечку, – усердствовала мать, – американская мука – вообразите, что вы – в Америке!» [Добычин, 2013, с. 64].

И героям приходится вообразить, потому что сама Америки как событие им абсолютно недоступна.

В рассказе «Лидия» два «события». Первое: коза Лидия раньше называлась Жоржиком, но хозяйка переименовала ее, так как Жоржик – это «не женское имя» [Добычин, 2013, с. 61]. Второе: при купании «утонул солдат» [Добычин, 2013, с. 59], и место, где он утонул, стало называться «к утопленнику»: туда ходят на купание, на пикники. Так ложное событие замещает собой отсутствующее истинное событие жизни. По дороге «к утопленнику» герои

«остановились у кинематографа: были вывешены деникинские зверства. Из земли торчали головы закопанных. К дереву привязывали девицу...» [Добычин, 2013, с. 60].

За неимением событий в собственной жизни приходится довольствоваться событиями документального кино.

Рассказ «Дориан Грей» в сборнике «Встречи с Лиз» назывался по имени главной героини «Сорокина». Героиня, перезревающая девушка из «старой» семьи, безответно влюблена в некоего Ваню, очевидно, из «новых». Вот Сорокина с приятельницей видит его выходящим из погребка с другими конторщиками:

«Светился погребок. Пошатываясь, вылезли конторщики:

– Ваня, не падай...

– Кто это?

– Не знаю. Вылитая копия Дориана Грея — как вы полагаете?

Ваня. Плескались в вставленных в вертушку бутылках кагор и мадера, освещенные лампочками.

Ваня» [Добычин, 2013, с. 57].

На назначенное свидание Ваня не пришел. Сорокина нашла, где он, и «ждала в потемках за скамейками». Дальнейшие отношения героев описываются в сослагательном наклонении:

«Если бы она его остановила:

– Ваня, –

может быть, всё объяснилось бы: он перепутал, думал, что не в пять, а в шесть.

– Не забираться же с пяти, раз – в шесть.

Она взяла бы его за руку, и он ее повел бы:

– Мы поедem в лодке. У меня есть лодка „Сун-Ят-Сен“» [Добычин, 2013, с. 78].

Но она его не остановит, «всё» не объяснится, она не возьмет его за руку, он не поведет ее, они не поедут в лодке. События не будет. Сорокина, приятельница которой сравнила Ваню с Дорианом Греем, взяла в библиотеке книгу с таким названием и села ее читать:

«„Дориан, Дориан“, – там и сям было напечатано в книге:

– „Дориан, Дориан“» [Добычин, 2013, с. 79].

Но Ваня – это, конечно, не Дориан Грей. Как и в рассказе «Савкина», символом не совершающегося события становится Америка:

«По улице Вождей слонялись кавалеры в наглаженных штанах и девицы в кожаных шляпах.

– *В Америке рекламы пищутся на облаках... – Мечтали*» [Добычин, 2013, с. 79].

В рассказе «Сиделка» герою Мухину нравится сиделка, он хочет познакомиться с ней, но обстоятельства всё время мешают ему. В последней фразе рассказа Мухин сообщает приятелю:

«Я чуть не познакомился с сиделкой».

Вместо события – несобытие. Точно так же Кукин «чуть было не познакомился» с Лиз Курицыной. Но в отличие от Кукина, Мухин умеет отразить это событие несобытия, но объясняет он это явление несовпадением интересов:

«...кому я нравлюсь, мне не нравятся. А чего хотел бы, того нет».

Однако несовпадение интересов не может объяснить, почему событие несобытие довлеет всем героям. Эту жестокую тоску по событию прекрасно передает следующее описание состояния Кукина:

«Захотелось небывалого – куда-нибудь уехать, быть кинематографическим актером или летчиком».

На этом фоне становится понятно, что кинематограф, который упоминается почти во всех рассказах, воплощает собой тоску по отсутствующему событию:

«Потолкались у кинематографа: граф разговаривает с дамой. Поспешили взять билет...» [Добычин, 2013, с. 81].

О роли кинематографических приемов в рассказах Добычина вполне убедительно писал в свое время Ф.П. Федоров [Федоров, 1994]^v, но темы кинематографа в рассказах Добычина он не касался.

За отсутствием настоящего события любое происшествие расценивается как Событие. Когда герой рассказа «Матрос» (в первом сборнике он назывался «Лешка») «умильно попросился» прокатить его на бочке с водой «и водовоз позволил ему сесть на бочку», мир приобретает не свойственные ему черты:

«Завидовали бабы, несшие на коромыслах связки глиняных горшков с топленным молоком, кондукторша в очках, которая гнала корову и замахивалась на нее веревкой, и четыре жулика, сидевшие под горкой и разбиравшие мешок с бельем» [Добычин, 2013, с. 85].

Было бы глупо рассматривать эту точку зрения маленького мальчика, предоставленного самому себе всё время, пока мать его на работе, как следствие отсутствия духовных запросов, как мещанство.

Но если Лешка не мещанин, то, значит, и «круглощекая Сулова», которая в рассказе «Козлова» вспоминает о встрече с императрицей, тоже не мещанка.

Потом в жизни Лешки происходит еще одно Событие:

«Вдруг загремела музыка. Все бросились.

Блестели наконечники знамен. Трещали барабаны.

Пионеры в галстуках маршировали в лес. Телега с квасом громыхла сзади.

Вслед! с мальчишками, с собачонками, размахивая руками, приплясывая, прыскающая:

– В лес!» [Добычин, 2013, с. 85].

Но в этот самый момент это событие меркнет перед величественным явлением нового и, судя по второму названию рассказа, главного События:

«Вдоль палисадников, вертя мочалкой, шел матрос. Его голубой воротник развевался, за затылком порхали две узкие ленточки.

Матрос! Стихала, удаляясь, музыка, и оседала пыль. У Лешки колотилось сердце. Он бежал на речку – за матросом.

Матрос! Со всех сторон сбежались. Плававшие вылезли. Валявшиеся на песке – вскочили.

Матрос!

Коричневый, как глиняный горшок, он прыгнул, вынырнул и поплыл. На его руке был синий якорь, мускулы вздувались – как крученный ситный у Силебиной на полке.

– Это я его привел, – хвалился Лешка» [Добычин, 2013, с. 86].

Добычин выстраивает стройную градацию трех псевдособытий, причем каждое из последующих значительнее предыдущих, что отчетливо передает интонация их описаний.

В конце рассказа описывается бесплатный сеанс кинематографа. Это именно событие для всех людей, которые живут в том городке (поселке), поэтому на «бесплатное» рванулись все. Но Лешка не попадает на него:

«Мать потерялась. Маленьких в кинематограф не пускали. Лешка заревел» [Добычин, 2013, с. 87].

И только когда он увидел, что матрос тоже «не был на бесплатном» («миленький», – подумал про себя Лешка), он смог несколько успокоиться. Такой тоски по событию нет ни в одном другом рассказе Добычина. И эта тоска по событию становится главным событием его рассказов.

В рассказе «Конопатчикова» тоска по событию приводит к тому, что Событием жизни очень многих людей становится смерть и поминки Капитанникова, хотя этот человек не вызывал у них при жизни никаких эмоций. В этом рассказе один из героев Вдовкин, только что посетивший вдову покойного, чтобы выразить ей свое сочувствие, цитирует первую строчку из популярного с 1910-х гг. романа Л.Д. Малашкина (?):

*Так жизнь молодая проходит бесследно.
А там, там и близко конец!
И всё, как посмотришь, так пусто, так бледно,
Знать, смерть мне лавровый венец*
[Малашкин, 1971, с. 9-13].

Разумеется, Вдовкин цитирует романс как расхожий текст массовой культуры, и поэтому для него акцент находится на последней строке. Но для самого Добычина этот текст вписывается в парадигму жажды событий, и поэтому он приводит только первую строку первой строфы: жизни проходит бесследно, бессобытийно, жизнь – проходит.

Кинематографа в рассказе нет. Но Конопатчикова вместе с Вдовкиным и Березынькиной посещают вечер (концерт и танцы) в народном театре на «стружечном <заводе>».

«„Жизнь без труда“, – было написано над сценой в театре стружечного, – „воровство, а без искусства – варварство“. Оркестр играл кадрили».

Последнее предложение о кадрили в исполнении оркестра звучит как оценка приведенных ранее лозунгов. Следующий абзац усиливает эту оценку:

«Рвал, рвякая, железные цепи и становился в античные позы чемпион Швеции Жан Орлеан. Скакали и плясали мадмазели Тамара,

Клеопатра, Руфина и Клара и, тряся юбочками, вскрикивали под балалайки:

*чтоб на службу
поступить,
так в союзе
надо быть»* [Добычин, 2013, с. 73].

Вот тебе и искусство: лже-силач Жан Орлеан (и Жан Орлеан он тоже лже-, и цепи рвет лже-, и даже рывкает лже-) и «мадмазели Тамара, Клеопатра, Руфина и Клара», которые наивно простодушно высказывают жестокое требование советской эпохи: поступить на службу могли только члены профессиональных союзов, но без стажа работы стать членом профсоюза человек не мог, поэтому многие люди из «старых» оказывались за бортом жизни. И когда Конопатчикова со спутниками уходила из стружечного, участники вечера (люди искусства)

*«за черными на светлом фоне розами и фикусами
отплясывали вальс, припрыгивая и кружась»* [Добычин, 2013, с. 73].

Особенно тяжело переживает отсутствие события писатель, который всегда должен описывать события. Заглавный герой рассказа «Ерыгин» удачно сложил первый рассказ и теперь напряженно ищет событие для нового. Он прикидывает все наблюдаемые им ситуации в качестве возможных событий для рассказа, но ни одна из них не устраивает его.

*«Ерыгин измучился: ничего из жизни Красной Армии или
ответственных работников не приходило в голову.*

*Шагает рота, красная, с узелками и
вениками, хочет квасу...*

*Расскандалился безработный, лезет к товарищу Генералову.
А у него на кушетке Фаня Яковлевна с Красной Пресней
<жена и дочь> – принесли котлету. – Товарищ, прошу
оставить этот кабинет!..»* [Добычин, 2013, с. 68-69].

Именно так строятся рассказы Добычина. Но Ерыгина это не устраивает: он прекрасно понимает несоответствие данных сюжетов веянию времени. Но в его голове

«постороннее, чего не нужно, вертелось:

Мадмазель Вуни, еще молоденькая, слабеньким голоском диктует: – „Немцы – звери“. – На столе клеенка „Трехсотлетие“: толстенькие императорши, в медалях, с голыми плечами и с улыбками... – До свиданья. – Бродит лошадь. Бородатые солдаты молча плетутся на войну. У дороги стоит барыня – сует солдатам мармелад. Последние три штучки отдает Ерыгину...» [Добычин, 2013, с. 69].

Это не про Красную Армию и не про ответственных работников, но об этом Ерыгин, как и Добычин, мог бы написать.

Но вот, кажется, он находит возможное событие:

«У крыльца Любовь Ивановны соскочил верховой. Кинулись к окнам. Она, сияющая, выбежала. Лошадь привязывали к палисаднику. Ерыгин приятно задумался. Вспомнил строку из баллады.

Но если это и событие, то не из этой жизни.

«Кинематограф, – посмеялась мать и засучила рукава – мыть тарелки» [Добычин, 2013, с. 68].

В этой жизни ничего подобного и вообще ничего не случается. Любое происшествие принадлежит только той: американской, кинематографической – жизни. И вот из этого «кинематографического» происшествия Ерыгин и сочиняет сюжет нового рассказа:

«Интеллигентка Гадова играет на рояле. Товарищ Ленинградов, ответственный работник, влюбляется. Ездит к Гадовой на вороном коне, слушает трели и пьет чай. Зовет ее в РКП (б), она – ни да, ни нет. В чем дело? Вот Гадова выходит кормить кур. Товарищ Ленинградов заглядывает в ящики и открывает заговор. Мужественно преодолевает он свою любовь. Губернская курортная комиссия посылает его в Крым. Суд приговаривает заговорщиков к высшей мере

наказания и ходатайствует о ее замене строгой изоляцией:

Советская власть не мстит» [Добычин, 2013, с. 70].

Для самого Добычина это не сюжет, это откровенная конъюнктура. Но Ерыгин не Добычин, и это для него прекрасный сюжет.

В сборнике «Портрет» часть новых рассказов повторяет трагедию несобытия из сборника «Встречи с Лиз», хотя делается это несколько иначе, чем ранее. Почти все рассказы стали меньше по величине, они уже не делятся на главки, и почти все они рассказывают о матримониальных планах героев.

В рассказе «Лекпом» фельдшер (помощник лекаря) приезжает из города к больной, и пока та спит, он беседует с дочерью больной, телеграфисткой:

«Пили чай и тихонько говорили про город.

– Интересная жизнь, – восхищался лекпом, – Мери Пикфорд играет прекрасно. <...>

Перешли на диван и сидели в тени. Печка грела. Самовар умолкал и опять начинал пищать.

– Женни Юго брюнетка, – заливался лекпом и сам же заслушивался. – Она – ваш портрет» [Добычин, 2013, с. 82].

Вскоре больная мать проснулась, и – ничего не произошло.

В рассказе «Хиромантия», перед тем как навестить накануне Рождества нравящуюся ему девушку, герой посещает парикмахерскую. Он собирается познакомить девушку с ее судьбой по книге о хиромантии. Но девушки не оказалось дома: она ушла в музей. Герой направился за ней:

«Музей сиял. Прелестные картины, красные от красных фонарей, висели возле входа. Умерла болгарка, лежа на снегу, и полк солдат усыновляет ее дочь. Горилла, раздвигая лозы, подбирается к купающейся деве: „Похищение женичины“. Петров шагнул за занавеску и протер очки. – Билет, – потребовал он, посучил усы и тронул бороду и хиромантию, выглядывавшую из кармана» [Добычин, 2013, с. 89].

Рассказ на этом заканчивается: событие встречи в рассказе не произошло.

В рассказе «Пожалуйста» у Селезневой, которая живет очень бедно, умирает коза, кормилица. К Селезневой же сватается вдовец

«в котиковой шапке и в коричневом пальто с барашковым воротником» [Добычин, 2013, с. 90].

Но «гость не нравился ей», а песня, которую он пел «ей казалась глупой»¹. Когда коза, несмотря на всю заботу о ней, умерла, а на следующий день гость пришел вновь и сделал недвусмысленное предложение, Селезнева сказала: «Пожалуйста» [Добычин, 2013, с. 91]. Мы опять накануне матримониального события, причем не желаемого, а вынужденного.

Так же накануне события мы застаем героев и в рассказе «Отец»: герой рассказа, отец двух маленьких мальчиков, посещает могилу жены перед тем, как сделать предложение Любови Ивановне. И сам отец, и его сыновья накануне события, хотя мальчики этого не знают. Для детей и купание, и одинокое (без отца) пребывание около церкви на кладбище – всё событие.

В рассказе «Сад» несколько микросюжетов: начался и закончился «окружной съезд союза медсантруд»; похоронили уборщицу Таисию; в газете напечатаны стихи поэтессы Липец, и она ходит по саду и читает их; «Чернякову ждали неприятности. Ей объявили, что ее уволят, если она будет принимать гостей» [Добычин, 2013, с. 92]. Каждый из этих актов является событием только для определенной категории людей, но ни один из них не связывает всех героев рассказа в единое целое, не является для них общим событием. Только китаец садовник Чау-Динши общается и с участниками съезда, и специально приглашен на похороны, именно у него в саду поэтесса Липец читает свои стихи, и именно он, закрыв сад, отправляется с Черняковой к плотовщикам в конце рассказа.

То же самое мы видим и в рассказе «Чай»: у каждого из героев есть свой сюжет: отношения «красноармейца Миши от содружественной части» и «Коли-пионера»; отношения «кухарки Дарьюшки» и детей; история «мамы Гаврика». Но объединены все эти микросюжеты несколько иначе. В начале рассказа говорится, что заведующая детским садом на торжественном акте

«поглядывает кверху, как колоратурное сопрано, исполняющее номер после кинодрамы» [Добычин, 2013, с. 105].

¹ Заметим, кстати, что песни такой нам разыскать не удалось, но известно стихотворение с такими строками: «Первомайский гимн» В.Т. Кириллова, 1918.

А в конце рассказа по поводу торговли водой через автоматы «докторша заволновалась на скамье. – В Америке, – засуетилась она, – всюду автоматы: опускаете монету, и выскакивает шоколад. – Скажите, – отвечали ей.

Никто не расходился. Все хотели переждать друг друга. Докторша тянула канитель, рассказывая об Америке. Там, говоря по телефону, можно видеть собеседника. Там тротуары двигаются, там ступени лестниц поднимаются с идущими по ним. Она рассказывала и рассказывала, под гармонику и топот, и не знала, как ей замолчать, хотя и чувствовала, что никто не верит ей» [Добычин, 2013, с. 106].

Вот они и соединились: смертельная тоска по событию и неверие в то, что это событие доступно «нашей» жизни.

Иначе выглядит ситуация в рассказе «Матерьял». Героиня этого рассказа библиотечарша Годулевич, в отличие от других героев Добычина, относится к кинематографу избирательно:

«В выходные дни она ходила на картину, если была драма. Когда шла комедия, она сидела во дворе на лёдке. Она читала...» [Добычин, 2013, с. 103].

Поначалу кажется, что героиня выделена своей интеллигентской работой и интеллектуальным началом. Но на самом деле она отличается тем, что готовится совершить событие. К ее соседу инженеру Сидорову приходили гости: инженер Смирнов из коммунального отдела и старушка Паскудняк из цезрка. Однажды Смирнов спел «вполголоса» куплеты «Ленин любит деток», а Годулевич нечаянно услышала это. Узнав, что в коммунальном отделе будет «чистка», Годулевич «решила выступить там с матерьялом о Смирнове»:

«На чистке было людно. Председатель был шутник, и зрители покатывались. Коммунальщики сидели серые. Смирнов держал перед собой газету. Он дул на руки, подсовывал их под себя, вставал и выходил, позеленевший. Годулевич пожалела его. – Ну его, – подумала она,

хотя потом «раскаивалась в этом малодушии», когда узнала, что инженер Смирнов получил «местечко с дефицитными предметами и ставкой тысяча семьсот» [Добычин, 2013, с. 104].

Итак, «матерьял» – это донос, который намеревалась совершить библиотекарьша (!), человек «старой» (?) формации.

В сборнике «Портрет» только два рассказа строятся вне проблемы события. Рассказ «Прощание» открывает сборник (он является переделкой рассказа «Тетка», включившего в себя элементы добрянского рассказа «Тимофеев» из сборника «Вечера и старухи»). Здесь есть событие: герой Кунст служит в послереволюционном голодном Петербурге, а тетка зовет его приехать к ней, так как они живут сытно. И вот когда «выдача» (оплата труда продуктами питания) была съедена, а бумажные (буквально бумажные) наградные были сначала выданы, а потом добровольно-принудительно отобраны, Кунст решил уехать к тетке. Сюжет рассказа состоит в том, что у героя открываются глаза на его положение. Сначала он еще надеялся на возможность как-то выжить в Петрограде, но потом понял неизбежность отъезда в более сытную провинцию к тетке.

На том же самом сюжете, на прозрении героини, построен и рассказ «Портрет». Героиня вступила в брачный возраст и, сама того не сознавая, активно интересуется мужчинами. Она постоянно посещает кинематограф, внимательно следит за новостями кино:

«Буржуазная картина „Генерал“ обругивалась: почему не северянина изображает Бестер Китон?» [Добычин, 2013, с. 100].

И всю жизнь оценивает через кино:

«В модных шляпах, они <борцы> напоминали иностранцев из захватывающих драм» [Добычин, 2013, с. 101].

Одно из посещений кинематографа переворачивает всю ее жизнь:

«Взойдя на паперть, я взяла билет. Стояли пальмы. Рыбки разевали рты. Топтались кавалеры, задирая подбородки и выпячивая бантики. Я терлась между ними.

Ричард Толмедж был показан в безрукавке и коротеньких штанишках. Он лечился от любви, и врач его осматривал.

– Милашка Ричард, – улыбались мы и взглядывали друг на друга, сияя» [Добычин, 2013, с. 96].

При выходе из кинематографа один из «кавалеров», «тот, в кепке, – в толкотне у двери он ощупывал меня». Героиня пытается его догнать и что-то спросить:

«Послушайте, – хотела крикнуть я. Он шел, раскачиваясь, невысокий, с поднятым воротником в кепке с клапаном» [Добычин, 2013, с. 96].

Весь рассказ составляют поиски того мужчины, который первым проявил к девушке эротическое отношение и вызвал тем

самым ее неподдельный интерес. Она, видимо, сама не знает, о чем хочет спросить его, ей просто необходимо завести с ним разговор. Девушка напряженно ищет его среди прохожих на улице:

«Люди в кепках проходили».

И она искренне сознается:

«Я – приглядывалась к ним» [Добычин, 2013, с. 97]; «Я – присматривалась» [Добычин, 2013, с. 98].

То ей кажется, что это монтер Жоржик, проводивший электричество. То это «Гришка с огородами», потому что у него есть «кепка с клапаном» [Добычин, 2013, с. 99]. И вдруг однажды за рекой она видит группу молодых людей. *«Физкультурники причалили...»* Видимо, это те самые физкультурники, которые ранее выступали «в лиловых безрукавках, подымали руки, волосы под мышками показывались» [Добычин, 2013, с. 97].

Итак,

«физкультурники причалили, разделись и, благовоспитанные, кувыркались в трусиках. Потом посбрасывали их и бегали, гоняясь друг за другом и скача друг другу через голову.

Я поднялась бледнее. Это он был – не монтер, не Гришка, а тот самый, с клапаном.

– Послушайте, – хотела крикнуть я.

– Сфотографировать? – спросил он расторопно, повернулся, наклонился и дотронулся до сгиба. – Вот портрет, – сказал он, показав ладонь.

Я удалялась величаво. Лев рычал. Пронзительно играя, похороны двигались, невидимые, за рекой» [Добычин, 2013, с. 102].

Так заканчивается рассказ. Героиня прозрела. Мы легко поймем ее разочарование, если учтем, что означает тот непристойный жест, который сделал «кавалер» [Строганов, 2011]. Героиня думала,

что именно она вызывает интерес у молодого мужчины. Но оказалось, что просто «щупал» ее.

Прозрение можно и нужно, конечно, рассматривать как форму взросления человека. Поэтому в «Портрете», а вслед за ним и в «Городе Эн» можно видеть рефлекс романа воспитания. Но роман воспитания предполагает длительный процесс взросления, а прозрение является краткосрочным моментом. В этом отношении «Город Эн» тоже можно было бы назвать романом не воспитания, а прозрения, поскольку он изображает длительный период нравственной слепоты и неожиданного прозрения. Но, с другой стороны, в «Городе Эн» всё сложнее: сложные перемены в герое романа происходят с того момента, когда он начинает отделять себя от матери, когда он переходит от «мы» к «я». И эти два процесса не отменяют, а дополняют друг друга.

Период слепоты – это время несобытия и жажды события; прозрение – это вспышка события. Примерно так можно было бы интерпретировать идеологию Добычина.

Как видим, сборник «Портрет» всё же несколько отличается от сборника «Встречи с Лиз». В первом сборнике господствует событие несобытия, только в «Лешке», как и в других (более поздних) рассказах, мы видим то, что назвали псевдособытием. Всё, что происходит с Лешкой, конечно, события для него самого, но этот их статус не существует для других людей. Он едет на бочке с водой, но ему не завидуют ни «бабы, несшие на коромыслах связки глиняных горшков с топленным молоком», ни «кондукторша в очках, которая гнала корову и замахивалась на нее веревкой», ни «четыре жулика, сидевшие под горкой и разбиравшие мешок с бельем». Всё это только так кажется Лешке. Он прибегает на речку за матросом и убеждает всех, что это он его привел, что вовсе не так. В то время как все были на «бесплатном», матрос не был в кино, и Лешка, которого тоже не пустили – как маленького, утешается этим, хотя истинные причины, почему матрос не был в кино, разумеется, иные. Но для самого Лешки это всё же событие, и, видимо, поэтому рассказ этот в сборнике «Портрет» уведен далеко от других рассказов сборника «Встречи с Лиз» и поставлен рядом с рассказом «Отец». В «Отце» заглавный герой находится накануне события, как и другие герои матримониальных рассказов («Лекпом», «Хиромантия», «Пожалуйста»). Для отца событие только предстоит. Но мальчики всё

время переживают события: и купание, и сидение в ожидании отца у церкви на кладбище.

Скажем тут кстати, что купание для героев рассказов Добычина оказывается вместе с кинематографом формой компенсации события, почему все герои постоянно изображаются купающимися. Купание и кинематограф – вот две формы вожеления: человека и события.

Во втором сборнике, в «Портрете» мы видим, как уже говорили, не событие несобытия, а предсобытие. Все герои находятся в ожидании события. Занавес опускается всякий раз накануне события,

и события как такового по-прежнему нет. Тоска по событию, жажда события по-прежнему остается. И пережевывая вместе с героями тяготину их жизни, мы никак не можем дожидаться этого события. В нашей жизни никак не появляется этот матрос, которого мы бы привели к реке купаться и который так бы поразил всеобщее воображение. Мы готовы завидовать Лешке, что в его жизни такое событие – было.

*

Описанный таким образом мир Добычина начисто снимает вопрос о наличии у него социальной критики и «старого», и «нового» строя. Описанный таким образом мир Добычина снимает и вопрос о квалификации его героев как провинциалов и мещан (обывателей). Зато со всей остротой встает вопрос об отсутствии в жизни героев события и об их острой жажде события. Героев нельзя винить в отсутствии события: они сами тянутся к нему, но дороги к нему нет. Не потому, что они – мещане, не потому, что они – «старые», «новые», провинциальные люди, а потому, что события в этой жизни нет и не может быть. Трагедия этого мира состоит в отсутствии события. Человек может находиться накануне события, но само событие пережить не может. Лишь одно событие доступно ему – это событие прозрения, событие, которое переворачивает весь мир, в корне меняя жизнь, причем – едва ли к лучшему.

Литература в разные периоды своего развития пыталась изобразить минус-событие. Очень ярко это делал Н.В. Гоголь в своей драматургии. В «Ревизоре» ревизор приехал в конце пьесы, а всё, что

было в самой пьесе, вроде как и не было. В «Женитьбе» жених выскочил накануне венчания в окно, то есть всё, что предшествовало венчанию, просто аннулировалось. В «Игроках» игрок игрока обыграл, и вновь ничего не произошло. Мы попытались описать это как событие несобытия [Строганов, 2010].

Но у Добычина всё не так. И не так, как у А.П. Чехова. В этом смысле любое историко-литературное сопоставление уводит в сторону от главного, сущностного вопроса. У Добычина не может быть так, как у Чехова или Гоголя (или у кого бы то ни было). У Добычина может быть какое-то сходство с русскими обэриутами, или западными экзистенциалистами, или А. Ахматовой («таинственная не встреча» в цикле «Шиповник цветет»), но всё это пока еще не описано. Пока ясно лишь то, что мир, лишивший человека возможности переживать

событие, этот мир – ужасен. На фоне этого тотального ужаса социальные достоинства или недостатки человека аннулируются, даже совершенство или ущербность социального устройства неважны. Тоска по событию, тяготящая героев Добычина, – вот единственное, что важно на самом деле. Всё прочее – литература.

Прочее. Литература

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добычин, Л.И. Полн. собр. соч. и писем. Изд. 2-е, испр., доп. / Л.И. Добычин. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журн. «Звезда», 2013. – 540 с.

Малашкин, Л.Д. Старинные романсы / Л.Д. Малашкин. – Л.: Музыка, 1971. – 34 с. [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.notarihiv.ru/ruscomp/malashkin/noti/1%20\(8\).pdf](http://www.notarihiv.ru/ruscomp/malashkin/noti/1%20(8).pdf). (дата обращения 10.12.2014).

Неминуший, А.Н. О поэтике рассказа Л. Добычина «Лекпом» / А.Н. Неминуший // Первые Добычинские чтения. – Даугавпилс, 1991. – С. 46-51.

Неминуший, А.Н. Эрос в художественном мире Л. Добычина / А.Н. Неминуший // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2004. – С. 148-155.

Петрова, Г.В. Принцип «антисюжета» в поэтика рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» / Г.В. Петрова // Добычинский сборник – 3. – Даугавпилс, 2001. – С. 84–90.

Рохлин, Б. По ту сторону Леты (о прозе Л. Добычина) // Добычинский сборник – 6. – Daugavpils, 2008. – С.103–115.

Строганов, М.В. Пушкин у Добычина. К проблеме изображения массового сознания / М.В. Строганов // Добычинский сборник – 5. – Daugavpils, 2007. – С. 65–77.

Строганов, М.В. Изображение массового сознания в рассказах Добычина / М.В. Строганов // Добычинский сборник – 6. – Daugavpils, 2008. – С.151–168.

Строганов, М.В. Человек купающийся / М.В. Строганов // Добычинский сборник – 7. – Daugavpils, 2011. – С. 142–161.

Строганов, М.В. Событие не-события в драматургии Гоголя // Вечный Гоголь: Сборник с докладами от Юбилейной международной научной конференции, проведенной в Шумене на 6–7 октября, 2009 г. / М.В. Строганов. – Шумен, 2010. – С. 5–12.

Сухих, И.Н. Добычин и Чехов: два «события» и метафизика прозы / И.Н. Сухих // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2004. – С. 140–147.

Федоров, Ф.П. Добычин и кинематограф / Ф.П. Федоров // Вторые Добычинские чтения. Часть I. – Даугавпилс, 1994. – С. 51–60.

С.И. Королёв¹
Москва

МОЛЧАНИЕ И УМОЛЧАНИЯ У ДОБЫЧИНА

Леонид Добычин является не только мастером слова, но и мастером умолчания. Он очень скуп и бережно использует слова в своих текстах. Основное содержание текстов Добычина приходится вычитывать «между строк». Таким образом автор играет с читателем,

¹ Сергей Иванович Королёв, кандидат филологических наук, заместитель генерального директора издательства «Когито-Центр»

Петрова, Г.В. Принцип «антисюжета» в поэтика рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» / Г.В. Петрова // Добычинский сборник – 3. – Даугавпилс, 2001. – С. 84–90.

Рохлин, Б. По ту сторону Леты (о прозе Л. Добычина) // Добычинский сборник – 6. – Daugavpils, 2008. – С.103–115.

Строганов, М.В. Пушкин у Добычина. К проблеме изображения массового сознания / М.В. Строганов // Добычинский сборник – 5. – Daugavpils, 2007. – С. 65–77.

Строганов, М.В. Изображение массового сознания в рассказах Добычина / М.В. Строганов // Добычинский сборник – 6. – Daugavpils, 2008. – С.151–168.

Строганов, М.В. Человек купающийся / М.В. Строганов // Добычинский сборник – 7. – Daugavpils, 2011. – С. 142–161.

Строганов, М.В. Событие не-события в драматургии Гоголя // Вечный Гоголь: Сборник с докладами от Юбилейной международной научной конференции, проведенной в Шумене на 6–7 октября, 2009 г. / М.В. Строганов. – Шумен, 2010. – С. 5–12.

Сухих, И.Н. Добычин и Чехов: два «события» и метафизика прозы / И.Н. Сухих // Добычинский сборник – 4. – Даугавпилс, 2004. – С. 140–147.

Федоров, Ф.П. Добычин и кинематограф / Ф.П. Федоров // Вторые Добычинские чтения. Часть I. – Даугавпилс, 1994. – С. 51–60.

С.И. Королёв¹
Москва

МОЛЧАНИЕ И УМОЛЧАНИЯ У ДОБЫЧИНА

Леонид Добычин является не только мастером слова, но и мастером умолчания. Он очень скуп и бережно использует слова в своих текстах. Основное содержание текстов Добычина приходится вычитывать «между строк». Таким образом автор играет с читателем,

¹ Сергей Иванович Королёв, кандидат филологических наук, заместитель генерального директора издательства «Когито-Центр»

что делает чтение увлекательным, заставляя возвращаться к его прозе снова и снова.

Ключевые слова: Леонид Добычин, молчание, умолчание, подтекст, автор, читатель, герой.

S.I. KOROLEV

Moscow

SILENCE AND PARALIPSIS IN L. DOBYCHIN'S PROSE

Leonid Dobychin is not only a man of letters, but also a master of paralipsis. He is rather taciturn in his prose and uses words carefully and economically. The message of Dobychin's texts is not stated overtly, one has to read "between the lines". Thus, Dobychin plays a game with his reader, which makes it exciting to read his stories and impels the reader to reread his prose time and again.

Keywords: Leonid Dobychin, silence, paralipsis, implication, author, reader, character.

Добычин не только признанный мастер слова, но и мастер молчания. Он ценит слово на вес золота – и потому он так скуп на слова. Там, где другой писатель рассыпался бы бисером подробностей

и углубился бы в бездну описания, Добычин бросает одно-два слова, но этого хватает, чтобы картина стала ясна и объемна.

Порой кажется, что автор готов отказаться от слов – и перед читателем разворачивается так называемая «внесловесная действительность»:

Человек сошел с поезда, вытащил зеркальце и огляделся. К нему подбежала ожидавшая возле звонка телеграфистка [Добычин, 1999, с. 84];

Под откосом купались мальчики. Медленно плыли плоты. Черная корова, стоя в воде передними ногами, обмахивалась хвостом [Добычин, 1999, с. 423].

Однако «внесловесная действительность» у Добычина проникает не только в повествовательный текст, но и вклинивается в

«зону героев». Там, где мы ожидаем услышать живое слово персонажей, увлекательный диалог или содержательный монолог, мы сталкиваемся с «редуцированной речью» как отражением «редуцированной реальности». Это даже не собственно речь, не продукт размышлений, суждений, мнений. Героев окружают материальные предметы, на которых написаны слова (лозунги, плакаты, вывески, объявления, афиши и т.д.). Вот их и воспроизводят в своих «речах» добычинские персонажи:

Жизнь без искусства – варварство, – цитировал рабкор Петров [Добычин, 1999, с. 77];

Трудящиеся всех стран, – мечтательно говорил Кукину кассир со станции, – ждут своего освобождения [Добычин, 1999, с. 59].

Герои Л. Добычина, как правило, с легкостью отказываются от своего слова, пользуясь словом готовым, чужим:

Я обдумал, о чем говорить с ним при будущих встречах, прочел для примера разговоры Подростка с Версиловым и просмотрел «Катехизис», чтобы вспомнить смешные места [Добычин, 1999, с. 163].

Добычинские герои порой говорят по шпаргалке:

Она присела к столику и записала на бумажке, что спрашивать и что рассказывать. После чаю пригласила Марью

Карловну пройтись и, выйдя за калитку, посмотрела на свою записку. – Ну, Мари... [Добычин, 1999, с. 426].

Однако чаще всего герои Добычина демонстрируют элементарную неспособность к разговору:

– Помните, – оглянулась и понизила голос Мильонщикова: – однажды весной мы обратили внимание...

Молчали [Добычин, 1999, с. 81].

В мире Л. Добычина вообще любят помолчать. Молчание героев может быть вызвано разными причинами. Часто бывает так, что им попросту нечего сказать друг другу: «Жоржик спрятал свой блокнот. В костюмчике «юнг-штурм», он обдернулся и подошел ко мне, учтивый. – Теплый день, – поговорили мы и помолчали» [Добычин, 1999, с. 103]. Часто у Добычина молчание воспринимается как отсутствие содержания разговора или вообще как невозможность диалога:

– *Пос* – сказала Катерина Александровна: – *Мы сидим как будто в зеленом флакончике, и сквозь него проникает свет.*

Фрау Анна подумала, приятно улыбнулась и закивала головой. – Ах, это есть очень красиво.

Они помолчали, откинувшись на спинку скамейки. Катерина Александровна думала об одной даме, которая на ее фразу поднесла бы элегантный и изысканный ответ [Добычин, 1999, с. 341].

Изредка мы видим, что добычинским героям просто не нужно слов, чтобы выразить, как им хорошо: «Отец купил сигару и два пряника. Молчали, наслаждаясь» [Добычин, 1999, с. 86].

Молчание может быть от переполненности мыслями, чувствами:

На сцене была бричка. Лошади бежали. Селифан хлестал их. Мы молчали. Нас ждала Маниловка и в ней – Алкид и Фемистоклос, стоя на крыльце и взяв друг друга за руки [Добычин, 1999, с. 120];

– *О, Александр, – восклицала она, каясь и ломая руки, – о, прости меня. – Какой он толстомясый и какой косматый с головы до*

ног, она не видела. – Да, да, – ответил мне Андрей на это, – да! – Глубокомысленные, мы молчали [Добычин, 1999, с. 124].

Иногда герои Добычина о чем-то не договаривают, очевидно, о чем-то очень важном для них:

– Вы не были на губернской олимпиаде? – спрашивала иногда Сутыркина: – почти совсем голые! Фу, какое неприличие. – И, улыбаясь, долго молчала и глядела вдаль [Добычин, 1999, с. 54].

Некоторые герои Добычина используют молчание, как опытные актеры, делающие паузу, чтобы следующая затем речь прозвучала более весомо:

Поднялась кухарка Дарьюшка, поправила на голове платок и помолчала. – Детки, – жалостно сказала она, – вы довольны мной? – Довольны, – отвечали они. – Я вас обижала? – продолжала она спрашивать. – Ругала вас? Бесчестила вас? – Нет, – разжалобясь, пищали они хором, – нет! – Все были тронуты [Добычин, 1999, с. 107] (107).

Но далеко не все герои Добычина владеют искусством молчания, они просто не умеют «делать паузы в словах». Героиня рассказа «Чай» и рада бы замолчать, да не может: «Она рассказывала и рассказывала, под гармонику и топот, и не знала, как ей замолчать, хотя и чувствовала, что никто не верит ей» [Добычин, 1999, с. 108].

В добычинском мире источником мучений героев могут стать как слова, так и их отсутствие. Настоящие «муки слова» испытывает пролетарский писатель Ерыгин: «Ерыгин измучился: ничего из жизни Красной армии или ответственных работников не приходило в голову» [Добычин, 1999, с. 71].

Но автор часто и не дает своим персонажам слова. Он вклинивается в их зону и берется пересказывать их монологи и диалоги, их внутреннюю речь. Кроме того, автор как будто «пересказывает» и то, что видят персонажи – с учетом их физической и психологической точек зрения¹:

¹ Как утверждает Умберто Эко, «человек от рождения – животное рассказывающее» [Эко, 2003, с. 17]; кроме того, «во всех книгах говорится о других книгах <...> всякая история пересказывает историю уже рассказанную» [Эко, 2003, с. 25].

Она пошла тише. В памяти встали приятные картины дружбы с мосье <...>

А вот – в кинематографе. Играют на скрипке. Мосье завтра едет. С тоненького деревца в зеленой кадке медленно падают листья.

– Как грустно, мосье... – Девушка в красной вязаной кофте отдергивает занавеску и выпускает. По сторонам холста висят Ленин и Троцкий... Бьет посуду и ломает мебель комическая теща, красуются швейцарские озера и мелькают шесть частей роскошной драмы: Клотильда отравилась, Жанна выбросилась из окна, а Шарль медленно отплывает на пароходе «Республика», и ему начинает казаться, что все случившееся было только сном [Добычин, 1999, с. 51].

И далее: «Обратный путь полон излияний. В прекрасной Франции мосье будет думать о ней. Он будет следить за политикой» [Добычин, 1999, с. 51].

Эти воспоминания Козловой оформлены как «пересказ» и даже как «пересказ в пересказе» (содержание «роскошной драмы» внутри воспоминаний героини). Здесь мы сталкиваемся с так называемой «психологической интроспекцией» [Манн, 1992], которая реализуется в формах внутренней речи, в передаче душевных состояний персонажей, в видении изображаемого глазами героя, сквозь призму его сознания, в несобственно-прямой речи.

Нельзя сказать, что в подобных случаях добычинские герои «молчат», скорее – «помалкивают». И возможно, это оттого, что они не в состоянии сами говорить. Но порой кажется, что автор боится «дать слово» своим героям, полагая, что, если они «заговорят», то непременно голосами героев Зошенко, а этого допустить Добычин, как известно, не мог.

Поэтому в добычинском мире народ главным образом безмолвствует. Да и умирает – в тишине, в безмолвии, без необходимых слов:

«– Бедная Олимпия. Без звона, без отпевания...» [Добычин, 1999, с. 64].

Но может быть, царящее в этом мире молчание не знак «безгласия», а то самое «золото», которое дороже «серебра» слова? Ведь в мировой литературе «молчание героя <...> зачастую

оказывается действенное поступка или высокого слова: в “Евгении Онегине”, по словам современного пушкиниста, “всегда более прав молчащий”. Богаты паузами и подтекстом пьесы Ибсена и Чехова. О молчаливом и мучающемся своей немотой герое прозы А. Платонова написана статья С. Бочарова. “Зоны молчания” составляют существенную грань поведения персонажей пьес советских драматургов, например А. Вампилова» [Сироткина, Литературный словарь, 2007, с. 276].

В упомянутой статье С. Бочарова («“Вещество существования” (Мир Андрея Платонова)») ее автор говорит о том, что «затрудненное, смутное выражение, подобно тому, как описано у Платонова, было общей темой в ранней советской литературе» [Бочаров, 1985, с. 269]. В литературе указанного периода человек – существо либо молчащее, либо «мычащее», учащееся говорить. При этом, говоря о прозе Платонова, исследователь отмечает, что у него «нечленораздельность, отсутствие слова имеют двойственное значение <...> Это – “немое горе вселенной”, которое может одолеть и высказать лишь человек, но это и некая молчаливая полнота, которую надо при этом суметь сохранить. В немотности платоновской жизни одновременно чувствуется и недостаток, и недостаточность слов» [Бочаров, 1985, с. 268-269].

В данном случае мы имеем дело с явлением, которое можно назвать «молчание как умолчание». Недосказанность, намек на что-то, о чем явно не говорится, обрыв фразы – могут встречаться как в речи героев Добычина¹, так и в повествовательном тексте. Умолчание в «зоне автора» может проявляться, например, в оборванном пересказе диалога персонажей, в указании на предмет или тему разговора, либо просто на факт наличия некоего текста: «Попадались надписи в стихах» [Добычин, 1999, с. 65] (содержание надписей не воспроизводится); «Поговорили о литературе...» [Добычин, 1999, с. 75] (содержание разговора остается за кадром), «Заходил правозащитник Иванов – с брюшком и беленькими усиками: рассказал

¹ «– Безобразия, – говорила она и показывала головой на стену. Замолчав, она прислушивалась и потом смеялась. Кунст краснел» [Добычин, 1999, с. 47].

два таинственных случая из своей жизни» [Добычин, 1999, с. 78] (что случилось с правозащитником Ивановым, в рассказе не сообщается), «В окне светился транспарант с цитатой...» [Добычин, 1999, с. 101]

(цитата не приводится); «– Да, – сказал он, – вы слышали новые куплеты «Ленин любит деток»? – оглянулся и запел вполголоса» [Добычин, 1999, с. 105] (увы, самих куплетов в тексте так и не прозвучало). Во всех подобных случаях читателю не суждено узнать содержание этих разговоров добычинских героев о политике или литературе, не суждено услышать куплетов о Ленине и детках. Читатель оказывается в неравном с героями положении: он не знает то, что известно им. Читатель попадает в мир известных, знакомых, постоянных и неизменных вещей, событий и явлений.

Как отмечал современный исследователь, «в русской литературе графическим выражением фигуры умолчания служит знак многоточия» [Назирова, 1998, с. 57]. В ранних своих рассказах Добычин очень густо расставлял многоточия:

В открытые окна прилетали звуки оркестров... Из монастыря принесли икону святого Кукии. Ходили встречать. Возвращались взволнованные.

– Мерзавцы, гонители...

– Господи, когда избавимся?... Мусью не пишет?

Потом вошла луна, и души смягчились...

[Добычин, 1999, с. 52].

В более поздних своих текстах Добычин использует либо крайне мало, либо вообще не использует многоточие, возможно, считая такое обозначение умолчания слишком явным, слишком «манерным».

Одна из форм авторского умолчания – это своеобразное сюжетостроение. У Добычина мы видим не столько историю, сколько пунктир истории; не столько образы героев, сколько их эскизные наброски. Все подробности остаются «за кадром», вне повествования. У добычинских историй нет зачина, предисловия, хоть какого-то начала повествования, равно как и заключения, финала, итога. См., например, начало рассказа «Лидия»: «На руке висела корзинка с покупками» [Добычин, 1999, с. 61]. На чьей руке висела корзинка, мы

узнаем только из второго предложения. Так в самом начале рассказа задается субъективный взгляд на описываемые события. По поводу «Города Эн» современная Добычину критика, например, отмечала:

Он мог бы начать свой рассказ на пятнадцать страниц позже и кончить его на пятнадцать страниц раньше. В рассказе его нет ни начала, ни конца: он растягивается, как резина, и, как резина, по-видимому, может сжиматься [Штейнман, 1936].

Разумеется, выводы критика ошибочные: повествование не могло ни начаться позже, ни закончиться раньше. Такое читательское впечатление спровоцировано повествовательной манерой Добычина. Появление персонажей и описываемых событий не подготавливается. Герои уже живут в этом «случившемся» мире. А читатели сразу же оказываемся внутри этого художественного мира, который существовал до начала чтения и будет существовать после того, как книга будет закрыта.

Именно поэтому как особую форму умолчания можно рассматривать и анонимность некоторых персонажей и даже главных героев произведений Л. Добычина («Отец», «Сиделка», «Портрет», «Город Эн» и др.). Неназванность героев – это не безымянность их, а известность, знакомость для других героев (как правило, субъектов повествования или восприятия). У якобы безымянного города Эн есть имя, но оно известно только главному герою, имя которого, кстати, также остается для читателей тайной. А открытый финал романа тоже можно рассматривать как форму умолчания [Назирова, 1998, с. 60]. Читателю предлагается угадать / предположить / решить, что будет дальше с главным героем и как относиться ко всему прочитанному. Никаких «точек над i» Добычин не расставляет, не делает за нас никаких выводов, ибо «ничто так успешно не нагоняет скуку, как педантизм досказывания» [Назирова, 1998, с. 60].

Как утверждает Ю. Боров, «фигура умолчания – художественный прием игры с читателем, либо расчет на чтение между строк», кроме того, «молчание воплощает в себе философскую проблему неадекватности речи мыслям и чувствам персонажа (в некоторых ситуациях слова излишни). Молчание предполагает

понимание молчащим абсурдности бытия» [Борев, 2003, с. 253]. Правда, «понимание абсурдности бытия» в мире Л. Добычина происходит не «молчащим» и не «говорящим», а скорее – «читающим», то есть находящимся вне этого (художественного) мира.

Именно нам, читателям, предлагается оценить сказанное и несказанное слово, в каких случаях это серебро, а в каких – серебрянники:

– Товарищ Ленинградов, – оборачивается Гадова: – Я больше не могу молчать. – Вы знали и не доносили, – говорит товарищ Ленинградов, и его любви – как не было [Добычин, 1999, с. 434].

Здесь Добычин явно вписывает в речь героини заголовок статьи Льва Толстого против смертной казни «Не могу молчать» (1908). Только в рассказе это «не могу молчать» приведет к доносу и, скорее всего, к смерти. А вот строчка из письма Добычина М. Слонимскому:

А мне очень наскучило ни с кем не разговаривать. «Не могу молчать», как выразился наш с Вами кумир Лев Николаевич. – Простите. Ваш Л. Добычин [Добычин, 1999, с. 300].

Здесь – сдержанный крик одинокого человека, к тому же – писателя.

Художник выстраивает свое произведение, используя разнообразные формы умолчания. Однако художник не может молчать. Если художнику удастся сохранить тонкую грань между словом и умолчанием, – с одной стороны, не впадая в дотошное описательство, но, с другой, – сумев высказать все необходимое, чтобы воплотить свой замысел, – вот тогда перед нами настоящее художественное произведение. И проза Л. Добычина – как раз прекрасный пример мастерства такого художника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борев, Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М.: АСТ; Астрель, 2003. – 575 с.

Бочаров, С.Г. «Вещество существования». (Мир Андрея Платонова) / С.Г. Бочаров // Бочаров С.Г. О художественных мирах. – М., 1985. – С. 249–296.

Добычин, Л.И. Полное собрание сочинений и писем / Сост., предисл., коммент. В.С. Бахтина / Л.И. Добычин. – СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. – 544 с.

Манн, Ю.В. Об эволюции повествовательных форм / Ю.В. Манн // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1992. – Т. 51. – № 1. – С. 40–59.

Назиров, Р.Г. Фигура умолчания в русской литературе / Р.Г. Назиров // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. – Уфа, 1998. – С. 57–71.

Литературный словарь. – М.: Луч, 2007. – 320 с.

Штейнман, З. Исторический импрессионизм / З. Штейнман // Литературный Ленинград. – 1936. – № 9. 20 февр. – С. 3.

Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. – СПб., 2003. – 91 с.

БИБЛИОГРАФИЯ**Л.И. ДОБЫЧИН****БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ****2009 –2013****Дополнения за 1928-2008 гг.****Составитель С.И. Королев**

Данный библиографический указатель включает в себя продолжение указателя 1924-2008 гг., опубликованного на сайте RUTHENIA.RU (www.ruthenia.ru/document/547253.html), а также дополнения к нему с некоторыми уточнениями, таким образом, представляя собой две части, каждая из которых состоит из двух разделов: «Л. Добычин в печати» (публикации текстов Л. Добычина) и «Печать о Л. Добычине» (литература о его жизни и творчестве). Внутри разделов материал распложен в хронологическом порядке, в пределах одного года – в алфавите авторов и заглавий. Публикации одной и той же статьи собраны под одним и тем же номером.

Составитель благодарит П.А. Багрова (Санкт-Петербург), И.А. Брюханову (Санкт-Петербург), Э.С. Голубеву (Брянск), Д.А. Данилова (Москва), Юлию Кушнир (Регенсбург), И.Е. Лощилова (Новосибирск), В.А. Мешкова (Евпатория), Н.И. Николаева (Санкт-Петербург), Зорислава Паунковича (Белград), Б.А. Равдина (Рига), Д.К. Равинского (Санкт-Петербург), Г.Г. Суперфина (Бремен), О.В. Шапошникову (Москва), Т.А. Шеховцову (Харьков), О.А. Юрьева (Франкфурт-на-Майне) за предоставленные материалы и помощь в работе над этим указателем.

Особую благодарность и признательность составитель выражает Александру Федоровичу Белоусову (Санкт-Петербург), без активной помощи, советов и ценных замечаний которого библиография не была бы завершена.

Составитель будет признателен за любые дополнительные сведения о публикациях по теме указателя. Замечания и пожелания просьба присылать на e-mail: korsi@mail.ru Королеву Сергею Ивановичу.

Список сокращений

- ВПВЛ – Неминуший А. Н. В пространстве времени литературы: до Чехова – Чехов – после Чехова. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2009. – 316 с.
- ДС-7 – Добычинский сборник–7. – Даугавпилс: Даугавпилсский ун-т, 2011. – 232 с.
- ПССП-2 – Добычин Л. И. Полное собрание сочинений и писем. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; ООО «Журнал “Звезда”», 2013. – 544 с., 16 с. илл.
- DSNR – Dobyčín Leonid. Die Stadt N: Roman / Aus dem Russischen übersetzt, mit Anmerkungen und einem Nachwort von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 2009. – 230 S.
-

Л. ДОБЫЧИН В ПЕЧАТИ

2009

1. **Dobyčín Leonid.** Die Stadt N: Roman / Aus dem Russischen übersetzt, mit Anmerkungen und einem Nachwort von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 2009. – 230 S.

Рец.: **Martynova Olga.** Immer schön langsam // DIE ZEIT. – 2009. – № 49. – Ss. 38–39.

2012

2. **Добичин Леонид.** Градот Ен / Прев. од рус. јаз. Ѓорѓи Крстевски. – Скопје: Антолог, сор. 2012. – 112 с.

2013

3. **Добычин Л.И.** Полн. собр. соч. и писем. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; ООО «Журнал “Звезда”», 2013. – 544 с., 16 с. илл.
4. **Dobyčín Leonid.** Die Erzählungen / Aus dem Russ. Übers. und hrsg. von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 2013. – 216 S.

ПЕЧАТЬ О Л. ДОБЫЧИНЕ

2009

5. **Белоусов А.Ф.** «Прошло, оказалось, сто лет от рождения Гоголя»: Гоголь и его герои в «Городе Эн» Л. Добычина // Юбилейная междунар. науч. конф., посвященная 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя: Тезисы. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 135-140.
6. **Белоусов А.Ф.** Однофамилец // Consortium omnis vitae: Сборник статей к 70-летию профессора Ф.П. Федорова. Даугавпилс, 2009. – С. 414, 422.
7. **Белоусов А., Равдин Б.** Вайда Виллеруша: Некролог // Humanitāro zinātņu vēstnesis (Daugavpils universitāte). – 2009. – №16. – С. 126.
8. **Кобринский А.А.** Даниил Хармс. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 178, 179, 339, 340.
9. **Кормилов С.И.** Жанровые тенденции в метризованной прозе // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX вв. Динамика жанра: Общие вопросы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 613.
10. **Королев С.И.** Проблема автора в литературе о Л. Добычине // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – М., 2009. – № 1 (январь-февраль). – С. 157-162.
11. **Кочетова С.А.** Книга о Л. Добычине: открытый финал (Рецензия на монографию: Шеховцова Т.А. Проза Л. Добычина: маргиналии русского модернизма. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 312 с.) // Східнослов'янська філологія. – Літературознавство. Вип. 14. / Горлівський держ.

- пед. ін.-т іноземних мов. Редкол.: С.О. Кочетова та інш. – Горлівка: Видавництво ГДПІМ, 2009. – С. 284-286.
12. **Лапко О.Ю.** Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920 – 1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 4-11, 16.
 13. **Неминуций А.Н.** «Ваш Л. Добычин» // ВПВЛ. – С. 263-268.
 14. **Неминуций А.Н.** «Город Эн»: версия мультикультурного события // ВПВЛ. – С. 239-243.
 15. **Неминуций А.Н.** «Невербальный» текст // ВПВЛ. – С. 259-263.
 16. **Неминуций А.Н.** «Свет» и «тьма» // ВПВЛ. – С. 235-239.
 17. **Неминуций А.Н.** Люди-куклы // ВПВЛ. – С. 243-248.
 18. **Неминуций А.Н.** Семейный круг // ВПВЛ. – С. 248-253.
 19. **Неминуций А.Н.** Формула времени в сборнике «Встречи с Лиз» // ВПВЛ. – С. 230-235.
 20. **Неминуций А.Н.** Чеховская аллюзия (рассказ Лекпом) // ВПВЛ. – С. 226-230.
 21. **Неминуций А.Н.** Эрос // ВПВЛ. – С. 253-259.
 22. <Письмо В.А. Каверина к Л.Я. Гинзбург от 1 мая 1929 г.> // Кобринский А.А. Даниил Хармс. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 178. [О предполагаемом участии Л. Добычина в сб. «Ванна Архимеда»].
 23. **Федоров Ф.П.** О композиционном монтаже в русской прозе 1920-х годов (Ю. Тынянов, Л. Добычин, М. Зощенко) // In memoriam: Иосиф Васильевич Трофимов. – Daugavpils, 2009. – С.107-117.
 24. **Шеховцова Т.А.** От Л. Добычина к Д. Данилову: эволюция лирического минимализма // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2009. – № 846. Сер.: Філологія. – Вип. 56. – С. 123–130.
 25. **Шеховцова Т.А.** Проза Л. Добычина в контексте «петербургской поэтики» // Русская литература. Исследования: Сб. научных трудов / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Ин-т лит-ры им. Т.Г. Шевченко. Редкол: А.Ю.Мережинская и др. – Киев: «СПД Карпук С. В.», 2009. – Вып. 13. – С. 241-251.

26. **Шеховцова Т.А.** Проза Л. Добычина: маргиналии русского модернизма: Монография. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 312 с.
27. **Эйдинова В.В.** Энергия стиля. О русской литературе XX века. Екатеринбург, 2009. – С. 10, 13, 156-217, 229, 231-241, 246, 249, 273-287, 328.
28. **Vučićević Branko.** Neobični doživljaji gospodina Benjamina u zemlji boljševika. „Fabrika knjiga“. – Beograd, 2009. – Str. 97.
29. **Јовановић Миливоје.** Пет копејака испод језика. Антимемоари // Београд: „Логос“, 2009. – С. 282.
30. **Martynova Olga.** [Рец. на кн.: Dobyschin L. Im Gouvernement S.: Shurkas Verwandtschaft: Roman / Aus dem Russischen übersetzt, herausgegeben und mit einem Nachwort von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 1996] // DSNR. – S. 231 [Отрывок из рецензии].
31. **Schröder Christoph.** Leonid Dobycin: Mysteriöser Tod eines Autors // Spiegel Online, 30. November 2009.
32. **Urban Peter.** Anmerkungen zum Nachwort // DSNR. – S. 228.
33. **Urban Peter.** Nachwort // DSNR. – SS. 209-227.

2010

34. **Баженова В.В.** Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 23.
35. **Горнакова Л.Ю.** Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: автореферат дис. ... кандидата филол. наук. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – С. 4, 18, 19.
36. **Дименштейн И.** «Роковой заплыв» Леонида Добычина // 7 секретов: Еженедельник (Рига). – 2010. – 28 окт. (№ 43). – С. 10.
37. **Ипатова Н.Г.** Аудиовизуальный аспект советской картины мира в литературе 1920-1930-х годов: Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. – С. 10.

-
38. **Ким Джун Сок.** О природе комического в романе Л.И. Добычина «Город Эн» // Русская литература. – 2010. – № 3. – С. 128-135.
 39. **Корниенко Н.В.** «Нэповская оттепель»: Становление институтов советской литературной критики. – М., 2010. – С. 5, 67.
 40. **Лосев Л.** Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. – 4-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С. 45.
 41. **Лощилов И.Е.** «Игра на гранях языка»: Николай Заболоцкий и его критики // Н.А. Заболоцкий: pro et contra. – 2 изд., испр. / Вступ. статья И.Е. Лощилова, сост., коммент. Т.В. Игошевой и И.Е. Лощилова. – СПб.: РХГА, 2010. – С. 8.
 42. **Московская Д.С.** Биография местности в русской литературе эпохи борьбы за новый быт // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920 – 1930-х годов. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 61, 129-130, 135, 141, 150.
 43. **Московская Д.С.** Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. (Проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы): Автореф. дис. ... док-ра. филол. наук. – М., 2010. – С. 4, 5, 7, 8, 22, 23, 28, 30, 32, 33, 35-37.
 44. **Московская Д.** Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: К истории взаимодействия русской литературы и краеведения. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 4, 10, 137, 146, 202-203, 213-214, 226, 235, 341, 359-371, 373, 396, 404.
 45. **Петрушова А.В.** Религиозные мотивы в романе Л. Добычина «Город Эн» // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Восьмых Андреевских чтений / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. – М., 2010. – С. 214-218.
 46. **Попов В.Г.** Довлатов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С. 175.
 47. **Ранцане Анна.** Три песни из ближних садов // Рижский альманах. – Кн. I (VI). – Riga, 2011. – С. 27.
 48. **Фаев Ю.** Всемирная брянская история. Сюжеты о забытом времени // Точка. Журнал для первых лиц (Брянск). – 2010. – Октябрь. – С. 58-59.

49. **Jurjew Oleg.** Die große Leningrader Sünde // Der Tagesspiegel. – 24 Januar (Nr. 20509). – С. 30.

2011

50. **Добычинский сборник–7.** – Даугавпилс: Даугавпилский ун-т, 2011. – 232 с.
51. **Белоусов А.Ф.** «Ершов» из «Города Эн»: Онокласник Добычина Георгий Горбунов // Провинциальный альманах Hronos. – № 12. – Даугавпилс, 2011. – С. 188-198.
52. **Белоусов А.Ф.** Вокруг «Портрета» // ДС-7. – С. 20-31.
53. **Василькова Г.С.** Лев Толстой и Фридрих Ницше в «Городе Эн» Леонида Добычина // ДС-7. – С. 124-141.
54. **Голубева Э.С.** «Библиотекарша» (По мотивам рассказа Добычина «Матерьял») // ДС-7. – С. 32-48.
55. **Голубева Э.С.** Калегаева и другие (Версия прообраза) // ДС-7. – С. 9-14.
56. **Голубкова А.** Идеальная камера хранения [Рец. на кн.: Анатолий Гаврилов. Берлинская флейта. Рассказы. Повести. М., «КоЛибри», 2010, 320 с.] // Новый Мир. – 2011. – №2. – С. 184.
57. **Данилина Н.Н.** Идея зеркала в рассказе «Козлова» // ДС-7. – С. 15-19.
58. **Добычин. Библиографический указатель.** 2008-2009. Дополнения за 1931-2007 гг. / Сост. С.И. Королев // ДС-7. – С. 220-230.
59. **Дорофеева М.** «Картинки» в романе Л. Добычина «Город Эн» // ДС-7. – С. 63-83.
60. **Дударева Н.** Человек в художественном мире Л. Добычина (по рассказу «Ерыгин») // ДС-7. – С. 207-212.
61. **Карбоне А.** Роман М. Пруста «В поисках утраченного времени» как один из подтекстов повести «Город Эн» Л. Добычина (анализ пародийной стилизации) // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: Материалы междунар. науч. конф. 20-22 мая 2010 г. ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2011. – С. 460-465.
62. **Коваленко З.П.** Фотография из архива // ДС-7. – С. 5-8.

63. **Козлов А.** Волевой уход Леонида Добычина. О строительной жертве и литературном факте // Книжное обозрение «Ex libris НГ»: Еженедельное приложение к Независимой газ. – 2011. – 15 сент. (№ 34). – С. 6.
64. **Королев С.И.** «А был ли мальчик?..»: История «Страшного мальчика» в романе Л. Добычина «Город Эн» (Ответное слово А.Ф. Белоусову) // ДС-7. – С. 119-123.
65. **Лощилов И.Е.** Застежка Олехновича: предмет как кафарзис // ДС-7. – С. 95-118.
66. **Малина В.** Художественный мир рассказа Л. Добычина «Лешка» и средства его создания // ДС-7. – С. 213-219.
67. **Морар Анник.** Визуальное, акустическое и вербальное в романе Л. Добычина «Город Эн» // ДС-7. – С. 49-62.
68. **Московская Д.С.** К проблеме ценностной позиции автора «Города Эн» Леонида Добычина // Вестник славянских культур. – 2011. – Т. XXII. – № 4. – С. 81-86.
69. **Неминуший А.Н.** Михаил Бодров и Александр Ковалев-Кривоносов // Провинциальный альманах Hronos. – № 12. – Даугавпилс, 2011. – С. 164-165.
70. **Никитина Н.** Из наблюдений над поэтикой рассказа Л. Добычина «Встречи с Лиз» // ДС-7. – С. 201-206.
71. **Петина Л.И.** «Панорама Ревеля» // ДС-7. – С. 84-94.
72. **Родионова Е.** Добычин Леонид Иванович // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: В 2-х т. Т. 1. – СПб., 2011. – С. 361-363.
73. **Строганов М.В.** Человек купающийся // ДС-7. – С. 142-161.
74. **Федоров Ф.П.** О композиционном монтаже в русской прозе 1920-х годов (Ю. Тынянов, Л. Добычин, М. Зощенко) // ДС-7. – С. 162-175.
75. **Чуковский К.И.** Дневник (1922 – 1931). – М.: ПРОЗАиК, 2011. – С. 256, 263, 265, 588.
76. **Шапорина Л.В.** Дневник: В 2 т. Т.2. – М., 2011. – С. 39.
77. **Шеховцова Т.А.** «Город Эн» Л. Добычина и «Египетская марка» О. Мандельштама // ДС-7. – С. 176-188.
78. **Шеховцова Т.А.** Оформление личности (дневниковое начало в «большой» прозе Л. Добычина, А. Гаврилова, Д. Данилова) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.

- Каразіна. – 2011. – № 963. Сер.: Філологія. – Вип. 62. – С. 146-152.
79. **Эйдинова В.В.** Л. Добычин – А. Платонов // ДС-7. – С. 189-200.
80. **Lipovetsky Mark.** Post-Soviet literature between Realism and Postmodernism // The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature. – Cambridge University Press, 2011. – P. 185, 186.

2012

81. **Белоусов А.Ф.** Всматриваясь в «Портрет»: «Товарищ Шацкина» у Добычина // Avoti: Труды по балто-российским отношениям и русской литературе: В честь 70-летия Бориса Равдина: В 2 ч. Ч.2. – Stanford, 2012. – С.113-118 (StanfordSlavicStudies. Vol. 43).
82. **Буровцева Н.Ю.** Проза Анатолия Гаврилова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 242, 243.
83. **Литовская М.** Закавыченные слова как форма выражения детского сознания в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» // Детские чтения. – 2012. – № 001. – С. 97, 99.
84. **Михайлов А.Д.** Поэтика Пруста. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 49.
85. **Прилепин З.** Дмитрий Данилов. Черный и зеленый // Прилепин З. Книгочет. Пособие по новейшей литературе, с лирическими и саркастическими отступлениями. – М.: АСТ, 2012. – С. 376.
86. **Чайкина Ж.** Пора поставить памятник! // СейЧас (Даугавпилс). – 2012. – 31 мая. – С. 36.
87. **Чигинцева Т.А.** Концепты «жизнь» и «смерть» в творчестве Д. Осокина / Т.А. Чигинцева // Дергачевские чтения - 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. – Т. 1. – С. 197.
88. **Шерих Д.Ю.** Улица Марата и окрестности. – 2-е изд., дораб. и доп. – М.: Центрполиграф, 2012. – С. 22.

89. **Шеховцова Т.А.** Роман с городом, или Возвращение к себе (О романе Д. Данилова «Описание города») // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды. – 2012. – № 4 (48). – С. 72-76; *То же* [сокращенный вариант]: Шеховцова Т.А. Вечное возвращение [рец. на: Данилов Д. Описание города: Роман // Новый мир. – 2012. – № 6] // «Союз Писателей». – 2012. – № 14. – С. 305-306.
90. **Щеглов Ю.К.** Заметки о прозе Леонида Добычина // Щеглов Ю.К. Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 333-357.
91. **Юрьев О.** Неизвестное письмо писателя Л. Добычина Корнею Ивановичу Чуковскому // Звезда. – 2012. – № 7. – С. 35-56.

2013

92. **Арьев А.** Отплытие [Предисловие] // ППСР-2. – С. 7-42.
93. **Белоусов А.Ф.** Из комментария к роману Л. Добычина «Город Эн»: Мадам Штраус и капельмейстер Шмидт // (Не) музыкальное приношение, или Allegroaffettuoso: Сборник статей в честь 65-летия Б.А. Каца. – СПб., 2013. – С.391-396.
94. **Василевский А.** Периодика (обзор периодики) // Новый Мир. – 2013. – № 12. – С. 216.
95. **Генис А.** Уроки чтения. Камасутра книжника. – М.: АСТ, 2013. – С. 31-33.
96. **Жиличева Г.А.** Функции «ненадежного» нарратора в русском романе 1920-1930-х годов // Вестник томского государственного педагогического университета, 2013. – №11 (139). – С. 32, 33.
97. **Кобринский А.А.** Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. – СПб.: Свое издательство, 2013. – С. 227-228, 289.
98. **Королев С.И.** Проблема автора в прозе Л. Добычина. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 192 с.
99. **Мешков В.А.** Гоголь и Достоевский в творчестве писателя Л. Добычина // Вестник Крымских литературных чтений: Сб.

- науч. статей и материалов. – Вып. 9. Ч. 1. – Симферополь: Крымский архив, 2013. – С. 258-266.
- 100. Мешков В.А.** Диккенсовские мотивы в творчестве писателя Л. Добычина // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: Збірник наукових праць. Вип. 7. – Ч.П. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. – С. 199-212.
- 101. Мешков В.А.** Писатель Леонид Добычин и русистика // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып. 16. «Русистика: синтетическая наука или форма идеологии?». – Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 2013. – С. 170-183.
- 102. Плеханова И.И.** Жизнетворческий потенциал примитивизма (наивное, трагическое и наивно-трагическое чувство жизни) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 82.
- 103. Сафронова Л.И.** Рассказ Л. Добычина «Чай» и тема чаепития // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. – 2013, №1, Серия «Филология», С. 34 – 37.
- 104. Сафронова Л.И.** Структура пейзажа в малой прозе Л. Добычина // От текста к контексту (Ишим). – 2013. – № 1. – С. 59-62.
- 105. Селицкая З.Я.** Сцена чаепития в романе С. Клычкова «Сахарный немец» и в рассказе Л. Добычина «Чай» // Концепт. – 2013. – Современные научные исследования. Выпуск 1. – ART 53415. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/53415.htm>. – Гос. рег. Эл No ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
- 106. Сухих И.Н.** У прозрачной стены (1931. «Портрет»; 1935. «Город Эн» Л. Добычина) // Сухих И.Н. Русский канон: Книги XX века. – М.: Время, 2013. – С. 351-372.
- 107. Чуюнова Э.** Леонид Добычин. Гений места... // Вести Сегодня (Рига). – 2013. – 13 нояб. (№ 221). – С. 12.
- 108. Юрьев О.** Одноклассники: Почти повесть о последнем поколении русского литературного модернизма: Всеволод Петров и Павел Зальцман // Новый Мир. – 2013. – № 6. – С. 190.

ДОПОЛНЕНИЯ ЗА 1931-2008 ГГ.

Л. ДОБЫЧИН В ПЕЧАТИ

1993

- 109.Dobytchine Léonide.** La Ville de N / trad. du russe par Françoise Burgun. – Saulxures: Circé, 1993. – 129 p.

1994

- 110.Dobytchine Léonide.** Rencontres avec Lise / trad. du russe par André Cabaret ; [postf. de Victor Eroféev]. – Saulxures: Circé, 1994. – 116 p.

2002

- 111.Dobysjin Leonid.** Sjoerka's familie / Vertaling Arie van der Ent. – Amsterdam: Wereldbibliotheek, 2002. – 93 s.

2004

- 112.Добичин Леонид.** Отац. Сусрети с Лиз. Портрет / Превео Радослав Божић // Сада када сам се пробудио: Антологија руске приче XX века. Том I (од Сологуба до Хармса) / Приредили Миливоје Јовановић, Владимир Меденица. – Београд: „Плато”, 2004. – С. 405-422.

2008

- 113.Dobytchine Léonide.** Chourka et sa famille / trad. André Cabaret. – Belval: Circé, 2008. – 124 p.

- 114. Dobytchine Léonide.** La ville de N. / roman traduit du russe par Françoise Burgun. – Belval: Circé, 2008. – 150 p.
- 115. Dobyčín Leonid.** Evdokija: Eine Erzählung / Aus dem Russischen übersetzt von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 2008. – 32 S.
- Рец.: **kho [Holm Kerstin].** Aus der Provinz // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2008. – 18 Dezember (№ 296). – S. 34; **Martynova Olga.** Der Größte // Die Zeit. – 2008. – № 49. – S. 59; *То же* // DSNR. – S. 231 [Отрывок из рецензии]; **Rakusa Ilma.** Russisches Sittengemälde. Leonid Dobytschins meisterliche Erzählung «Jewdokija» // Neue Zürcher Zeitung. – 2008. – 23 Dezember. – S. 43; **Seibt Gustav.** Große Gereiztheit // Süddeutsche Zeitung (Deutschland, Bayern, München). – 2008. – 6 Dezember. – S. 17.
- 116. Dobyčín L.** Izvolite / Prevela Nastja Poljak // Književna smotra: Časopis za svjetsku književnost. 2008. Godište XL. Broj 148 (2). Zagreb: Hrvatsko folološko društvo, Denona. S. 47–48.

ПЕЧАТЬ О Л. ДОБЫЧИНЕ

1928

- 117. Степанов Н.Л.** Новелла Бабеля // Бабель И.Э. Статьи и материалы / под ред. Б.В. Казанского и Ю.Н. Тынянова. – Л.: Academia, 1928. – С. 37.

1931

- 118. Левин Л.** Автопортрет врага [рец. на кн.: Добычин Л. Портрет: Рассказы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931] // Красная газета: Вечерний выпуск (Ленинград). – 1931. – 20 марта (№67). – С. 3.

1936

- 119. Чудновский Н.** Неудавшийся барчук: О романе Л. Добычина «Город Эн» // Вечерняя Москва. – 1936. – 11 февр. (№ 34). – С. 3.

1986

- 120.Мамлеев Ю.** Альманах литературы и искусства [обзор альманаха «Часть речи», 1984, № 4-5] // Континент. – 1986. – № 48. – С. 412.

1987

- 121.Брюханова И. А.** Трагические судьбы // Политехник. – 1987. – 3 нояб. (№ 30). – С. 2.

1989

- 122.Ахматова А.А.** Requiem: В 5 книгах / Предисловие Р.Д. Тименчика. Сост. и прим. Р.Д. Тименчика при участ. К.М. Поливанова. – М.: Изд-во МПИ, 1989. – С. 261.
- 123.Гинзбург Л.Я.** Заболоцкий двадцатых годов // Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 369.

1990

- 124.Белая Г.А.** История советской литературы: новый взгляд. – М.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького. Т. 1. 1990. – С. 73, 74.
- 125.Слонимская И.И.** Что я помню о Зощенко // Вспоминая Михаила Зощенко / сост. Ю.В. Томашевский. – Л.: Художественная литература, 1990. – С. 137.

1991

- 126.Левин Л.И.** Такие были времена. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 7.

1993

127. **Кац Р.С.** История советской фантастики. – Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – С. 19.
128. **Тяпков С.Н.** Русская «бульварная» лит-ра начала XX века в критических отзывах и пародиях современников // Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. тр. – Ивановский гос. ун-т, 1993. – С. 59.
129. **Karlheinz Kasper.** Russische Prosa im 20. Jahrhundert: Eine Literaturgeschichte in Einzelporträts: 1914-1934. – München: Wilhelm Fink, 1993. – S. 234.

1994

130. **Irlenkäuser Olaf.** Die russischen Literaturzeitschriften seit 1985: Kontinuität und Neubeginn. – München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1994. – Ss. 63, 73.

1995

131. **Гилимьянова Л.Ф.** Проблемы типологии и поэтики русской повести 1930-х гг.: автореферат дис. ... кандидата филологич. наук / Томский гос. ун-т. – Томск, 1995. – С. 5, 18.
132. **Кормилов С.И.** Маргинальные системы русского стихосложения. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. – С. 110.
133. **Lucà, Alessandra Silvana.** Leonid Dobycin: una voce del dissenso nella letteratura sovietica degli anni Trenta. – Torino : Università degli studi di Torino, 1995. – 378 p.

1996

134. **Zekri Sonja.** Die Ohnmacht des Räubers in der Provinz [Рец. на кн.: Dobycin L. Im Gouvernement S.: Shurkas Verwandtschaft: Roman / Aus dem Russischen übersetzt, herausgegeben und mit einem Nachwort von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse,

1996] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1996. – 3 Dezember (№ 282). – S. 6.

1997

- 135.Перхин В.В.** Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. – СПб: Изд-во СПб. ун-та, 1997. – С. 150-152, 258.

1998

- 136.Веселова Н.А.** Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. – С. 8.
- 137.Steinberg S., Bing J.** [рец. на кн.: Dobychin L. The Town of N / Translated by Richard C. Borden with Natalia Belova. Introduction by Richard Borden. – Northwestern University Press. Evanston, Illinois, 1998] // Publishers Weekly. – 1998. – Vol. 245. – № 25. – P. 84.

1999

- 138.Bljum Arlen V.** Zensur in der UdSSR, T. 2, Archivdokumente 1917-1991. – Bochum: Projekt-Verl, 1999. – S. 244-246.
- 139.Havel A.** [рец. на кн.: Dobychin L. The Town of N / Translated by Richard C. Borden with Natalia Belova. Introduction by Richard Borden. – Northwestern University Press. Evanston, Illinois, 1998] // Review of Contemporary Fiction. – 1999. – Vol. 19. – № 2. – Pp. 134-135.
- 140.Ziolkowski M.** World Literature in Review: Russian [рец. на кн.: Dobychin L. The Town of N / Translated by Richard C. Borden with Natalia Belova. Introduction by Richard Borden. – Northwestern University Press. Evanston, Illinois, 1998] // World Literature Today. – 1999. – Vol. 73. – № 1. – P. 174.

2000

- 141. Fitzpatrick Sheila.** Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – Oxford University Press, 2000. – P. 167, 172.
- 142. Lauer Reinhard.** Geschichte der russischen Literatur: Von 1700 bis zur Gegenwart. – München: Verlag C. H. Beck, 2000. – S. 715, 954; *То же* [сокращенный вариант]: **Lauer Reinhard.** Kleine Geschichte der russischen Literatur (Taschenbuch). – München: Verlag C. H. Beck, 2005. – S. 211-212.
- Рец.: **Simonek Stefan.** Österreichische Osthefte, Band 28, Jahrgang 46/Wien 2004. – S. 244.
- 143. Penndorf Helmar, Schulze Ingo.** Von Nasen, Faxen und Ariadnefäden: Zeichnungen und Fax-Briefe. – Berlin: Friedenauer Presse, 2000. – S. 129.

2001

- 144. Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. Л.Ю. Пантина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2001. – С. 200-201, 206; *То же*. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С. 200-201, 206.
- 145. Lanin Boris.** Experiment and emigration: Russian literature, 1917–1953 // The Routledge companion to Russian literature / Edited by Neil Cornwell. – London and New York: Routledge, 2001. – P. 191.

2002

- 146. [Аркус Л.]** В Пушкинский дом поступает рукопись «Шуркина родня» Леонида Добычина, считавшаяся утраченной // Новейшая история отечественного кино. 1986-2000. Кино и контекст. Т. IV. 1986-1988. – СПб.: Сеанс, 2002. – С. 663.

- 147. Берковский Н.Я.** Думать за себя, говорить за всех // Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. – М.: Русская книга, 2002. – С. 521 [фрагмент статьи].
- 148. Добин Е.С.** Формализм и натурализм – враги советской литературы // Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. – М.: Русская книга, 2002. – С. 520-521 [фрагмент статьи].
- 149. За социалистический реализм в искусстве** // Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. – М.: Русская книга, 2002. – С. 518-519 [фрагмент статьи].
- 150. Каверин В.А.** Леонид Добычин // Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. – М.: Русская книга, 2002. – С. 195-209.
- 151. Калюжный В.Н.** Нечаянные «Встречи с Лиз» (феноменалистическая поэтика Л. Добычина) // Викладання мов у вузі на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки: зб. наукових праць. – Х.: Константа, 2002. – Вип. 6. – С. 188-197.
- 152. Равинский Д.К.** [Рец. на кн.: Савицкий С. Андеграунд (История и мифы ленинградской неофициальной культуры). М.: Новое литературное обозрение, 2002] // Новая Русская Книга. – 2002. – № 2 (13). – С. 41.
- 153. Резник О.С.** Позорная книга // Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. – М.: Русская книга, 2002. – С. 521-523.
- 154. Юрченко Т.Г.** [Борден Р. С. Выпоротый ангел: К определению координат «Города Эн» Леонида Добычина. Borden R. C. The Flogging Angel: Toward a Mapping of Leonid Dobychin's «Gorod En» // The Russian Review. 2001. April (№ 2). P. 259-274] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 7: Литературоведение. – Реферативный журнал. – 2002. – № 4. – С. 156-157.
- 155. Bush Frank.** Krieg und Unfrieden. Der fall Dobytschin // DIE ZEIT. – 1989. – Nr. 12 (17 März). – S. 69. (Рец. на: Dobytschin L. Die Stadt N: Roman; Mit einem Vorw. von Wenjamin Kawerin; Aus dem Russ. U. Mit Anm. Vers. von Gabriele Leupold. – Frankfurt/M.: Fischer, Cop., 1989.)

2003

156. **Егорова О.Г.** Развитие цикла и жанровые трансформации в русской прозе первой половины XX века: Монография. – Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 2003. – С. 64.
157. **Корниенко Н.В.** Сказано русским языком Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе ИМЛИ РАН, 2003. – С. 171.
158. **Waegemans Emmanuel.** Histoire de la littérature russe de 1700 à nos jours. – Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2003. – S. 242.

2004

159. **Абашева М.** Высокий стиль: штрихи к научной биографии В. В. Эйдиновой / М. Абашева, В. Абашев // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. – С. 300.
160. **Виноградова З.В.** Гоголь в литературном процессе 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: С-Петерб. гос. ун-т, 2004. – С. 15, 18.
161. **Егорова О.Г.** Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 18.
162. **Лейни Р.Н.** Модернистская ирония как один из истоков русского постмодернизма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – С. 5, 6, 13, 14, 17.
163. **Сухих И.Н.** Чехов и Добычин: два «события» и метафизика прозы // Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. 2-е изд., доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 432-436, 441-446.
164. **Pavan Stefania.** Vasilij Rozanov e la prosa russa del XX secolo. Considerazioni su accettazione e rifiuto della cultura Rinascimentale Italiana // Quaderni del Dipartimento di Linguistica. – Università di Firenze, 2004. – № 14. – 191-209.
165. **Јовановић Миливоје.** Леонид Добичин // Сада када сам се пробудио: Антологија руске приче XX века. Том I (од

Сологуба до Хармса) / Приредили Миливоје Јовановић,
Владимир Меденица. – Београд: „Плато”, 2004. – С. 692.

2005

- 166.Бойко С.С.** Об интерпретации романа Леонида Добычина «Город Эн» // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения: Мат. X Шешуковских чтений. – М., 2005. – С. 55-57.
- 167.Вейсман И.З.** Ленинградский текст Сергея Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2005. – С. 16.
- 168.Коваленко С.А.** [Комментарии] Анна Ахматова: pro et contra: Антология. Т. 2 / Сост. С.А. Коваленко. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2005. – С. 845.
- 169.Красильникова Е.Г.** Постмодернистский дискурс русского романа 1970-х годов: Автореф. дис. ... доктора культурологии. – Пенза: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2005. – С. 23, 24.
- 170.Лощилов И.Е.** Об одной архаичной модели телесности у обэриутов («Семь плюс два») // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе (Архетип, мифологема, мотив): Материалы II Международной конференции (25-26 января 2005 г.) / Под ред. В.Е. Головчинер. – Томск: ТГПУ, 2005. – С. 144-145.
- 171.Радько Е.В.** Роман В. Набокова «Приглашение на казнь»: Поэтика мнимости: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2005. – С. 10.
- 172.Смирнов И.** Ошибка, Бог и литература // Семиотика безумия: Сб. статей. – М.: Европа, 2005. – С. 55.
- 173.Трофимов И.В.** Предлоги как средство выражения пространственных отношений в прозе Л. Добычина («Встречи с Лиз») // Respectus Philologicus. – № 7(12). – Vilnius; Kaunas; Kelce, 2005. – С.168-173.
- 174.Brebanović Predrag.** Porodični metaroman // Reč (Beograd). – 2005. – № 73. – Str. 139.

175. **Pospíšil Ivo.** Ruský román znovu navštívený: historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti. – Brno: Nadace Universitas, 2005. – S. 179.

2006

176. **История русской литературы XX века (20-50-е годы):** Литературный процесс. Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – С. 15, 95, 183, 184, 216, 288.
177. **Кириллова И.В.** Феномен финальной книги в русской прозе XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006. – С. 17.
178. **Лосев Л.** Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 44-45; *То же.* – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 44-45; *То же.* – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 44-45.
179. **Лукьянова И.** Корней Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 456, 458, 631, 785, 918; *То же.* – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 457, 459, 631, 785, 918.
180. **Отставнова И.В.** Пространство российской провинции: «Жизнесмыслы»: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2006. – С. 15.
181. **Пономарева Е.В.** Русская новеллистика 1920-х годов: основные тенденции развития: Автореф. дис. ... док-ра. филол. наук. – Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 12.
182. **Шеховцова Т.А.** Актор от соцреализма, или искусство как отражение (по рассказу Л. Добычина «Ерыгин») // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2006. – № 727. Сер.: Філологія. – Вип. 47. – С. 141–146.
183. **Шукуров Д.Л. (инок Дамаскин).** Нарративные особенности малой прозы Леонида Добычина // III Сургучевские чтения. Творчество И.Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: Сб. мат. Международной нач.-практич. конф. (17- 20 октября 2006 г.). – Ставрополь, 2006. – С. 298-306.
184. **Brebanović Predrag.** Porodični metaroman // Brebanović Predrag. Podrumi marcipana – čitanje Bore Ćosića. – Beograd: „Fabrika knjiga”, 2006. – Str. 55.

2007

- 185. Белоусова Е.Г.** Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920-1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Е.Г. Белоусова; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург: [б. и.], 2007. – С. 10-11
- 186. Белоусова Е.Г.** Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920-1930-х годов // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2007. – № 49, вып. 13. – С. 254-255.
- 187. Болдырева Е.М.** Автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: Автореферат дис. ... доктора филол. наук. – Ярославль: Рос. ун-т дружбы народов, 2007. – С. 43.
- 188. Бузаджи Д.М.** «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе: на материале английского и русского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2007. – С. 20.
- 189. Гедройц С.** [Рец. на: Город Эн / Коммент. и примеч. А.Ф. Белоусова. Даугавпилс: Saule, 2007] // Звезда. – 2008. – № 2. – С. 230-232.
- 190. Жолнина Е.В.** «Голубая книга» М.М. Зощенко: текст и контекст: Автореферат дис. ... кандидата филол. наук. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2007. – С. 9.
- 191. Клецкина О.М.** Игра в малой прозе С.Д. Кржижановского: философия, эстетика, поэтика: Автореферат дис. ... кандидата филол. наук. – Томск: Том. гос. ун-т, 2007. – С. 3.
- 192. Паунковић Зорислав.** [Рец. на: Добычинский сборник 5. Daugavpils Universitātes, Akadēmiskais apgāds „Saule”, Daugavpils, 2007] // „Руски алманах”. – 2008. – № 13. – С. 208.
- 193. Тахо-Годи Е.А.** Добычин Леонид Иванович // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. – Т. 9. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – С. 166-167.
- 194. Федоров Ф.П.** Этюд о Двинске // Humanitāro Zinātņu Vēstnesis (Daugavpils Universitāte). – 2007. – №12. – С. 95, 96.

195. **Чупринин С.** Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. – М.: Время, 2007. – С. 102 [Вторая литература], 200 [Квалифицированное читательское меньшинство], 538 [Славистика].
196. **Шеховцова Т.А.** Добычин и Мандельштам, или Тоска по мировой культуре // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2007. – № 787. Сер.: Філологія. – Вип. 52. – С. 324–328.
197. **Шукуров Д.Л.** Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2007. – С. 35-37.
198. **Эйдинова В.В.** О стиле И. Бабеля («Конармия») / В.В. Эйдинова // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 6. – С. 29.

2008

199. **Баран Хенрик.** Русский футурист о французской гадалке (комментарий к одному тексту А. Крученых) // Literature and beyond: festschrift for Willem G. Weststeijn on the occasion of his 65th birthday / edited by, Eric de Haard, Wim Honselaar, Jenny Stelleman. Amsterdam: Pegasus, 2008. – Рр. 91-102.
200. **Голубков С.А.** Провинция как пространство // Коды русской классики: «провинциальное» как смысл, ценность и код: Материалы II Межд. науч.-практич. конф., посвященной 60-летию зав. каф. русской и зарубежной литературы Самарского ГУ Сергея Алексеевича Голубкова (Самара, 29-30 ноября 2007 года). – Самара, 2008. – С.28.
201. **Горманова Л.Ю.** Ономастикон текста как проявление языковой личности автора (на примере антропонимов малой прозы Леонида Добычина) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – Вып. 36. – М., 2008. – С.89-95.
202. **Гранин Д.** Листопад // Звезда. – 2008. – № 2. – С. 79.
203. **Ермолаева Ж.Е.** Петербургский текст: мифология города в прозе 20-30-х годов XX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2008. – С. 6.

204. **Иованович Миливое.** Неизвестный Добычин // Русская почта: Журнал о русской литературе и культуре. – Белград, 2008. – № 2. – С. 157-160.
205. **Королев С.И.** В поисках утраченного автора (по материалам литературы о писателе Л. Добычине) // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2008. – № 3. – С. 51-56.
206. **Королев С.И.** Проблема автора в прозе Л. Добычина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2008. – 20 с.
207. **Лощилов И.Е.** Антон Сорокин: скандал в провинции // Литературно-художественный авангард в социо-культурном пространстве российской провинции: история и современность: Сб. статей участников Международной научной конференции (Саратов, 9-11 октября 2008 г.). – Саратов, 2008. – С. 383.
208. **Мейлах М.Б.** «You cannot leave mother an orphan»: о джойсовском эпиграфе Ахматовой // *Natales grate numeras?*: Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. – СПб., 2008. – С. 393-394.
209. **Станкевич А.И.** Даугавпилс (Двинск) в творчестве И. Сабуровой и А. Аустриныша. // *Latgale kā ultūras pierobeža*. – Daugavpils: «Saule», 2008. – С. 308-309, 313.
210. **Тамарченко Н.Д.** Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 260.
211. **Федоров Ф.П.** Духовное пространство Латгалии // *Latgale kā ultūras pierobeža*. – Daugavpils: «Saule», 2008. – С. 17-20.
212. **Фоменко И.В.** Ритм и смысл: Опыт интерпретации романа «Город Эн» // Новый филологический вестник. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 60-68.
213. **Цыплакова Т.В.** Изучение современной русской литературы в 11 классе профильной школы на основе литературной преемственности: Автореф. дис. ... кандидата педагогических наук. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008. – С. 9.
214. **Шубинский В.** Даниил Хармс: Жизнь человека на ветру. – СПб.: Вита Нова, 2008. – С. 227, 408, 424-425, 505.

- 215. Loščilov Igor.** L. Dobyčín: Izvolite / Prevela Nastja Poljak // Književna smotra: Časopis za svjetsku kniževnost. 2008. Godište XL. Broj 148 (2). Zagreb: Hrvatsko folološko društvo, Denona. S. 47–54.
- 216. Urban Peter.** Anmerkungen zum Nachwort // Dobyčín Leonid. Evdokija: Eine Erzählung / Aus dem Russischen übersetzt von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 2008. – SS. 25-28.
- 217. Urban Peter.** Nachwort // Dobyčín Leonid. Evdokija: Eine Erzählung / Aus dem Russischen übersetzt von Peter Urban. – Berlin: Friedenauer Presse, 2008. – SS. 29-30.